

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Т. XVII
ВЫПУСК
ИСТОРИЧЕСКИЙ

ИЗДАНИЕ СГУ

САРАТОВ, 1947

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

им. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Т. XVII

ВЫПУСК

ИСТОРИЧЕСКИЙ

ИЗДАНИЕ СГУ

САРАТОВ, 1947

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Территория Нижнего Поволжья по характеру своей природы и географическому положению занимала на протяжении многих столетий важное место в истории народов степей юга СССР. Здесь, на огромных пространствах степной и лесостепной полосы, в течение длительного периода времени обитали охотничье-рыболовческие, а позже скотоводческо-земледельческие племена, сыгравшие видную роль в распространении культурных влияний с юга на север, на пограничные районы Волго-Окского бассейна и Прикамья.

Изучение археологических памятников показывает, что в степях Поволжья уже в конце второго и в начале первого тысячелетия до нашей эры начинается процесс разложения первобытно-общинного строя, а движение кочевников степных пространств — скифо-сарматов, а позже монголо-тюркских племен — накладывает своеобразный отпечаток на последующий период в истории степей Юго-Востока Европы. Вот почему изучение археологических памятников Нижнего Поволжья дает такой материал, значение которого не ограничивается историей местного края.

В дореволюционное время изучение археологических памятников Нижнего Поволжья не выходило за рамки случайных раскопок и слабых попыток научного освещения случайно собранных материалов. Период систематических археологических исследований на территории Нижнего Поволжья относится к послереволюционному времени. Начало плановых исследований археологических памятников было положено Саратовским государственным универ-

ситетом. Первые раскопки и обследования, произведенные в 1919—1921 гг. проф. Ф. В. Баллодом в районе побережья Волги от Саратова до Царицына (ныне Сталинграда), вскрыли многочисленные памятники Золотоордынской культуры¹. В последующие годы в степях Заволжья были открыты памятники бронзовой эпохи, сарматской культуры, в том числе Сусловский могильник. Раскопки, произведенные в 1925 г. Б. Н. Граковым в районе сел Blumenфельд (ныне Цветочный) и Харьковки, дали замечательные результаты по изучению ранней скифо-сарматской культуры VI—IV вв. до н. э.²

Археологические исследования последних 20 лет охватили многочисленные районы Поволжья, значительно продвинув вперед изучение древних памятников на указанной территории. Наши раскопки поселений бронзовой эпохи, произведенные в 1938—1939 гг. в степных районах Заволжья, в бассейне Иргиза, восполнили известный пробел археологических исследований этой важнейшей категории памятников в изучении родового общества бронзовой эпохи. Наконец, большие археологические исследования, произведенные в последние годы в районах, прилегающих к северо-западному побережью Каспийского моря и долине Маныча, дали исключительно важные материалы, позволяющие установить локальные особенности в развитии бронзовых культур Нижнего Поволжья и выделить совершенно новую, неизвестную до сих пор группу памятников поздне-бронзового предскифского времени.

В итоге отмеченных исследований накопился большой археологический материал, характеризующий отдельные этапы истории Нижнего Поволжья и степей Юго-Востока Европы. К сожалению, только небольшая часть результатов этих исследований своевременно опубликована, значительная часть осталась фондовым материалом музеев, не будучи введенной в обиход исторической науки. Между тем, материалы этих раскопок, являясь первоисточником в изучении ранней истории Нижнего Поволжья, заслуживают того, чтобы сделать их достоянием всех, изучающих историю степей Юго-Востока СССР.

Особенно необходимым является опубликование результатов исследований памятников сарматской культуры. Вопрос о сарматской культуре имеет особое значение в изучении Поволжья и юга СССР потому, что корни многих культурных черт, свойственных более поздним этническим образованиям, в значительной степени связаны с

сарматской эпохой. И не случайно, вслед за акад. Н. Я. Марром, поставившим во всю широту изучение проблемы скифо-сарматской культуры, в работах советских археологов — В. И. Равдоникаса, М. И. Артамонова, А. П. Смирнова и других, изучающих историю северного Причерноморья, историю народов Поволжья — Хазар, Болгар, настоятельно отмечается генетическая связь с сарматской эпохой тех поздние-этнических племенных и государственных образований, которые имели место в Поволжье. Эта точка зрения наиболее отчетливо сформулирована М. И. Артамоновым, отметившим, что „Общее наименование племен северного Причерноморья и Прикавказья в послегунисскую эпоху „болгары“, по указанию Н. Я. Марра, является разновидностью имени „сарматы“. Болгарский язык, остатки которого уцелели до сих пор в языке чуваш, по свидетельству Н. Я. Марра, является языком яфетической стадии в развитии туземного населения юго-восточной части нашей страны, стадии, охватывающей и сарматскую эпоху, а болгарские племена — остатком сарматского населения, скрещенного с новыми этническими элементами, явившимся в эпоху гуниского вторжения... Сарматские элементы могли сохраниться не только в культуре алан-осетин, но и тех болгаро-хазарских племен, которые занимали степи и создали здесь особые политические образования — сначала болгарский племенной союз, а затем на его развалинах могущественное Хазарское царство“³.

Несмотря на важность изучения сарматской культуры, необходимо отметить, что памятники этого времени менее всего изучены. Надлежащим образом не изучен рядовой материал курганных погребений, а датировка отдельных типов погребений в большинстве случаев остается весьма условною. Не было до сих пор попытки выявить этнические группы сарматских племен. Между тем, различия форм могильных сооружений, комплекс могильного инвентаря, палео-антропологические данные, изучение которых было начато Г. Ф. Дебецом⁴, могут внести многое в изучение этого вопроса.

Углубленная разработка вопросов сарматской культуры, естественно, может быть осуществлена на основе изучения первоисточников этого времени. Этими первоисточниками являются курганные погребения. Поэтому совершенно необходимым является публикация результатов полевых исследований, которые позволяют в дальнейшем дать более широкие обобщения.

Публикуемый материал является результатом археологических раскопок, произведенных в 1928—1929 и 1939 гг. в Заволжье, на территории Саратовской обл. Основные работы были проведены в степных районах у с. Боаро, р. М. Караман, Экгейм-Усатово, р. Еруслан, хут. Шульц и Альт-Веймар, р. Торгун и в нагорной стороне (правый берег Волги) у с. Меркель, р. Карамыш.

По новому административному делению с. Боаро (ныне с. Бородаевка) Марксовского района и с. Экгейм-Усатово (ныне с. Усатово) Комсомольского района входят в состав Саратовской области, хут. Шульц (ныне совхоз „Красный Октябрь“), Альт-Веймар (ныне Старая Иванцовка) и с. Меркель (ныне Макаровка) вошли в состав Сталинградской области.

Раскопки были организованы музеем гор. Энгельса и в 1928—1929 гг. проведены П. Д. Рау; раскопки 1939 г. проведены мною. Все материалы, полученные из раскопок, хранятся в настоящее время в музее гор. Энгельса. Из раскопок 1928 года в данную публикацию мы включаем материалы сарматских курганных погребений. Памятники бронзовой эпохи и скифской культуры раскопок этого года опубликованы отдельно^{5,6}. Итоги раскопок 1929 и 1939 гг. включены полностью, кроме одного скифского погребения, также своевременно опубликованного⁶.

Исследованные памятники представляют две группы — памятники бронзовой эпохи и скифо-сарматского времени. В такой хронологической последовательности мы и даем обзор добытого материала.

БРОНЗОВАЯ ЭПОХА

Раскопками 1929—1939 гг. исследовано более 30 погребений, относящихся к бронзовой эпохе. Часть погребений относится к древне-бронзовой эпохе — погребения ямного типа, значительная часть относится к поздне-бронзовому времени — погребения так называемого срубно-хвалынского типа. Помимо обычных погребений, исследованиями этих лет обнаружен новый погребальный ритуал, связанный с трупосожжением.

Погребения ямного типа открыты раскопками 1939 года близ с. Бородаевки (Боаро) * в группе курганов, распо-

* В дальнейшем название мест раскопок мы приводим по новому наименованию.

ложенных на левом берегу р. Малый Караман, около плантации „Рунталь“. К этой группе относятся следующие погребения: кург. № 4—погр. 1, 4, 5; кург. № 8—погр. 1, 2, 3; кург. № 9—погр. 6, 7.

Основным характерным признаком ямных погребений является устройство могил в виде прямоугольных ям, имевших иногда размеры 3×3 м и более двух метров глубины. Сверху могильные ямы покрывались бревнами или плахами (расколотые на две половины бревна). В свою очередь, накатник покрывался мелким хворостом и толстым слоем травы, не пропускающим земляную насыпь внутрь могильной ямы.

Во всех могилах наблюдаются черты одного и того же погребального ритуала: скелеты лежат на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты коленями вверх. В отдельных могилах погребенный первоначально имел сидячее положение, и когда мускулы его распались, то согнутые ноги коленями падали в ту или иную сторону, туловище запрокидывалось на спину, ступни оставались „плашмя“ — параллельно друг другу, что никогда не наблюдается при положении покойника скорченно на боку. Скелеты принимали положение головою на северо-восток, реже на восток. Дно могилы посыпалось красной краской до положения покойника, и вторично после положения покойника, вместе с ним. Описанный ритуал очень устойчиво сохраняется на всем протяжении древнего периода и служит объединяющим признаком этой группы погребений.

В отдельных могилах погребались взрослые и дети. Погребения взрослых чаще без вещей, в детских могилах обнаружены глиняные горшки круглодонной формы, орнаментированные параллельными круговыми полосами из веревочных вдавлений (Бородаевка, кург. № 4—погр. 5 (рис. 79) или мелкозубчатым штампом. Посуда такого типа в погребениях Нижнего Поволжья встречается очень редко.

Для определения стадильности погребений особый интерес представляет кург. № 9 (с. Бородаевка, раскопки 1939 г.). В могильной засыпке основного древне-ямного погребения (мог. 7) была устроена впускная могила (погр. № 6).

В процессе раскопок удалось установить, что захоронение впускного погребения было совершено после того, как перекрытие основной могилы сгнило и обрушилось

на дно могильной ямы, а образовавшаяся над могилой большая воронкообразная яма заплывала землей настолько, что сравнялась с древним горизонтом краев могилы. Однако к моменту устройства впускной могилы, заплывшие слои земли не получили еще окончательной осадки, вследствие чего скелет неравномерно опустился в могилу. Такое положение скелета впускной могилы позволяет считать, что между основным и впускным погребением прошел сравнительно небольшой промежуток времени, но не менее 100 лет.

В погребении № 6 найден глиняный горшок, орнаментированный сверху до дна мелкозубчатым чеканом (рис. 89). По форме, технике и орнаментации сосуд находит себе аналогии среди посуды из погребений ранне-бронзовой эпохи. Аналогичная керамика известна из ряда курганных погребений, раскопанных на территории Нижнего и Среднего Поволжья. Значение этого погребения заключается в том, что оно является наиболее ярким связующим звеном древне-ямных погребений с типом погребений раннего срубно-хвалынского комплекса или так называемой Полтавкинской стадией. Аналогичные материалы, добытые раскопками последних лет на территории Нижнего Поволжья, позволяют признать неверным заключение о существовании самостоятельных культур — „срубной“ и „хвалынской“ и снимают вопрос о приходе извне населения срубно-хвалынской культуры.

Следующая группа памятников поздне-бронзовой эпохи представлена значительно большим количеством погребений, открытых в разных районах Заволжья. К этой группе относятся следующие погребения:

Раскопки 1929 года

С. Макаровка — кург. G 1, погр. 1, 2, 3, 4; кург. G 2, погр. 4, 6, 7; кург. G 4, погр. 1, 2, 3.

С. Усатово (хут. Лебзак) кург. G 5, погр. 8.

Совхоз „Красный Октябрь“ — кург. F 10, погр. 14.

С. Бородаевка — кург. G 7, погр. 1, 2, 3, 4.

Раскопки 1939 года

С. Бородаевка — кург. № 5 — погр. 1; кург. № 6 — погр. 1, 2; кург. № 7; кург. № 9 — погр. 4.

Исследованные могилы принадлежат наиболее распространенному типу погребений, имевших устойчивый ритуал

и могильный инвентарь. Являясь продолжением древне-ямных погребений, эта группа памятников в основном сохраняет тот же способ устройства погребального сооружения. Могилы прямоугольно-удлиненной формы. Сверху они покрывались бревнами или плахами (колотые пополам бревна) и земляной насыпью; очень редко могильная яма засыпалась землей. Еще реже наблюдается в могилах этого времени обрамление стенок бревнами — срубом. Кстати отметим, что погребения в срубах для бронзовой эпохи Нижнего Поволжья не являются характерными: из свыше 300 погребений так называемой срубно-хвалынской культуры, раскопанных на территории Нижнего Поволжья, только в 3 могилах были встречены деревянные срубы, в это число входят — публикуемое погребение из кургана G 1, погр. 1, с. Макаровка и погребения Покровской юго-восточной группы: кург. № 7, погр. 3 (раскопки 1924 г.) и кург. № 15, погр. 3 (раскопки 1925 г.)⁷. К этому числу можно добавить весьма сомнительный сруб разрушенного погребения из кург. С 24, раскопанного П. Д. Рау близ с. Мариенталь (ныне Советское)⁸.

Во всех могилах наблюдается один и тот же способ захоронения. Скелеты, как правило, положены скорчено, на левом боку, руки — кистями перед лицом. Ориентировка погребенных — головою на северо-восток, реже с отклонением на север или восток. В могилах этой группы обнаружены парные погребения. Всего было исследовано четыре могилы с коллективным захоронением, причем в трех случаях положены мужчина вместе с женщиной (кург. G 2, погр. 6; кург. G 4, погр. 3; кург. G 7, погр. 4). Из них в двух могилах погребения подростков (кург. G 2, погр. 6 и кург. G 7, погр. 4) и в одном случае — захоронение женщины и ребенка (Бородаевка, кург. № 6, погр. 1). Последнее погребение показывает, что наряду с обычаем убийства женщины, продолжает существовать и обычай убийства детей, вследствие смерти их матери. Таким образом исследованные погребения вносят дополнительные данные к выводам, ранее сделанным по вопросу о совместных погребениях^{9, 10}.

Могильный инвентарь погребений оказался весьма однообразным. Почти в каждом погребении находится один или два глиняных горшка. Керамика представлена сосудами баночной формы, с прямыми или остросереберными стенками. Сосуды орнаментированы простыми наклонными линиями или треугольниками, обращенными основанием вниз или вверх.

Некоторые горшки без всякого орнамента. В основном форма сосудов и орнаментация весьма характерны для погребений поздне-бронзовой эпохи Нижнего Поволжья.

Помимо керамики, в погребальный инвентарь исследованных курганов входят бронзовые предметы: плоские ножи (кург. G 2, погр. 4, 5; кург. G 5, погр. 8), тонкие желобчатые браслеты и такие же височные подвески-серьги (кург. № 7, кург. G 7—погр. 2). Аналогичные бронзовые предметы хорошо известны в погребениях бронзовой эпохи Нижнего Поволжья.

Особый интерес представляют костяные предметы, относящиеся к орудиям охоты. В кургане G 2, погр. 4 (с. Макаровка), наряду с другими предметами, обнаружено два наконечника стрел. Оба наконечника имеют круглую форму и конусовидный конец, а для насадки—втулку до 1,5 см глубиной. Длина наконечника до 6 см, диаметр 8 мм (рис. 51). Костяные трехгранные втульчатые наконечники стрел „скифского“ типа, а также трехгранные черешковые, хорошо известны в курганных погребениях бронзовой эпохи Нижнего Поволжья. Найдены они и в землянках этого времени (с. Успенка, р. Иргиз, раскопки 1939 г.). Вышеописанный тип наконечников обнаружен впервые. Вместе с наконечниками в указанном погребении были найдены—предохранитель от тетивы (?) в виде пластинки, слегка вогнутой с одной стороны и снабженной двумя округлыми шишечками—на другой (рис. 51), заднее концевое яблочко стрелы в виде заостренного стерженька с дугообразным вырезом на конце (рис. 51) и костяная внутриволая цилиндрическая трубочка с тонкой перегородкой внутри и закругленным одним концом (рис. 51). Несмотря на своеобразие описанных предметов, характер погребального комплекса и особенно тип посуды позволяют признать данное погребение типичным для конца бронзовой эпохи.

В заключение общей характеристики группы погребений поздне-бронзовой эпохи необходимо отметить основную могилу кургана G 5, погр. 8, раскопанного близ села Усатово. В отличие от типичных форм могильных сооружений, данное погребение имеет своеобразное устройство надмогильного перекрытия и иной характер погребального ритуала. Могильная яма имела перекрытие в виде крыши, поддерживаемой деревянным столбом, поставленным посредине могильной ямы. Положение скелета, в отличие от скорченных, —вытянутое на спине.

Все эти признаки позволяют считать данное погребение переходным от поздне-бронзовой эпохи к погребениям скифского типа.

В особую группу памятников мы выделяем погребения, в которых обнаружен новый погребальный ритуал, связанный с трупосожжением над могилкой и захоронением остатков с сожжением в могилах. Этот новый погребальный ритуал открыт в следующих курганах:

С. Макаровка—кург. G 1, погр. 1; кург. G 2—остатки надмогильного сооружения со следами трупосожжения и погр. 5.

С. Бородаевка—в группе „Калмыцкая гора“, раскопки 1929 г., кург. G 8.

С. Бородаевка—в группе „Рунталь“, раскопки 1939 г., кург. № 5, погр. 2.

Исследованные памятники представляют собой своеобразный похоронный ритуал. Среди памятников бронзовой эпохи на территории Нижнего Поволжья погребения с трупосожжением совершенно не были известны. Вследствие новизны ритуала погребений, первые открытые памятники оставались не совсем ясными и не могли быть определены во времени. В результате раскопок последних лет мы располагаем хорошо документированным материалом, позволяющим внести ясность хронологического определения нового погребального ритуала. Особенно отчетливо это выясняется данными могильного инвентаря и характером захоронений в таких курганах, как G 2, погр. 5 (Макаровка), кург. № 5 (Бородаевка) и других. Бесспорно можно считать установленным, что в Нижнем Поволжье в бронзовую эпоху, наряду с преобладающим типом погребений—труположением, существовал обычай трупосожжения, который, как известно, широко бытовал в соседних районах распространения культуры, синхроничных хвалынской, в частности в границах распространения андроновской культуры, в Челябинской области¹¹, в районе Караганды и в других районах Приуралья.

Все наиболее характерные черты исследованных памятников, устанавливаемые на основании могильных сооружений и всего комплекса могильного инвентаря, являются весьма важными для более полной характеристики родового общества конца бронзовой эпохи на территории Нижнего Поволжья и смежных областей.

Памятники скифо-сарматской культуры раскопками указанных лет открыты во всех районах производимых работ.

К скифским памятникам относятся погребения, раскопанные нами в 1939 году близ с. Бородаевки, около плантации „Рунталь“ (левый берег р. М. Карамана), в кург. № 4, погр. 3, кург. № 9, погр. 1, 2, 3.

Погребения характеризуются общими для них признаками: могилы устроены в курганах бронзовой эпохи, непосредственно в насыпи кургана или неглубоких грунтовых ямах. Скелеты положены вытянуто на спине, головой, преимущественно, на юго-запад. Могильный инвентарь очень беден, а в некоторых могилах совершенно отсутствует. В одном погребении (кург. № 4, погр. 3) найден глиняный сосуд, изготовленный без гончарного круга (табл. VII, рис. 1). Сосуд имеет толстые стенки и орнаментирован выпуклыми шишечками вокруг горла. Близким по форме и орнаменту является горшок из скифского погребения, раскопанного в группе курганов близ гор. Покровска (ныне Энгельс) — кург. 5, погр. 3, раскопки 1923 г.¹ Аналогичные сосуды являются весьма типичными для скифских погребений Нижнего Поволжья. В остальных могилах никаких сопровождающих предметов не обнаружено. Однако, несмотря на отсутствие инвентаря, расположение погребений позволило уточнить хронологическую последовательность их захоронения. В процессе раскопок установлено, что скифские могилы частично были разрушены при устройстве в тех же курганах сарматских погребений.

Общий характер вскрытых погребений хорошо известен в Нижнем Поволжье, что позволяет объединить их с целым рядом подобных скифских памятников, хронологически определяемых VI—III вв. до н. э.

Значительно полней представлены памятники сарматской культуры. Характерной чертой для сарматских курганных погребений Нижнего Поволжья является разнообразие могильного инвентаря, погребального ритуала и устройство могил. Эти особенности позволяют выделить из них наиболее характерные и хронологически разновременные группы погребений.

Исследованные памятники представляют в основном три хронологически разновременные группы:

1. Погребения ранне-сарматского времени III—I вв. до нашей эры (с переходом в I век н. э.).

2. Погребения I—III вв. н. э.

3. Погребения III—IV вв. н. э.

Ранне-сарматские погребения наиболее хорошо выявлены раскопками 1928—1929 гг. Всего было исследовано более 30 погребений, давших однородный могильный инвентарь и устойчивый ритуал.

В эту группу выделяются следующие погребения:

Раскопки 1928 г.

С. Бородаевка — кург. F 1., погр. 1, 2; кург. F 6—погр. 1, 2, 4, 5.

Совхоз „Красный Октябрь“ — кург. F 10, погр. 4, 5, 11.

Усатово — кург. F 18, погр. 1, 2, 3; кург. F 19, погр. 1, 2, 3, 4, 5; кург. F 20, погр. 1, 2; кург. F 21, погр. 1, 2, 3.

Раскопки 1929 г.

С. Макаровка — кург. G 2, погр. 2.

С. Усатово — кург. G 5, погр. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12.

Совхоз „Красный Октябрь“ — кург. D 17, погр. 7.

Характерным признаком данной группы является устройство могил в курганах более раннего времени. В одном кургане часто встречается несколько погребений. Основной тип могильного сооружения — глубокая входная яма с подбоем в западной или восточной стороне могильного входа. Вход в катакомбу закрывался бревешками или загородкой в виде плетня. Сверху могильный вход перекрывался тонкими бревешками, хворостом и реже засыпался землей. Некоторые могилы имеют удлиненно-прямоугольную форму. Ориентировка погребенных в большинстве случаев головою на юг. Скелеты часто положены в гробах, имевших форму прямоугольного ящика, боковые стенки которого состоят из продольных досок, в пазы которых вставлены тонкие дощечки с заостренными концами. Такая форма гробов обнаружена в ряде погребений (кург. G 5, погр. 1, 2, 3, 5, 7, 9, 10, 11, 12; кург. F 1, F 6, погр. 1, 2; F 10, погр. 5; F 19, погр. 2, 3 и др.). Указывая на этот факт, нельзя не отметить, что конструкция гробов имеет ближайшие аналогии в материалах интереснейшего Кенкольского могильника, территориально далеко расположенного от степей Нижнего Поволжья, но близкого по времени и культуре. Эта конструкция гроба безусловно при-

шла в степи Нижнего Поволжья в связи с ранним движением гуннов на запад, о котором говорит А. Н. Бернштам при характеристике культуры Кенкольского могильника¹⁸.

В характеристике погребального ритуала следует отметить наличие совместных погребений женщин и маленьких детей. Такие погребения обнаружены в кург. F 6, погр. 5; кург. F 21, погр. 2; кург. G 5, погр. 1, 5, 12. Возраст погребенных детей колеблется от младенческого до 7—10 лет. Наличие совместных погребений — женщин вместе с детьми — является немаловажным фактом для характеристики социально-экономического быта сарматских племен, оставших изучаемые памятники.

Могильный инвентарь, встречаемый в могилах, весьма характерен как в мужских, так и в женских погребениях. Некоторые предметы бытового характера, например посуда, в равной степени встречаются во всех погребениях. Для всех погребений соблюдается определенный ритуал: положение в могилу жертвенных животных — часть овцы. В остальном различия заключаются в том, что для мужских погребений характерно наличие предметов вооружения, для женских — украшений. В основном обряд погребений этой группы очень устойчив и дает незначительные отклонения.

Среди бытовых предметов большое место занимает керамика, составляющая значительную часть находок в погребениях. Сосуды не представляют собой однородной группы. Часть из них относится к типу больших (до 35 см высотой) круглодонных, продолговато-овальной или шаровидной формы горшков, имеющих невысокую, прямую шейку и несколько отогнутый наружу венчик. Поверхность горшков чаще красновато-желтого цвета без всякого орнамента. Некоторые сосуды сделаны очень грубо, несимметрично, леплены все отруки. Наиболее хорошо представлен этот тип в кургане F 6, погр. 2 (рис. 9); кург. F 10, погр. 5, (рис. 17); кург. F 10, погр. 11 (рис. 22) и другие.

Вместе с описанным типом посуды во многих погребениях найдены горшки меньшего размера, но также с раздутыми, округлыми боками, иногда небольшим плоским или круглым дном. Некоторые сосуды на плечиках имеют небольшую ручку-ушко. По плечикам сосудов иногда расположен орнамент из параллельных, опускающихся вниз линий и вокруг горла поясok в виде рельефного выступа (кург. F 6, погр. 2, рис. 10; кург. F 6, погр. 5, рис. 13;

кург. F 10, погр. 11, рис. 20; кург. F 18, погр. 2, рис. 33). Помимо указанных форм посуды, есть несколько переходных, однако, не выходящих из общего комплекса посуды изучаемых памятников. Общими чертами, объединяющими в единый комплекс керамику данной группы погребений, являются ее форма и техника изготовления. По этим признакам керамика сарматских погребений Заволжья имеет ряд аналогий среди памятников восточных районов степей юго-западного Приуралья и прежде всего среди ранне-сарматских, так называемых прохоровских погребений, хронологически определяемых первыми веками до н. э.

Среди керамического материала особо выделяются небольшого размера ритуальные сосудики-курильницы, широко бытовавшие в сарматской среде и в более позднее время. Курильницы чаще цилиндрической или четырехгранной формы в виде усеченной пирамиды с одним или двумя отверстиями у верхнего края. В ранне-сарматских погребениях они имеют вид широкой плоскости с округлым дном и широким краем (кург. F 18, погр. 2, табл. IV, рис. 3). В кургане G 5, погр. 1 округлая курильница на конусовидной подножке (табл. IV, рис. 1). Эти формы имеют отдаленные аналогии с курильницами катакомбных погребений бронзовой эпохи Поволжья.

Кроме керамики, в погребениях, как уже отмечалось, встречаются самые разнообразные предметы быта. В мужских могилах среди предметов вооружения особо выделяются железные мечи и кинжалы с серповидным навершием и прямым перекрестием (кург. F 19, погр. 2, 4; кург. G 5, погр. 2, 11).

В Усатовском кургане (F 19, погр. 2) найдено два меча с прямым перекрестием и серповидным навершием. По форме и размерам мечи представляют наиболее типичное вооружение ранне-сарматского времени. Массивный меч имел общую длину 107 см, ширину клинка 5 см. У правого бедра (обычный способ ношения кинжалов этого времени) лежал короткий меч (рис. 38), общая длина которого равна 47 см. Такие же короткие мечи обнаружены и в других упомянутых могилах.

Как известно, мечи и кинжалы описываемого типа на территории Нижнего Поволжья встречаются весьма редко. Лучше они прослежены в памятниках Оренбургских степей и Приуралья. Данные о мечах этого типа, приведенные М. И. Ростовцевым¹⁴, а позже Б. Н. Граковым¹⁵, пополнились в последние десятилетия новыми материалами

из раскопок К. В. Сальникова¹⁶, П. А. Дмитриева¹⁷ и др. Увеличилось количество находок мечей и в Нижнем Поволжье. Помимо публикуемых данных, раскопками, произведенными нами в 1937 году в районе гор. Степного (бывш. Элиста), Астраханской области, обнаружены раннесарматские погребения, в том числе погребение с мечом, имеющим серповидное навершие и прямое перекрестие (не опубликовано). Установленная дата таких мечей—IV—I вв. до н. э.—будет являться определяющей датой и нижеволжских памятников.

Среди предметов вооружения не менее характерным являются бронзовые втульчатые, трехперые и железные трехгранные наконечники стрел. Они были найдены в мужских погребениях (кург. F 19, погр. 2, 3; кург. G 5, погр. 9 и 11). В кургане G 5, погр. 9 найдены только бронзовые наконечники стрел, в остальных погребениях вместе находились бронзовые и железные. Время их бытования определяется также IV—I вв. до н. э. П. Д. Рау в своем обзоре втульчатых бронзовых стрел Восточной Европы и Сибири определяет их поздне-эллинистическим временем¹⁸. Железные трехгранные наконечники стрел имели широкое распространение в Поволжье в первые века нашей эры.

Из предметов вооружения особенно интересным является находка трех луков (кург. F 19, погр. 2; кург. G 5, погр. 11). Сравнительно хорошо сохранившаяся средняя часть лука, состоящая из трех составных частей (кург. F 19, погр. 2, рис. 39) позволяет восстановить размеры и форму лука. Сохранившаяся часть кибиты имеет до 2 см толщины и до 55 см длины. Средняя часть кибиты в негнувшихся частях обложена двумя тонкими деревянными пластинками, тщательно полированными по наружной поверхности. Лук имел форму с вогнутой серединой и концами, загнутыми вперед. Общая длина его около 80 см. Размеру лука соответствуют и размеры стрел, — длина их 60—70 см.

Из других предметов, найденных в мужских погребениях, отметим плоские четырехгранные оселки-точилки, прямые однолезвийные железные ножи, остатки кожаного колчана (кург. G 5, погр. 9). Отмеченные предметы являются обычными находками в погребениях этого времени.

В отличие от мужских погребений, инвентарь женских могил состоит из разнообразных бус, височных золотых и бронзовых подвесок (серьги), в одном случае найдена бронзовая гривна. Из бытовых предметов наиболее характерными являются бронзовые зеркала, пряслица и др.

Бусы обнаружены в следующих погребениях: кург. F 6, погр. 1, 4, 5; F 10, погр. 5, 11; F 18, погр. 2, 3; F 19, погр. 1 (2); F 20, погр. 1, 2; G 5, погр. 1, 3, 7, 12. Бусы, встреченные в погребениях, довольно разнообразны. Среди них стеклянные, гешировые, сердоликовые, агатовые. Больше всего найдено стеклянных позолоченных, меньше гешировых. В отдельных погребениях разнообразные бусы обнаружены в большом количестве — свыше 350 штук (кург. F 18, погр. 2).

Височные подвески (серьги) найдены в 7 погребениях: кург. F 18, погр. 2, 3; F 19, погр. 1 (2); F 20, погр. 1; G 5, погр. 1, 3, 5. В трех случаях—золотые серьги из спиральносогнутой тонкой золотой проволоки (рис. 31 справа) и в трех случаях—такой же формы бронзовые, обложенные золотым листом. В погребении 2, кург. F 18, найдены две золотые серьги из проволочных спиралей с припаянным украшением в виде висячих гроздей (зернь) на конце золотой проволоки (рис. 31). Такого типа золотые серьги известны в сарматских погребениях из других районов Поволжья. Совершенно аналогичные серьги из IV прохоровского кургана описаны М. И. Ростовцевым¹⁹.

В кургане F 10, погр. 11 найдена гривна из тонкой бронзовой проволоки, согнутой в два оборота. Гривны в сарматских погребениях Нижнего Поволжья—редкая находка. Близкие по типу бронзовые гривны описаны М. И. Ростовцевым из указанных прохоровских курганов—кург. II и IV, где они обложены листовым золотом.

Среди вещей погребального инвентаря женских могил весьма характерными являются бронзовые зеркала. Они найдены почти во всех погребениях этой группы: кург. F 6, погр. 1, 4, 5; F 10, погр. 5, 11; F 18, погр. 2; F 19, погр. 1 (2); F 20, погр. 2; G 2, погр. 3; G 5, погр. 1, 5, 12.

За исключением одного зеркала (F 10, погр. 11), все найденные экземпляры в фрагментарном состоянии и положены в могилу неполностью, поэтому наличие и форма ручки остаются неясными. Обломок зеркала из кургана F 19, погр. 1(2) имел ручку удлиненноовальную, в виде орешка—размер 3,5 см. Найденные фрагменты позволяют, однако, установить размеры и форму зеркал. Все они имели диск диаметром от 13 до 18 см, одна сторона плоская, на другой стороне высокий, прямой или широкий овальный ободок. Подобные зеркала обычны в инвентаре сарматских погребений Поволжья и Приуралья.

Особо нужно отметить находки костяных наконечников от гребней с изображением конских голов, обращенных в противоположные стороны (кург. F 18, погр. 2, 3, рис. 32, 34, табл. II, рис. 2; кург. G 5, погр. 3, рис. 66). Такого же типа костяное навершие было найдено П. Д. Рау в одном ранне-сарматском погребении, раскопанном в 1927 г.²⁰ Изучение этих предметов в сопоставлении с этнографическими данными показывает, что костяные гребни с резным изображением коньков, обращенных в противоположные стороны, известны в народном творчестве не только в древнее время, но и в более поздний период, вплоть до современности. Вопрос об эволюции и генетической связи этих памятников, а также выяснение вопроса о культовом характере воспроизведения данного мотива являются весьма важным в изучении сарматской культуры. В недавно опубликованной интересной работе Л. А. Динцева убедительно освещается эволюция интересующего нас сюжета²¹.

Для характеристики хозяйства и быта сарматских племен Поволжья особенно интересными представляются находки в могилах повозок, позволяющих судить как о средствах передвижения, так и о технике обработки дерева.

Раскопками удалось установить определенный ритуал: повозки до положения их в могилу преднамеренно приводились в негодность и вместе с погребенным клались в разобранном виде (кург. G 2, погр. 3; G 5, погр. 2, 5 и др.). Аналогичная картина установлена в ряде курганных погребений Нижнего Поволжья (Суловский могильник, Шипово и др.). Однако, на основании полученных данных полностью восстановить тип повозки затруднительно. Бесспорным можно признать, что у сарматов Поволжья в большом ходу был четырехколесный или двухколесный тип арбы на колесах со спицами.

Описанные погребения отличаются своеобразными элементами культуры, которые позволяют отметить известные аналогии и определить время их существования.

Как уже отмечалось, ранне-сарматские погребения Нижнего Поволжья имеют ряд аналогий среди памятников, исследованных на территории Казахстана и юго-западного Приуралья. Б. Н. Граков, изучивший памятники этого времени, первый из исследователей наиболее правильно указал на общность сарматской культуры Нижнего Поволжья и степей Казахстана. В одной из обзорных работ он отмечает, что „при сравнении поволжских погребений с тако-

выми же из западных степей Казахстана, вплоть до территории бывшей Тургайской области, оказывается, что в эллинистическую эпоху от Саратова и Покровска до Оренбурга, Орска, Актюбинска и Кустаная существует слабо расчлененная в отдельных местностях культура, выраженная в курганных погребениях, с глубокими овальными или прямоугольными ямами, вытянутым костяком, ориентированным в огромном большинстве головою к югу.

Вслед за академиком Ростовцевым носителей этой культуры едва ли можно считать кем-либо другим, кроме сарматов, с той только разницей, что этих сарматов нельзя считать только господствующим народом, как это делал Ростовцев, оперировавший в свое время исключительно с материалом богатых погребений типа Прохоровки Оренбургской губернии. В настоящее время из бассейна Верхнего Урала известен целый ряд бедных погребений, ошутительно говорящий о единой народности с пестрою градациею социальных наслоений²².

Накопившийся в настоящее время сравнительно богатый материал с достаточной определенностью свидетельствует об общности культур кочевых племен, живших в первые века до нашей эры и в начале нашей эры не только на территории Нижнего Поволжья и южного Приуралья, но и на огромных просторах степей Казахстана и Киргизской ССР. В этой связи заслуживают быть отмеченными исключительно важные памятники степных кочевников Средней Азии, представленные в известном Кенкольском могильнике, раскопанном А. Н. Бернштамом²³.

Нельзя, наконец, не отметить, что итоги палеоантропологического изучения доказывают этническую связь сарматских племен Поволжья с населением восточных районов Приуралья. Г. Ф. Дебец в своих выводах о смене расовых типов в Нижнем Поволжье отмечает: „Тип, преобладающий в эпоху сарматской культуры эллинистического и римского времени (III век до начала н. э.—III век н. э.), проникает в Поволжье из Казахстана, обнаруживая по строению черепа и длинных костей ближайшее сходство с костяками так называемой андроновской культуры“²⁴.

Весьма выразительны, хотя и немногочисленны, курганные погребения первых веков нашей эры, обнаружены раскопками указанных лет. В эту группу мы выделяем следующие погребения:

Раскопки 1928 года

С. Бородаевка—кург. F 2, F 3, F 4, F 7.
Совх. „Красный Октябрь“—кург. F 8, F 9.
С. Усатово—кург. F 12, F 15, F 16.

Раскопки 1929 года

С. Макаровка — кург. G 2, погр. 1, 2; G 3, G 4, погр. 5, 6.
Совх. „Красный Октябрь“—кург. F 10, погр. 13, 15, 16.
С. Старая Иванцовка—кург. G 6.

Раскопки 1939 года

С. Бородаевка, группа „Рунталь“—кург. №№ 2, 3, 4, погр. 2; кург. № 8, погр. 4; кург. № 9, погр. 5.

Характерной чертой погребений этой группы является также устройство могил, состав могильного инвентаря и особенности погребального ритуала. В отличие от ранне-сарматских погребений, устроенных обычно по несколько могил в одном из древних курганов, здесь под каждой курганной насыпью находится одна могильная яма с одним скелетом.

Среди многочисленных погребений этого времени наблюдаются некоторые особенности, позволяющие выделить два наиболее характерные и устойчивые типа погребений: 1) погребения в широких квадратных могилах, 2) погребения в узких могилах с подбоем.

В первые века нашей эры (I—III вв.) в степях Нижнего Поволжья широкое распространение получает тип погребений в широких квадратных и прямоугольных могилах. Не только устройство могил, но и характер погребального инвентаря в значительной степени отличается от погребений предшествующего времени. Предметы вооружения состоят из мечей, кинжалов, стрел. Короткий меч с прямым перекрестием и кольцевым навершием (кург. G 6) сменяет ранее бытовавший длинный меч с серповидным навершием. Широкое распространение получают мелкие железные трехперые наконечники стрел со стержнем. Чрезвычайно разнообразны формы посуды местного производства и привозной. Несравненно многочисленнее украшения, которые не были известны в предшествующее время. Среди массы однообразных погребений выделяются

погребения с большим набором дорогих украшений. В качестве примера особенно показательным является женское погребение, раскопанное в кургане F 16 близ с. Усатово.

Усатовское погребение дало своеобразное сочетание могильного инвентаря, среди которого отдельные предметы являются, особенно показательными для характеристики памятников сарматской культуры Нижнего Поволжья. В погребении найдено большое количество украшений: многочисленные бусы (около 1000 штук) из стекла, розового коралла, сердолика, янтаря, перламутра, пирита, кости. Особенно характерны золотые подвески со вставными стеклами темнокоричневого цвета или сердоликами ярко-красного цвета (табл. II, рис. 1). Золотые подвески имеют типичную орнаментацию зернью и по краям витую веревочку. Нельзя не упомянуть замечательную находку аналогичных золотых подвесок с сердоликом и других предметов в случайно обнаруженном погребении близ сл. Котовой, быв. Камышинского уезда, Саратовской губ.²⁴. Такие орнаментальные приемы хорошо известны среди памятников северного Причерноморья, где они датируются рубежом IV—V вв. н. э.

Не менее интересными являются серьги со вставными стеклышками беловато-мутного цвета (рис. 28—5), серебряные штампованные бляшки (рис. 28—3), своеобразные подвески-бусы, надетые на бронзовые или серебряные проволочки со спирально закругленными концами. Аналогичные спиральки с бусами были найдены в поздне-сарматских погребениях, раскопанных в южных районах Поволжья, в частности в районе гор. Степного (быв. Элиста), в группе „Три брата“²⁵. Совершенно аналогичные многогранные бусы, таким же способом надетые на бронзовую проволоку с закругленными концами, встречались в целом ряде позднесарматских погребений Заволжья²⁶. Керамика, найденная в погребении, — большой черный лощеный кувшин, красноглиняный большого размера кувшин и амфоровидный сосудик (табл. III, рис. 1, 2, 4), — принадлежит к наиболее распространенному типу импортной посуды.

Время Усатовского погребения отчасти освещается бусами, глиняной посудой и другими предметами, широко бытовавшими в обиходе сарматских племен Поволжья в III—IV вв. н. э. Тип и стиль найденных предметов хорошо известен в греко-сарматской среде северного Причерноморья. В целом, Усатовское погребение представляет

большой интерес в смысле характеристики экономических связей Поволжья с северным Причерноморьем.

Обращаясь к характеристике второй группы поздне-сарматских, так называемых катакомбных, погребений, следует отметить, что тип больших квадратных и прямоугольных узких могил, имея широкое распространение в первые века нашей эры, продолжает бытовать наряду с поздне-сарматским подбойным типом могил. Могильный инвентарь в том и другом случае имеет общие черты. Отличительные особенности в устройстве могил объясняются, видимо, этнической принадлежностью погребенных в них лиц. Эта неоднородность этнического состава сарматских племен выявляется не только различием могильных сооружений, особенностями похоронного ритуала, но и антропологическими данными. Весьма характерно, что в подбойных могилах значительная часть (в отдельных районах 70—80%) скелетов имеет деформированные черепа. Е. В. Жиров, изучавший небольшую серию черепов из сарматских погребений Поволжья, отмечает для них характерную однообразность кольцевой деформации²⁵.

Подавляющая часть погребений, содержащих костяки с деформированными черепами, отличается большой устойчивостью в устройстве могил и всего комплекса находимых предметов. Могилы всегда с узкой входной ямой и подбоем в западной, реже восточной стенке. Строго соблюдается ориентировка—голову на север (реже на юг). В состав могильного инвентаря входит новый тип вооружения — железные мечи без перекрестья и навершия — ручка с деревянной обкладкой (кург. F 4). Такого типа мечи хорошо известны в сарматских погребениях Нижнего Поволжья.

Вместе с железными трехперыми наконечниками стрел встречаются костяные, трехгранной и ромбовидной формы (кург. F 4, рис. 5). Аналогичные наконечники стрел известны в других сарматских погребениях Нижнего Поволжья, в частности, костяной трехгранный наконечник стрелы найден П. Д. Рау в кургане D 21 у села Мариенталь, ныне Советское²⁶. Острие наконечника глубоко засело в тазовую кость покойника*.

* На основании отмеченной находки А. П. Смирнов делает весьма ответственные выводы о взаимоотношениях между кочевниками сарматами и оседлыми племенами Поволжья, указывая на военные столкновения между ними. Причем, в одном случае, рассматривая вопрос об обмене с югом в Ананьинскую эпоху, указанное погребение фигурирует как скифское

Такого же типа костяные стрелы найдены мною в поздне-сарматском погребении близ с. Успенки, Пугачевского района (раскопки 1939 г., не опубликовано). Почти весь курганный инвентарь подбойных погребений является весьма типичным для большого количества поздне-сарматских погребений, известных в степях Поволжья и за его пределами.

В изучении быта сарматов существенное значение имеют находки остатков, свидетельствующие о широком применении кожи, войлока, бересты, луба, служившего для изготовления самых разнообразных предметов хозяйственного быта. Несмотря на полную неизвестность сарматских поселений на территории Нижнего Поволжья, ряд предметов, находимых в погребениях, позволяет признать, что наряду со скотоводством существовало и земледелие. Находки в сосудах пищевых остатков, приготовленных из проса, могут служить документирующим материалом. Внимательный осмотр находимых в погребениях сосудов показал, что во многих из них на внутренних стенках имеются темные слои „нагара“. Определение этого „нагара“, произведенное В. А. Петровым (сосуд из кургана № 8, погр. 4, Бородаевка, раскоп. 1939 г. и др.), показало, что „нагар“ состоит из остатков просяной каши, приготовленной из зерен метельчатого проса *Panicum millaceum* L. Растительные остатки в сосудах сарматских погребений известны и в других районах. Так например, в Нижне-Гниловском могильнике (Ростовская область) в сарматском погребении был обнаружен сосуд с зерном²⁸. Отмеченная находка свидетельствует о единстве ритуала у сарматских племен Поволжья и Придонья.

Несколько особое место занимает впускное погребение, раскопанное нами в 1939 году у с. Бородаевки—кург. № 9, погр. 5, относящееся, по видимому, к поздне-сарматскому времени (V—VIII вв. н. э.). Для определения времени и принадлежности данного погребения инвентарь его крайне ограничен. Однако, характерное устройство могилы с подбоем, положение погребенного с деформированным черепом

(Прикамье в первом тысячелетии нашей эры. Сб. статей по археологии СССР. Труды Гос. истор. музея, вып. VIII, 1938 г., стр. 140), в другом случае, как сарматское (А. П. Смирнов. Очерки по истории древних Булгар. Труды Гос. истор. музея, вып. XI, 1940 г., стр. 72—73; то же см. Вестн. древн. ист. № 2(3), 1938 г., стр. 110). Находки костяных стрел в указанных погребениях свидетельствуют о бытовании их у сарматов, поэтому позволительно усомниться в выводах, сделанных А. П. Смирновым.

повторяют ритуал поздне-сарматских могил. Особый интерес представляет прекрасной сохранности деревянное седло (табл. IX), а также костяная пряжка — от подпруги и бронзовая поясная (рис. 88).

Время Бородаевского погребения определяется аналогичными памятниками, которые датируются V—VIII вв. н. э. Такого типа погребения в последние годы были обнаружены в ряде районов Нижнего Поволжья, в частности, аналогичное погребение было открыто нами в 1937 году около хутора Авиловский, на р. Иловле, Сталинградской области (не опубликовано). Для определения этнической принадлежности данного погребения небезынтересным является диагностика расового типа. Череп данного погребения нами для изучения был своевременно направлен Г. Ф. Дебецу. По его заключению „черепная коробка резко деформирована путем уплощения лба и затылка. Вследствие этого череп сильно развит в высоту. В общем диагностика расового типа не вызывает сомнения: перед нами типичный представитель монголоидной расы“.

В качестве хронологически близких, но территориально далеких аналогий можно было бы указать на погребения Кудыргинского могильника, где могильный инвентарь (особенно костяные пряжки, седла) и ритуальные особенности имеют общие черты с нашим погребением²⁹.

Для Нижнего Поволжья V—VIII вв. н. эры в археологическом отношении — наиболее темный период. Гуннское движение, внося значительную перегруппировку в среду сарматских племен, в известной мере изменило и материальную культуру этого времени. Памятники этих поздне-сарматских племен еще мало известны и недостаточно изучены, поэтому Бородаевское погребение в изучении этого периода займет определенное место.

Таким образом накопившийся в настоящее время сравнительно большой археологический материал еще с большей определенностью указывает на единство сарматских племен, живших в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры в степях Нижнего Поволжья, юго-западного Приуралья и Придонья. Вместе с тем, археологические материалы позволяют характеризовать сарматские племена Поволжья как социально однородное население. В отличие от сарматов степной полосы Причерноморья, где процесс социально-экономического расслоения в это время зашел уже далеко, сарматы степей Поволжья представляли родоплеменные, полукочевнические группы, объ-

единенные общими признаками их материальной культуры. Судя по всему комплексу археологического материала, здесь, в Поволжье, процесс социально-экономической дифференциации не получил столь яркого выражения. В этом смысле нам представляется не совсем обоснованной характеристика общественного строя у сарматов Поволжья, высказанная А. П. Смирновым в его последних работах³⁰.

В задачу настоящей публикации не входит подробное рассмотрение этого вопроса, тем не менее считаю необходимым сделать замечания на несоответствие фактического материала с выводами А. П. Смирнова.

А. П. Смирнов свои выводы о рабстве, о подчиненном положении женщины у сарматов Поволжья обосновывает материалом курганных погребений Суловского могильника. В качестве подтверждения наличия патриархального рабства А. П. Смирнов приводит данные погребений из курганов Суловского могильника (кург. № 46, 16, 49 и др.). Так например, он указывает: „В кургане № 49 Суловского могильника раб был похоронен в особой могиле. Основное погребение этого кургана — воин с мечом и другими дорогими вещами. В том же кургане находилось погребение мужчины в вытянутом положении, ориентированное к северо-востоку; на черепе этого костяка заметно отверстие, следы пролома круглой формы. Вещей при костяке не было. Мне представляется, что в этом погребении мы имеем факт насильственного умерщвления человека“³¹.

Прежде всего необходимо заметить, что в основном погребении 49 кургана никаких дорогих вещей не было. Это обыкновенное, ничем не выделяющееся погребение. Первое же погребение этого кургана является поздне-сарматским, впускным, и ни в какой степени не связано с основным погребением. Хронологическая разница между этими погребениями исчисляется по меньшей мере столетием.

Касаясь вопроса о положении женщины у сарматов Поволжья, А. П. Смирнов отмечает: „Роль женщины в хозяйстве была ничтожна, и этим определялись сложившиеся патриархальные отношения. Женщина потеряла свое когда-то равноправное положение и превратилась в собственность мужчины, о чем свидетельствует факт ее захоронения вместе с другим имуществом мужчины в могиле умершего. Пример: в кургане № 16 Суловского могильника были обнаружены два костяка: один, принадлежащий

мужчине лет тридцати, в вытянутом положении на спине, другой—девочке лет двенадцати, также положенной вытянуто и ориентированной к югу, причем голова девочки лежала на кисти правой руки мужчины. Такого же характера погребение кургана № 46, где посреди могилы лежал костяк мужчины зрелого возраста, в вытянутом положении, а слева от него, на расстоянии 18 см, в западном подбое на дне могилы — костяк женщины средних лет в вытянутом положении. Непосредственно под костяком мужчины, лежавшем на досках, оказался костяк подростка 15 лет²¹.

При ознакомлении с материалами Суловского могильника выясняется, что примеры, взятые А. П. Смирновым, ни в какой степени не подтверждают высказанных им мнений. В кургане № 46 захоронение было произведено последовательно: в основном погребении находился скелет женщины и подростка, мужское же погребение находилось в насыпи входной могильной ямы, на глубине 50 см, и являлось более поздним—впускным, не имеющим отношения к основному погребению. В кургане № 16 было погребение ребенка в возрасте от 7 до 10 лет*. Ближайшее изучение фактического материала сарматских погребений, позволяет сделать совершенно иной вывод по затронутому А. П. Смирновым вопросу.

В связи с этим считаю существенным обратить внимание на совместное погребение женщины вместе с детьми. Как показали раскопки последних лет, совместные погребения женщины вместе с детьми особенно характерны для ранне-сарматских погребений Поволжья. В качестве примера совместных захоронений можно указать на целый ряд курганных погребений, раскопанных, главным образом, в Заволжье.

В раскопках Т. М. Минаевой и П. Д. Рау в районе хут. Шульц и Альт-Ваймар (р. Торгун) в погребениях ранне-сарматского времени обнаружены совместные погребения. В кургане № 6 (с. Альт-Ваймар) в подбойной могиле лежал костяк женщины в вытянутом положении на спине,

* Необходимо отметить, что дневник раскопок Суловского могильника содержит ряд неточностей как в общем описании, так и в определении половой и возрастной принадлежности. Например, по дневнику костяк подростка из кург. № 46 определяется возрастом в 15 лет, а на стр. 34, этот же скелет определяется „мальчик 10 лет“. Такое же несоответствие в возрастном определении детского костяка из кург. № 16, см. стр. 33, 59, П. С. Рыков. Суловский могильник. „Учен. записки Саратов. гос. университета“, т. IV, 1925 г.

головую на юг. Между левой рукой и грудной клеткой лежали кости совсем маленького ребенка²². В кургане № 7, у хут. Шульц, на правом берегу р. Торгуна, в подбойной же могиле два костяка, в вытянутом положении, головами на юг; костяк женщины 45—50 лет, рядом с женским костяком—мальчик 7—10-летнего возраста. В Суловском могильнике, в кургане № 35, на дне могилы оказалось два костяка — женщины средних лет и девочки 7—8 лет. В указанном выше 46 кургане — погребение женщины и подростка. В раскопках 1927 года, близ с. Краснополя, в кург. F 14, погр. 11, в могиле рядом, с правой стороны женского костяка, лежал скелет ребенка 1½—2 лет²³. В курганах, раскопанных в 1928—29 гг. (публикуемый ниже материал), также обнаружены совместные погребения женщин и детей: кург. F 6, погр. 5; кург. F 21, погр. 2; кург. G 5, погр. 1, 5, 12. Из раскопок Правобережья можно указать курган № 1, раскопанный нами в 1930 году близ деревни Верхний Колышлей, Аткарского района: в большой подбойной могиле вместе с женским скелетом, ориентированным головою на юг, с левой стороны лежал скелет ребенка²⁴.

Раскопками последних лет (1939 г.), произведенными мною в Заволжье, близ с. Успенки Пугачевского района, в кургане № 1, обнаружено погребение, где также вместе с женским скелетом лежал (между ног) скелет ребенка 1 года (см. нашу статью в данном томе „Учен. записок“).

Приведенные факты свидетельствуют о распространении у сарматов Поволжья обычая умерщвления детей в случае смерти их матери. Сравнительно большой процент совместных погребений исключает возможность говорить о случайной одновременной смерти матери и ребенка.

О чем свидетельствуют эти погребения? М. И. Артамонов, в одной из своих работ, касаясь вопроса о совместных погребениях в курганах со скорченными и окрашенными костяками в бронзовую эпоху, указывает, что обычай умерщвления детей вследствие смерти их матери первоначально возник под давлением условий существования, при которых сироты все равно были обречены на смерть. Позже этот обычай был обусловлен социальными моментами. „Весьма вероятно, что продолжительное сохранение обычая умерщвления малолетних детей со смертью их матери, устанавливаемое по данным курганов со скорченными и окрашенными костяками, коренится не столько в неизменности породивших его условий, сколько в со-

циальной связи между матерью с малолетними детьми, по которой они принадлежат ей даже тогда, когда взрослые дети считаются членами отцовского рода, то-есть в материнстве.

Развитие скотоводства, и притом молочного, а также земледелия и оседлости уже к середине эпохи бронзы должно было настолько изменить условия воспитания детей, что переживание древнего обычая — умерщвления их вместе со смертью матери могло основываться уже не на действительной необходимости, а лишь на представлениях о неразрывной связи малолетних детей с их матерью.

Таким образом, наличие совместных погребений женщин и детей свидетельствует не только об уровне в развитии производительных сил оставившего их общества, но и о социальном строе его, то-есть о материнском роде³⁴.

Говоря далее, что умерщвление детей практикуется на разных ступенях социального развития, М. И. Артамонов вместе с этим отмечает: „Поэтому указанием на материнство служат не факты убийства детей для погребения с матерью, взятые сами по себе, а сохранение этого обычая в большей или меньшей целостности и тогда, когда уровень в развитии материального производства позволяет считать его не необходимостью, а пережитком, а следовательно и искать объяснения его существования в другом — в консерватизме социальной формы и общественной идеологии“³⁴.

Чтобы правильно понять обычай умерщвления детей вследствие смерти матери, у сарматов Поволжья, необходимо учесть социально-экономические отношения, которые могли быть характерны для этого времени. Судя по всему комплексу археологических данных, можно заключить, что сарматские племена Нижнего Поволжья еще недостаточно были втянуты в сферу влияния античного Причерноморья и здесь, при сложившихся семейно-брачных отношениях патриархального типа, в значительной степени сохранились традиции — пережитки матриархального строя.

Этим, видимо, и можно объяснить наличие совместных погребений женщин с детьми. Вместе с тем, эти данные обязывают вспомнить сведения античных писателей, указывающих на высокое положение женщины в общественной жизни сарматов, что позволило им говорить о сарматах, как народе „управляемом женщинами“. Во всяком случае совместные погребения, наряду с общим комплек-

сом данных о сарматской культуре, являются интересным источником для выяснения наименее разработанного вопроса общественных отношений у сарматских племен Поволжья и других районов.

В качестве заключения нашей краткой характеристики публикуемого материала, следует отметить:

1. Курганные погребения бронзовой эпохи, помимо общеизвестных материалов, дали сочетание таких элементов материальной культуры, которые позволяют проследить связь древних этапов с последующими. В противоположность прежним представлениям о смене культур бронзовой эпохи, новые данные продвигают к разрешению вопрос о непрерывности развития культур — ямной, срубно-хвалынской „погребений в насыпи и на горизонте“, устанавливая их генетическую связь и этническую общность. Указанные хронологические этапы Нижне-Волжской культуры бронзовой эпохи (кроме катакомбной), связаны не только единством погребального ритуала, но и преемственностью всего бытового комплекса.

2. Открытие нового погребального ритуала связанного с трупосожжением над могилой и захоронением остатков с сожжением в могилах, устанавливает некоторые черты мировоззрения людей, живших во II-м тысячелетии до н. эры в пределах Нижнего Поволжья. При монографическом описании культур бронзовой эпохи Нижнего Поволжья, отмеченные факты внесут ряд дополнений в изучение родового общества бронзовой эпохи степей Юго-Востока.

3. Публикуемые памятники сарматской культуры во многом представляют новый материал для характеристики быта кочевого населения степей Нижнего Поволжья. Большая группа погребений по целому ряду признаков указывает на связь их с погребениями степных кочевников Средней Азии, оставивших известный Кенкольский могильник. Эта группа погребений должна явиться важным источником в изучении истории раннего движения гуннов на запад.

Значительная группа погребений с наличием вещей причерноморского импорта уточняет культурные связи сарматских племен Нижнего Поволжья с северным Причерноморьем, Кубанью и левобережной Украиной. При дальнейшем изучении сарматской культуры публикуемый материал будет способствовать выделению этнических групп сарматских племен, которые все больше и больше ощущаются в археологических памятниках Нижнего Поволжья.

ДНЕВНИК АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК,
ПРОИЗВЕДЕННЫХ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬИ ЛЕТОМ
1928, 1929 и 1939 гг.

Раскопки 1928 года

С. Бородаевка, Марксовский район, правый берег р. М. Карамана, раскопки на „Калмыцкой горе“.

Курган F 1

Относительно выпуклая насыпь 16 м в диаметре и 0,55 м высоты расположена в центре могильника между двумя большими курганами. У основания насыпи, с северной стороны, широкое углубление.

Курган раскопан траншеей 9×5 м, проложенной через центр насыпи. В западной половине раскопа, на глубине 0,95 м в насыпи кургана найдены обломки сильно разрушенных человеческих костей: нижняя челюсть, плечо и череп. В центре насыпи, под уровнем древней поверхности почвы, обнаружено большое пятно мешанной земли неправильных очертаний, в южном конце которого найдено человеческое бедро, большая берцовая кость ребенка и конский позвонок.

Погребение 1-ое. Под горизонтом, на глубине 0,5 м, обнаружено в юго-восточном углу могильного пятна детское погребение в удлиненной ямке, вытянутой по линии север-северо-запад на юг-юго-восток. На дне ямы и выше лежали совершенно расстроенные косточки ребенка лет двух, разрытые, видимо, сусликами. Первоначальное положение костяка не определено. В южной половине могилы было найдено 10 беспорядочно рассеянных в почве стеклянных бусинок. Ближе к западной стенке стоял раздавленный почвой горшочек с ушком и округлым дном, по плечикам—орнамент из двух параллельных линий (рис. 1). Рядом с горшочком замечено несколько древесных угольков. Под костями, на дне ямы, проходили вдоль дубовые доски 2—3 см толщины.

Погребение 2-е. Удлиненная могильная яма в южном конце мешанной почвы. Глубина от горизонта—0,9 м, ширина—0,85 м. На дне ямы—костяк женщины, головой к югу, потревоженный в области таза, без костей ног. Под костяком замечен слой черного перегноя—войлок. Под

перегноем тонкий след дерева. У левого плеча—остатки глиняного сосуда, совершенно разрушенного. Над областью таза—кости овцы: лопатка, нога, позвонки. В том же месте—человеческая большая и малая берцовые, часть спинных позвонков и пяточная кость. Недостаёт: обеих бедер, 1 большой берцовой, костей таза, части позвонков, крестца и большинства мелких костей рук и ступней ног.

По мере углубления в грунт, пятно мешанной почвы суживалось неправильными ступеньками, приняв на глубине 1,70 м от горизонта форму прямоугольной ямы с закругленными углами. Могила содержала скифское погребение (кург. F 1 погр. 3), материал которого своевременно опубликован П. Д. Рау*.

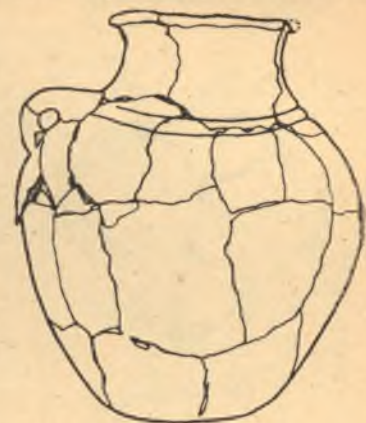

Рис. 1. Курган F 1:1. 1/4.

Курган F 2

Расположен рядом с курганом F 1, к югу. Небольшая выпуклая насыпь. Диаметр—9 м, высота—0,43 м. Исследован траншеей 6×4 м, проложенной с востока на запад.

В центре насыпи, на глубине 0,25 м обнаружена на небольшом участке жженная почва небольшими комками. Под этой жженой почвой обнаружена грунтовая яма удлиненной формы 1,92 м длины и 0,6 м ширины, расположенная по длине с севера на юг, оказавшаяся входной ямой подбойной могилы. В верхних слоях насыпи, в северной половине ямы, лежала сплошным слоем обожженная и закопченная сажей почва. Глубина входной ямы—1,90 м. В северном конце ямы, на дне, стоял раздавленный почвой сосуд с округлым дном, широкими боками и прямым горлом. Высота—19 см, диаметр горла—12,5 см, диаметр дна—7 см (рис. 2). Под западной стенкой устроен невысокий подбой 0,5 м глубины, равный длине входной ямы; он глубже дна входной ямы на 0,2 м.

*-P. Rau. Die Gräber der Frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet, Pokrowsk, 1929, стр. 63—64.

В засыпи входной ямы, на глубине 1,2—1,45 м—остатки березовых и ивовых брусков. Устье подбоя было закрыто сосновой (?) доской, поставленной на ребро. Ширина доски—0,26 м, толщина сохранившихся остатков—1—2 см. В подбое, у самого уступа, обнаружены остатки второй доски, другой породы.

Рис. 2. Курган F 2. 1/4.

На дне подбоя—костяк мужчины 25—35 лет, на спине, головой к северу; руки вытянуты вдоль туловища, кисть левой руки на бедре. Рост—1,66 м. Череп деформирован. На правой руке и на лобковых костях найдено по куску вдвойне и тройне сложенной черной кожи удлиненно-овальных очертаний со следами швов. У левой голени

лежал железный нож. Под костями в области ног замечен слой черного тлена.

Курган F 3

Расположен в 40 м к югу от кургана F 2. Небольшая насыпь удлиненно-округлых очертаний, вытянутая с запада на восток. Диаметр—8 и 6 м, высота—0,35 м.

Исследован траншеей 5×3 м, проложенной с запада на восток через центр насыпи.

В западной половине раскопа обнаружена входная яма подбойной могилы, имевшая в длину 1,90 м, в ширину 0,60 м и в глубину 1 м и расположенная по линии с севера на юг. В засыпи могильного входа

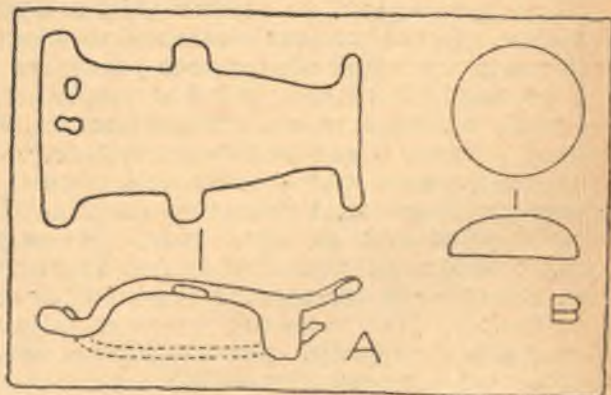

Рис. 3. F. 3. 1/4.

находилась по линии с севера на юг. В засыпи могильного входа

замечены остатки продольных березовых веток и брусков. В верхних слоях засыпи найден костяной сферически-выпуклый с одной стороны кружок (рис. 3-в). Подбой был вырезан в западной стенке входной ямы в виде удлиненной ниши 0,35 м, длина его равна 1,15 м. На дне подбоя лежал скелет мужчины на спине, головой к северу; руки вытянуты вдоль туловища. В головах глиняный сосуд хорошей сохранности, с невысоким горлом и округлыми боками. Высота сосуда—0,13 м, диаметр горла—9,5 см, диаметр дна—7,5 см. Около грудной клетки, среди почвы, перерытой сусликами, найден 2-й костяной предмет той же формы, что и первый, найденный в засыпке. Из норы суслика под левым плечом скелета взята бронзовая фибула с массивной фигурной дужкой (рис. 3-А). Рост костяка—1,62 м.

Курган F 4

Расположен рядом с курганом F 2, с юго-западной стороны. Насыпь имеет неясные очертания приблизительно 8 м в диаметре, 0,30 м в высоту. Раскопан траншеей 5,3×5 м, проложенной через центр насыпи с востока на запад.

Под западной половиной насыпи обнаружена грунтовая яма 2,17 м в длину, 0,53 м в ширину и 1,80 м в глубину. По мере углубления яма расширялась так, что ширина ее по дну достигала 0,75 м. На глубине 0,4 м и ниже в засыпке проложены многочисленные березовые бруски, шедшие в продольном направлении. На дне, под слоем сплошного дерева и веток,

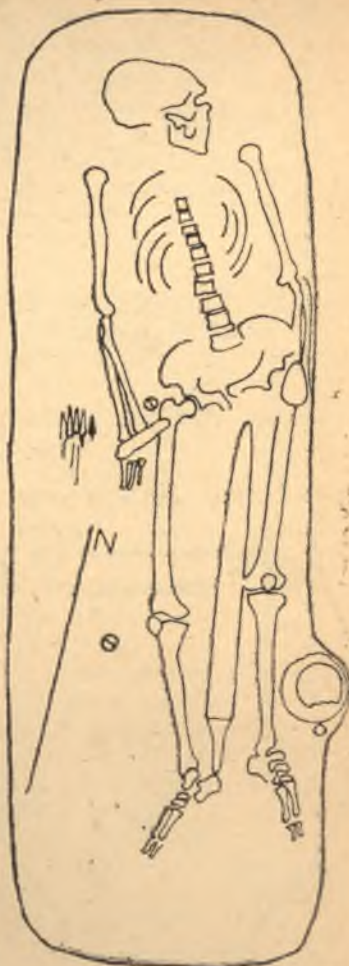

Рис. 4. F 4.

лежал костяк мужчины вытянуто, головой на север (рис. 4). Рост—1,76 м. Череп деформирован. Вокруг костей замечен

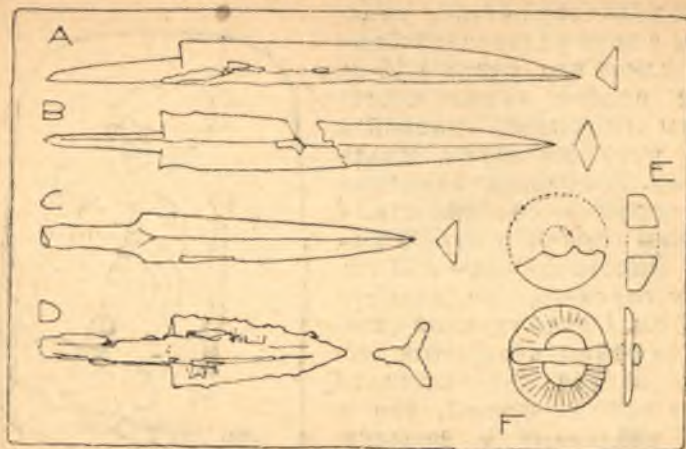

Рис. 5. Р 4. 1/1.

черный глин. На дне сохранился кусок рыхлого желтого

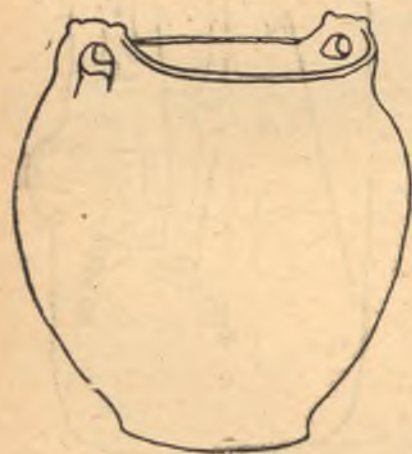

Рис. 6. Глиняный сосудик из погребения в кургане F 4. 1/1.

вещества вроде серы. У правой руки — пучок стрелок, остриями к головному концу могилы; из них четыре костяных, трехгранной и ромбовидной формы (рис. 5—ABC), два — железных трехперых, плохой сохранности (рис. 5—D). Между правой рукой и тазом лежала бронзовая круглая пряжка (рис. 5-F), на ней сохранились два слоя черной кожи и обломки деревянного кружка, просверленного в центре (рис. 5-F). На кости правой руки — железный пластинчатый предмет (нож) с деревянной обкладкой, окрашенной в цвет киновари. Около железного предмета — кусочек грубой льняной ткани. У левой ступни, в неглубокой нише восточной стенки — глиняный сосудик, подражающий по форме остродонному скифскому

котлу с ручками (рис. 6). Высота без ушков — 14 см. Диаметр венчика — 12 см. Диаметр дна — 7 см. Рядом — обломанное железное кольцо и рассыпавшийся на куски железный предмет вроде пряжки. Между ног, в особом желобке, устроенном на глинистом грунте, лежал острием к тазу обоюдоострый железный меч. Длина клинка — 0,62 м, ширина — 7 см, ручка с деревянной обкладкой без наверхшия (рис. 7). Около ручки найден сильно окисленный железный предмет неопределенной формы и неизвестного назначения.

Курган F 5

Расположен в восточной стороне могильника. Плоская насыпь с округлыми очертаниями диаметром в 10 м. Высота — около 0,25 м. В юго-западной половине, на поверхности насыпи замечены пятна жженой почвы, выброшенной из глубин плугом. Насыпь исследована раскопом 7×3 м, проложенным через центр, и двумя параллельными траншеями по 1 м шириной, проведенными от юго-западного угла главного раскопа к югу через область жженой почвы до края насыпи. Ни могильной ямы, ни следов грунтового выкида из ямы под насыпью не обнаружено. Прослежены лишь два пятна с жженой почвой: одно — в центре и одно — в юго-западной поле. Центральное пятно, имевшее в диаметре около 2,5 м, состояло из крупных и мелких комков докрасна прокаленной глины, вкрапленных в мешанную почву до 0,20—0,25 м глубины под горизонтом. Среди этого рушеного слоя замечены также в небольшом количестве березовые угли. Под рушеной почвой — нетронутый материк.

Пятно кострища вытянуто с СЗ на ЮВ, меньший диаметр — около 3 м, больший — около 4 м. Здесь, над материком, замечен слой мешанной жженой почвы толщиной в 0,25 м, тронутой сверху, в области курганной насыпи при вспашке. Материк рушен в незначительной степени в слой гумуса. Ниже рушеного слоя материк прокален и местами прокопчен сажей до 0,15 м глубины. Под периферией кострища в материке каких-либо следов огня не замечено. Угли наблюдались в незначительном количестве в верхнем слое рушеной почвы. В обоих пятнах жже-

Рис. 7. Железный меч F 4. 1/1.

ной земли имеются, повидимому, остатки двух перекопанных в древности кострищ, засыпанных курганной насыпью.

Курган F 6

Расположен в восточной части могильника. По форме курган представляет выпуклую насыпь овальной формы, вытянутую с запада на восток. У северного склона глубокая впадина. Большой диаметр насыпи—18 м, малый—16 м, высота—1,2 м.

Исследован раскопом 10 × 5 м, проложенным с запада на восток через центр насыпи. Для большего удобства передвижения почвы площадь раскопа была разделена на три прямоугольника, между которыми оставлены узкие промежутки. Прямоугольники эти прокапывались до материка последовательно один за другим с перевалом почвы в исследованные участки. После исследования указанных центральных участков была проложена траншея 1,5 м шириной через южную половину насыпи, параллельно центральному раскопу. Описанными раскопами обнаружено в грунтовых ямах 9 погребений*.

Погребение 1-е. Скелет женщины на дне удлиненной четырехугольной с закругленными углами ямы 2,15 м длины, 1,05 м ширины и 0,45 м глубины, ориентированной с СЗ на ЮВ. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. Рост—1,48 м, возраст средний. Нижняя челюсть и верхние ребра с позвонками сдвинуты со своих мест сусликами. Вдоль стенок дно ямы перерыто сусликами. Нетронутое дно, главным образом вдоль правого бока, сохранило следы бересты, волокнами поперек, и поверх бересты—черный перегной. Покойница лежала, повидимому, в гробу, дно которого находилось несколько выше дна ямы, так как между скелетом с вещами и дном могилы находился слой насыпной земли толщиной в 6 см. Дно гроба было, очевидно, внутри прикрыто берестой. В засыпке ямы найдены в незначительном количестве остатки дерева—дуба и хвойной породы.

У черепа скелета, вправо,—плохо сохранившийся обломок бронзового зеркала большого диаметра, плоской

формы. Под правым плечом—распавшийся железный ножик. На правом бедре и между ног—кости овцы: лопатка, плечо и предплечье. Рядом, с правой стороны, у берцовой кости,—двускатное глиняное пряслице. В области шейных позвонков найдены незначительные следы стеклянного бисера.

Погребение 2-е. Скелет женщины на дне удлиненной ямы 2,85 м длины, 1,12 м ширины и 1,25 м глубины, ориентированной с севера на юг. В засыпке ямы, на глубине 0,4 м—следы нескольких продольных березовых стволов 0,15 м толщины. Скелет лежал вытянуто на спине, череп был несколько приподнят теменем вверх (рис. 8). Рост—1,40 м. Глинистое дно ямы посыпано слоем чистого белого песка. Около костей сохранились следы деревянного гроба, имевшего форму прямоугольного ящика 1,87 м длины, в головах 0,63 м и в ногах 0,55 м ширины. Сохранились боковые доски и дощечки от крышки и дна. Боковые стенки состояли из липовой или вязовой рамь-доски 2 см толщины, 13 см ширины, стоявшие отвесно на боковых ребрах, в края которых посредством шпунта 2 см глубины были впущены вертикальные дубовые дощечки до 1 см толщины, высота которых измерена до 15 см. Гроб имел, следовательно, в вышину 28 см. От крышки наблюдаются поперечные дощечки до 1 см толщины из липы или родственной породы. От дна замечены лишь поперечные дощечки той же породы, концы которых впущены шипами 48 мм ширины в боковую раму, в прорезы, сделанные на 4 мм выше нижнего ребра. Промежутки между прорезами установлены в 8 и 6 см. Все дно гроба, повидимому, только и состояло из

Рис. 8. F 6:2.

* Основные погребения данного кургана (погр. 7, 8, 9) относятся к бронзовой эпохе и опубликованы П. Д. Рау в IV т. ESA, 1929 г., стр. 41; погр. 6-е, скифского времени, своевременно опубликовано Рау в его работе „Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet“, 1929, и погребение 3-е относится к золотоордынскому времени. Материал не опубликован.

отдельных полос дерева до 5—6 см ширины, впущенных шипами в бока. Скрепление частей крышки установить не удалось.

У шеи — бусы мелкие из гешира, из белого, синего и позолоченного стекла, из коралла, одна большая конусовидная из прозрачного стекла, у правой руки — крупные из разноцветного стекла; приплюснuto-круглые, одна позолоченная, одна с глазками, одна слойчатая и одна витая стеклянная. У левой руки — бусы из красного стекла и слойчатые. У ступней ног — стеклянные круглые синеватые бусы.

Рис. 9. Глиняный сосуд.
F 6:2. 1/4.

Рис. 10. Глиняный сосуд. F 6:2. 1/4.

Всего при погребении найдено несколько сот бус различных по форме, цвету и величине — из стекла, коралла и гешира. Влево от черепа, вне гроба, стоял глиняный округло-вытянутый сосуд, грубой выделки, дно округлое, края шейки несколько отогнуты наружу (рис. 9). Высота горшка — 19 см, диаметр венчика — 10,5 см, дно — 6 см. Второй сосуд, с ушком, стоявший, видимо, первоначально на крышке гроба, лежал опрокинутый рядом с правой голенью. Сосуд сделан отруки, имеет округлую форму, высота его — 18 см, диаметр венчика — 12 см, дно — 9 см (рис. 10). Между гробом и восточной стенкой ямы лежали кости овцы: плечо, предплечье, лопатка и несколько ребер.

Погребение 4-е. Погребение обнаружено под восточной половиной насыпи. Удлиненная грунтозая яма 0,30 м ширины и 2,35 м длины, ориентированная с севера на юг и врезанная в материк на глубину 1,35 м. Под уровнем древней поверхности замечены остатки опустившихся в яму 5-ти поперечных брусков, имевших в поперечнике до 0,12 м,

Рис. 11. F 6:4.

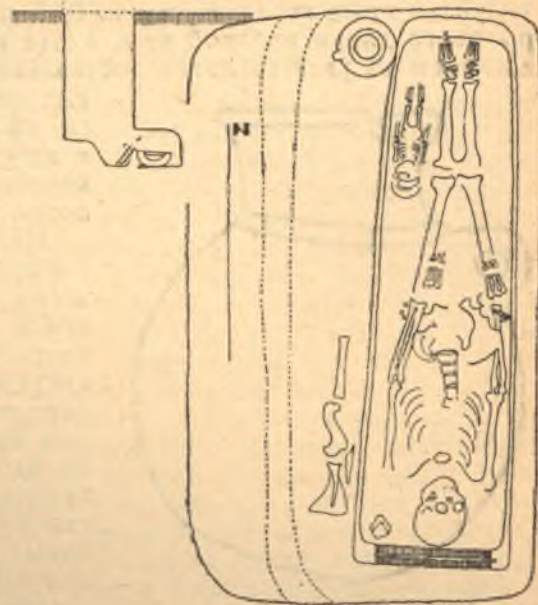

Рис. 12. F 6:5.

и трех покоившихся на них продольных, составлявших вместе накат над ямой. Насыпь состояла из рыхлой пятнистой почвы. На дне лежал костяк женщины преклонного возраста головой на юг; кисть правой руки — на бедре, левая — согнута в локте (рис. 11). Рядом с черепом, влево, обломок бронзового зеркала, крупного размера, по краю проходит широкий плоский ободок. Диаметр зеркала — до 18 см. Здесь же лежал обломанный точильный брусок. Рядом с зеркалом найдена стеклянная маленькая позолоченная бусинка. В ногах, в северо-восточном углу ямы, найдены остатки деревянной полусферической плошки, имевшей в диаметре 14 см. Рост костяка — 1,47 м.

Погребение 5-е. Камерная могила с продолговатой входной ямой 2,35 м длины, 0,87 м ширины и 1,7 м глубины, ориентированная по длине с севера на юг (рис. 12). Подбойная камера, врезанная в восточной стенке, имела вид прямоугольной ниши, углубленной в стенку на 0,6 м, высота ее—0,4—0,5 м. Дно ямы имело ступеньку 0,35 м ширины, постепенно спускавшуюся ко дну подбоя. Подбой углублен ниже входной ямы на 0,35 м. Длина подбоя-камеры равна длине входной ямы. Устье подбоя было закрыто заслоном из ряда наклонно поставленных на ступеньку ивовых дощечек, опустившихся на продольные бруски и дубовые доски, остатки которых имели 6 мм толщины.

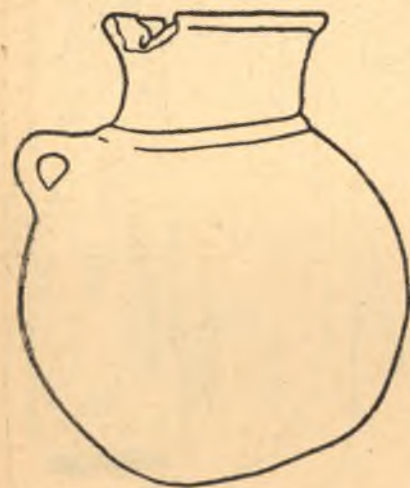

Рис. 13. F 6:5. 1/4.

На дне подбоя лежал в дубовой колоде костяк женщины, ориентированной головой к югу. Рост—1,55 м, кисти рук—на бедрах. На кисти правой руки найдена цепочка из тонкой бронзовой проволоки, совершенно распавшаяся, и бусы из темносинего стекла двускатной формы. Такие же бусы найдены в области кисти левой руки. Рядом с левым плечом покойницы, вне колоды, передняя нога овцы с лопаткой и железный ножи́к. Рядом с черепом, влево, в гробу—обрубок дерева. Рядом с левой голенью, в колоде же—скелет ребенка лет 2—3. В ногах, вне колоды, глиняный сосуд ручной лепки с ушком, с небольшим валиком, проходящим вокруг горла по плечикам сосуда (рис. 13). Высота горшка—19 см, диаметр по верхнему краю—10,5 см, дно—8 см, округлое. Под черепом—обломок бронзового зеркала большого размера и бусы—одна шаровидная, сердоликовая, несколько стеклянных позолоченных и темносиний бисер. Около ступней ног и под голеньями лежали стеклянные позолоченные бусы. В канальцах некоторых бус, найденных на руках, сохранился кусок тонкого ремешка, на который они были нанизаны. На дне камеры, под колодой, замечен пятнами мел. Гроб-колода имел форму дол-

бленого корыта. Длина—1,95 м, ширина в головах—0,45 м, в ногах—0,34 м. Толщина боковой и донной стенки—от 1 до 2 см. Толщина концевых стенок—5 и 6 см. Глубина колоды—около 0,2 м. В головном конце не доставало срединной части концевой стенки, и отверстие было заделано липовой тонкой доской (толщ. 1 см), укрепленной шпунтом. Сверху колода была прикрыта дубовой доской от 2 до 3 см толщины.

Совхоз „Красный Октябрь“, река Торгун

Большая правобережная группа. Курган F 7 расположен с северо-восточной стороны—крайний в группе. Вокруг насыпи—широкое углубление. Диаметр кургана—12 м, высота—0,3 м, исследован раскопом 6 × 3 м, проложенным с востока на запад через центр. Под центром насыпи, на древней поверхности,—распавшийся на куски клинок железного меча. Несколько южнее лежали черепки толстостенного сосуда, также на горизонте. К западу от центра обнаружена подбойная могила с узкой входной ямой 1,92 м длины, 0,52 м ширины и 1,72 м глубины, ориентированной по длине с севера на юг. Подбой вырыт в западной стенке и углублен против дна входной ямы на 18 см, по длине равный входной яме, т. е. 1,92 м, глубиной 0,53 м; стенка, образовавшая потолок, осела на 0,4 м, так что материковая глина лежала непосредственно на костяке. Засыпь ямы состояла почти из чистой глины с редкими прослойками чернозема. На дне подбоя—скелет мужчины на спине, головой на север. Череп деформирован. Кости плохой сохранности. Рост—1,6 м, возраст—30—40 лет. На кисти правой руки—остатки деревянного сосуда диаметром 0,15 м, скрепленного бронзовыми скобками. Рядом с правой рукой, у задней стенки подбоя,—железный ножи́к с черенком, оправленным в бронзу. Рядом с ножом—круглое в разрезе острие со следами деревянных ножен, окрашенных в цвет киновари (длина острия до 30 см). Там же бронзовая фибула с перевязанной дужкой с остатками белой и голубой материи. К голубой ткани были пришиты тонкие полусферические бляшки. Под острием—ручка тонкого ножи́ка, деревянная, с заклепками и кольцами на концах, также окрашенная киноварью.

Курган F 8

Расположен к западу от кургана F 7 через один курган. Насыпь незначительной высоты, едва заметна. Диаметр—

8—9 м, высота—около 0,2 м. Исследован раскопом 5,3 м длины и 2,6 м ширины, проложенным с востока на запад через центр. Под серединой насыпи найдена на древней поверхности песчаниковая плита-терка. Под серединой же, восточнее центра, обнаружена продолговатая грунтовая яма 2,1 м длины, 0,55 м ширины и 1,65 м глубины, ориентированная по длине с севера на юг. Яма углублена в материк не отвесно, а

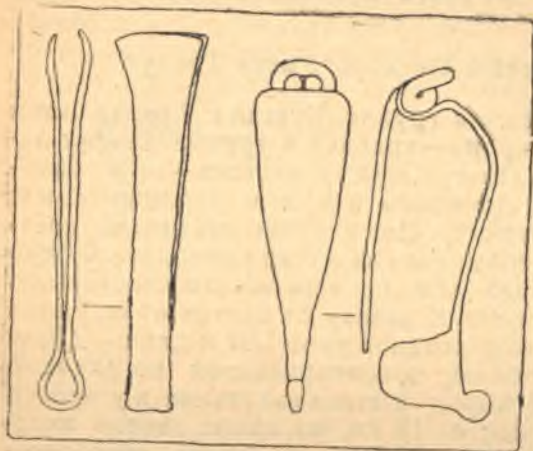

Рис. 14. F 8. 2/3.

с уклоном под западную стенку. На дне—человеческий костяк плохой сохранности, на спине, головой на север. Череп деформирован, раздавлен почвой, Рост—1,75 м, возраст молодой. Под костями и на стенках ямы, до 0,2 м выше дна, замечен густой черный тлен от сгнившего дерева-досок. Над костями такой же тлен. У правого плеча скелета раздавленный почвой глиняный горшок с плоским дном и широким горлом, несколько отогнутым краем (табл. 1, рис. 1). У кисти правой руки четырехгранный оселок с дырочками у обоих концов. Между бедрами лежала на дне могилы бронзовая фибула с плоской дужкой и бронзовые шпильки-пинцет длиной 8 см (рис. 14).

Курган F 9

Западная правобережная группа расположена между лиманами.

Курган исследован раскопом 8 м в длину и 4 м в ширину, проложенным с запада на восток через центр. Высота насыпи не установлена, диаметр—до 15 м. На глубине 0,8 м от поверхности насыпи обнаружено под серединой насыпи чуть заметное пятно темномешанной земли в виде неправильного круга, диаметром до 2,4 м. Могильная яма, округлая сверху, суживалась книзу, приняв форму прямо-

угольника с закругленными углами, расположенного по длине с ССВ на ЮЮВ. Длина по дну—2,25 м, ширина—1,65, глубина—около 1,5 м (от древней поверхности).

На глубине 1 м в засыпи могилы лежали человеческие кости: черепная коробка, бедро и две большие берцовые; все очень плохой сохранности. Все дно ямы перекопано в древности. На нетронутых участках сохранился непосредственно на дне черной перегной и поверх его—меловая посыпка в крупных комках. Выше дна, в мешанной почве, найдено: 2 незначительных осколка бронзового зеркала, 13 бус (из стекла, гешира и сердолика), кости человека—лопатка, ключица, ребра, несколько позвонков и др.; здесь же кусок мела и кости овцы—бедро и лопатка.

Курган F 10

Курган расположен на левом берегу р. Торгуна, 3 км выше совхоза „Красный Октябрь“, напротив села Старая Иванцовка. Круглая насыпь выпуклой формы, окруженная глубокими впадинами. Диаметр—17 м, высота—около 0,6 м. Копан траншеей 8 × 4 м, проложенной с запада на восток через центр. В насыпи попадались в разных местах и на разной глубине обломки детских костей и костей животных. У восточной стенки траншеи, на древнем уровне,—кость птицы (дудака или лебедя). В раскопанной траншее обнаружено 12 погребений (см. план раскопок на рис. 15)*.

Погребение 4-е. Костяк ребенка, 0,3 м ниже горизонта, к северо-западу от центра (см. план раскопа рис. 15) на спине, головой к югу. Череп слегка приподнят теменем кверху. Рост—0,85 м. У правой руки—кости овцы: лопатка, лучевая, локтевая, несколько ребрышек и рядом, клинок железного ножа. На левом бедре—точильный камень.

Погребение 5-е. Камерная могила под западной половиной насыпи. Входная яма имела вид удлиненного прямоугольника 2,15 м длины и 0,85 м ширины, ориентированного по длине с севера на юг (рис. 16); глубина ее—2,45 м. По мере углубления в материк западная стенка

* Погребения 1, 2, 6, 10 из кургана F 10 относятся к бронзовой эпохе, погребения 3, 7, 8, 9, 12—скифского времени. Материал данных погребений своевременно был опубликован П. Д. Рау в вышеуказанных работах. Дополнительными раскопками 1929 г. вскрыто еще четыре погребения (см. раскопки 1929 г.).

имела две горизонтальные ступени: первая на глубине 0,9—0,95 м, при ширине 0,3 м, вторая на глубине 1,8 м, при ширине 0,18 м. Дно ямы пологим уступом опускалось ко дну камеры, лежавшем на 2,67 м ниже горизонта. Длина камеры, выкопанной в восточной стенке, равна длине вход-

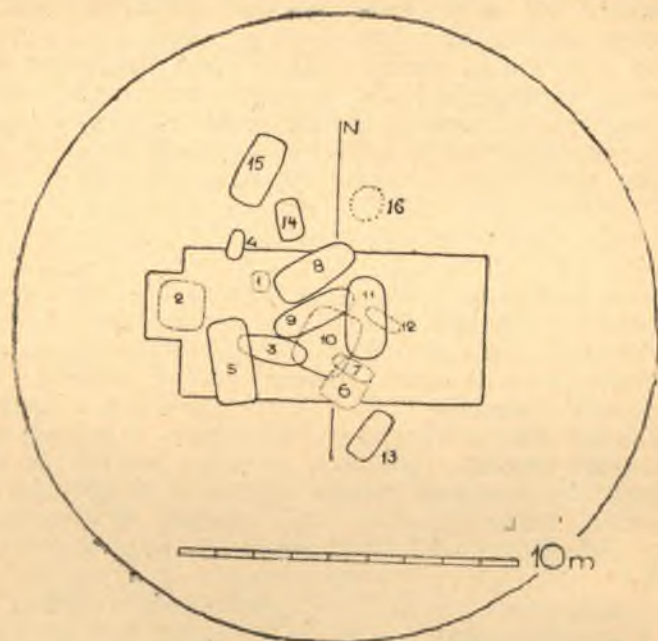

Рис. 15. План кургана F 10.

ной ямы; глубина ее в южном конце 1 м, в северном несколько меньше. Входную яму заполняла однородная солонцеватая глина. В устье подбоя, на дне, замечены остатки тонких прутьев. В камере, вдоль задней стенки, лежал вытянутый костяк женщины, головой на юг. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая—на тазе. Рост—1,65 м. Возраст 25—35 лет. Поверх костей—следы тонких прутьев. На дне—меловая посыпка. Поверх мела—черный и серый тлен—следы совершенно истлевших гробовых дощечек. Влево от черепа, у южной стенки, стоял большой глиняный сосуд, шаровидной формы, с круглым дном, прямой невысокой шейкой и несколько отогнутым наружу краем.

Высота его 29 см, диаметр по горлу—13 см (рис. 17). Второй сосуд, небольшого размера, круглодонный с невысокой шейкой (рис. 18). Влево от черепа найден обрубок дерева. У правого плеча совершенно распавшееся зеркало большого размера с боковой ручкой. Под нижней челюстью стеклянные позолоченные бусы и бисер. На груди—две цилиндрические стеклянные бусы, из них одна инкрустированная. На костях рук—

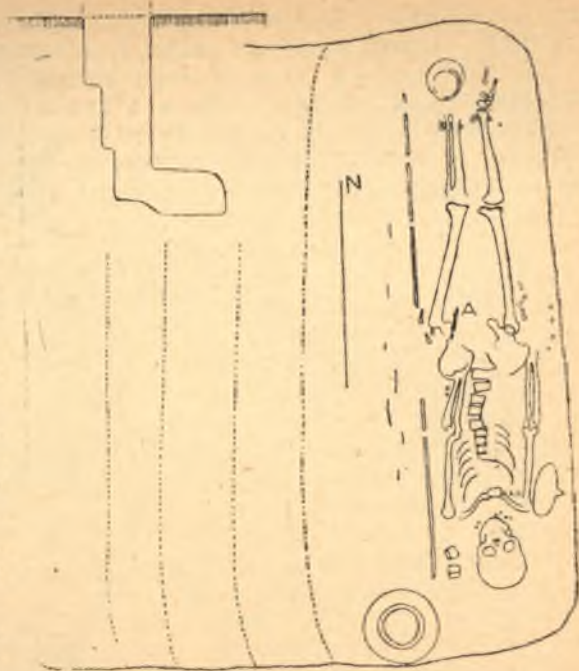

Рис. 16. F 10:5.

бусы, главным образом из сердолика и черного камня с инкрустацией. Около таза и

Рис. 17. F 10:5. 1/6.

Рис. 18. F 10:5. 1/6.

левого бедра—обломки железного ножа. На ногах, выше ступней,—также бусы из пасты с инкрустацией.

Погребение 11-е. Камерное погребение под центром насыпи с входной ямой 1,85 м длины и 0,8 ширины, ориентированной с севера на юг. Восточная стенка образует две горизонтальные ступеньки: первая на глубине 1,85 м имеет 0,4 м ширины. Дно ямы и камеры в одном уровне—на

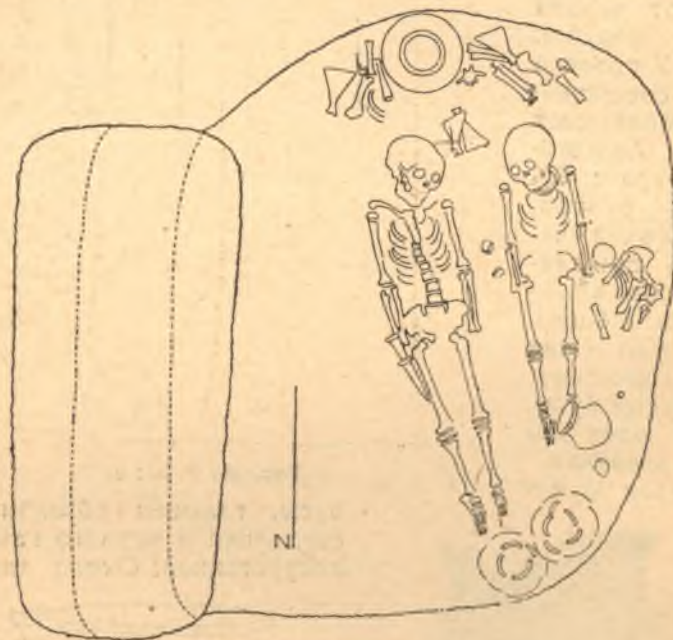

Рис. 19. F 10:11.

глубине 2,35 м ниже горизонта. Подбойная камера, имевшая в плане вид овала (рис. 19), устроена в западной стенке могильной ямы. Длина подбоя камеры—2,25 м (по линии СЮ), ширина (по линии ЗВ) 1,7 м, высота—0,65 м. На дне камеры, посыпанном крупинками мела, лежало рядом два скелета: в глубине—скелет ребенка, ближе к входу—скелет подростка; оба в вытянутом положении, головой к югу. Рост ребенка—0,9 м, рост подростка—1,3 м. Рядом с первым найдено: в ногах сосуд с двускатным брюшком, орнаментированный параллельными линиями, проходящими от шейки до дна сосуда (рис. 20). Высота—15,5 см,

диаметр венчика—9 см, диаметр дна—9,5 см. Рядом с сосудом—камешки и кусок мела; около левой руки—кости овцы нога и ребра; под костями овцы лежало в обломках бронзовое зеркальце, одна сторона

Рис. 20. F 10:11. 1/3.

гнут наружу. Высота его—35 см (рис. 22).

Перед сосудом—кости овцы: нога, лопатка, ребра. На кисти и на бедре—железный кинжал с брусовидным перекрестием (рис. 23). Ручка в виде втулки, с утолщенным краем. На кинжале были заметны следы деревянных ножен, обшитых кожей. Длина клинка—13 см, ширина—3,5 см. В ногах обоих скелетов лежали рыхлые черепки от больших шаровидных, круглодонных горшков той же формы, что и сохранившийся. От пятого сосуда, небольших размеров, растащенного, повидимому, сусликами, найдено лишь несколько мелких черепков. Под скелетами замечен серый тлен. На

Рис. 21. F 10:11. 2/3.

костях—следы тонких дубовых дощечек. Между скелетами, в области локтей, найдено два обрубка дерева.

Рис. 22. F 10:11. 1/6.

Рис. 23. F 10:11. 2/6.

С. Усатово, р. Еруслан.

Группа курганов, расположенных в 5 км к северо-востоку от с. Усатово, на высоком сырту—до 40 курганов, все сильно распаханы.

Курган F 12

Диаметр—9 м, высота—0,3 м. Под юго-восточной половиной насыпи обнаружена входная яма подбойной могилы 2 м в длину, 0,7 м в ширину и 1,45 м в глубину, ориентированная по длине с севера на юг.

У краев ямы прослежен слой материкового выкида. Такой же слой выкида материковой глины опускался в могильный вход—это показывает, что входная яма была после совершения погребения завалена землей. В рыхлой засыпи, состоявшей главным образом из грунтовой глины, попадались дубовые угольки, и в северном конце, на глубине 0,5 м—ножная кость крупного животного (коровы). На дне

ямы—сплошной слой золы; северный конец был обожжен и закопчен. Подбой устроен в западной стенке, по длине он равен входной яме, глубина—0,55 м, высота—около 0,5 м.

На дне подбоя лежал скелет женщины вытянуто, головой на север (рис. 24); рост—1,5 м, череп деформирован. Над черепом, в засыпи подбоя,—обломки от створок речной раковины. Рядом с черепом, влево—красноглиняный сосуд (табл. 1, рис. 4), высота его—14,5 см, диаметр по краю—8,5 см, дно—8 см, с правой стороны черепа—вдавленное доньшко стеклянного сосуда. В области шеи—граненая буса на бронзовом стержне и полый цилиндр из бронзы. У правой руки, на уровне локтя—бронзовая фибула с перевитой дужкой. В ногах—раздавленный грубый сосуд (табл. 1, рис. 3), округлой формы, с невысокой шейкой, высота—20 см, диаметр по верхнему краю—7 см, диаметр дна—8 см.

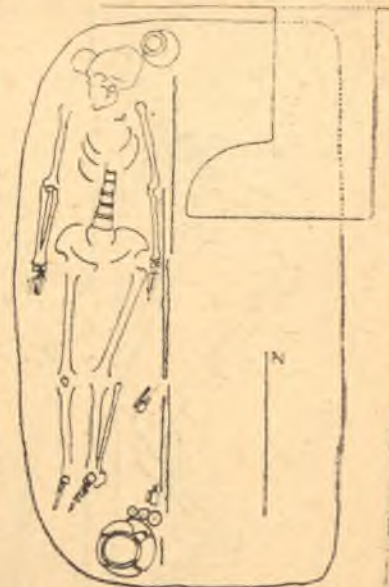

Рис. 24. F 12.

Рядом с сосудом—три глиняных пряслица и обломки деревянной ложки. Внутри сосуда лежал обломок деревянного кружка, скрепленный бронзовыми скобами. В устье подбоя, на уровне колен, лежала бронзовая трубочка и на ней деревянный предмет со следами красной краски. Там же замечены обломки деревянных дощечек (от гроба). На дне ямы посыпан мел, в ногах зола. Над костями также замечены крупинки мела.

Курган F 15

Диаметр—8 м, высота—0,2 м. Исследован неширокой траншеей, проложенной с запада на восток. Под западной половиной насыпи обнаружена подбойная могила, выкид из которой лежал под восточной половиной. Узкая входная яма 2,35 м в длину, 0,54 м в ширину и 1,53 м в глубину, ориентированная с севера на юг. Подбой устроен в

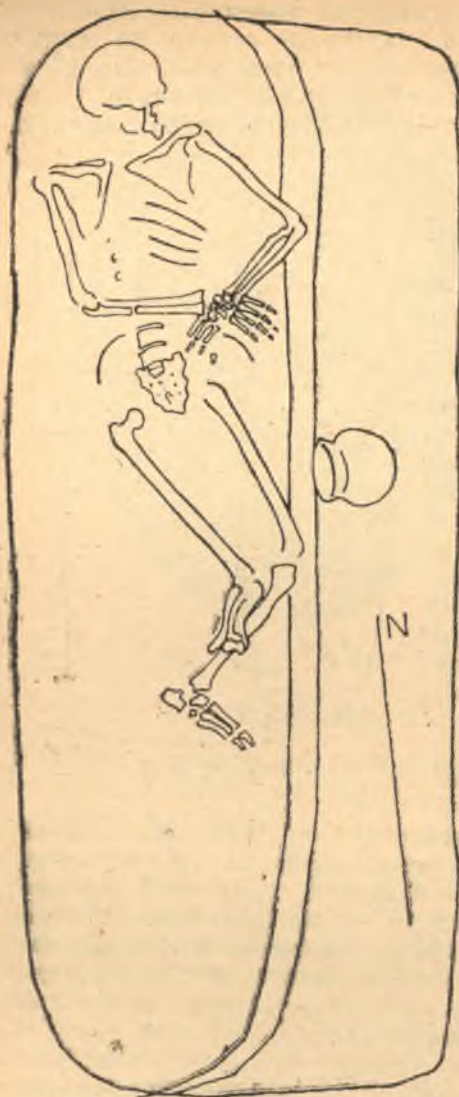

Рис. 25. F 15.

Большой диаметр—16 м, малый—14 м. Высота—0,55—0,6 м. Исследован прямоугольным раскопом 8 × 5 м, проложен-

западной стенке, по длине равен входной яме, глубина—0,46 м, высота—около 0,5 м. Дно входной ямы образовало ступень 0,4 м ширины, круто лежало ниже дна ямы на 30 см (рис. 25). На середине ступени лежал грубый сосуд с широким отверстием, плоским дном, обжиг слабый; высота его—13 см, диаметр по верхнему краю—12,5 см (табл. 1, рис. 2). В северной половине ямы лежал костяк старика, скорчившегося ничком на животе, головой на север. Кисти рук были перекрещены на спине, голени также были перекрещены, причем левая торчала ступней вверх. Рост—около 1,55 м. Положение костяка заставляет думать, что здесь заживо был похоронен человек со связанными руками и ногами.

Курган F 16

Курган расположен в той же группе, крайний с севера. Плоская насыпь овальной формы, вытянутая по линии восток-запад.

ним с запада на восток через центр. Под серединой насыпи, возле центра с юга, обнаружена четырехугольная грунтовая яма 2,6 м в длину, 2,3 м в ширину и 1,55 м в глубину, ориентированная по длине с севера—северо-востока на юг—юго-запад. Вокруг ямы лежал широким

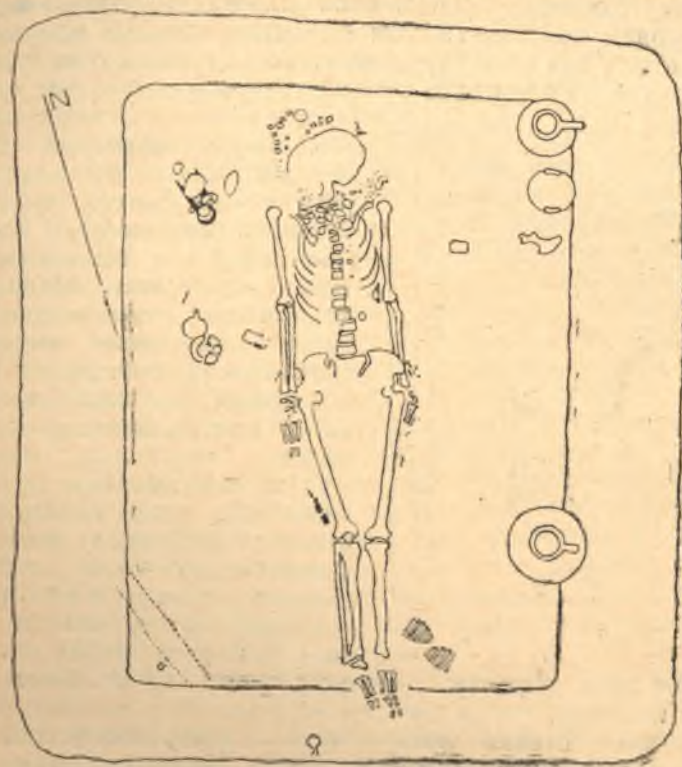

Рис. 26. F 16.

веером на древней поверхности светлый грунтовый выкид, достигавший у краев ямы 20 см мощности. Среди этого выкида замечено у северного и южного концов ямы, 15 см выше древней поверхности, следы от наката—мелкая шелюга, ветками продольно через яму. Яму заполняла темная, плотно сцементированная засыпь, в которой найдены кости овцы: лопатка и берцовая.

На глубине 1,2 м через засыпь могилы шел горизонтальный, слегка наклоненный к востоку слой из остатков ислев-

шей мелкой шелюги, отделяя верхнюю черноземную засыпь от нижележащей, более глинистой. На дне ямы, занимая середину, лежал покрытый несколькими слоями древесного перегноя скелет женщины в вытянутом положении на спине, головой на север (рис. 26). Могильное дно состояло из центральной возвышенной площадки, опускавшейся по сторонам пологим скатом к стенкам, образуя вдоль последних желобки 0,2 м глубины. Непосредственно на глинистом грунте, на площадке и на восточном желобке был густо

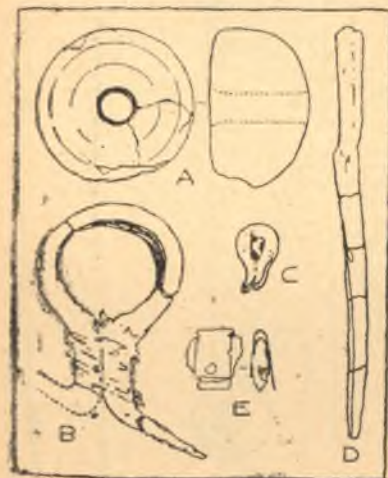

Рис. 27. F 16. М.

посыпан мел. Поверх мела лежал бурый перегной, среди которого можно было установить следы тонких дубовых дощечек, положенных вдоль. Под зеркалом, лежавшим на дне, сохранились благодаря медной окиси следующие, хорошо различимые остатки: слой холста, прикрытый тонкой кожей; над кожей дощечки, а под дощечками опять холст.

Над погребением прослежено два слоя поперечных дощечек (толщина) 3—4 мм, ширина — до 4 см, переходивших местами в три и залегавших между слоями глины. Три слоя наблюдаются в

середине ямы; в одном замечены также продольные древесные волокна.

У южной стенки могилы лежал в засыпи, острием к стенке, железный пробой (рис. 27-В). Несколько ниже замечены остатки вертикальной дубовой палочки, которые на дне уже не замечались. В описанных остатках можно видеть, повидимому, материал какого-то сооружения над покойницей, вернее всего в виде двускатного шатра из дощечек или с досчатой основой.

Рост костяка 1,67 м, возраст—30—40 лет, кости плохой сохранности, череп распался.

Вещи и их расположение: у затылка лежала арбалетная бронзовая фибула (рис. 28-2). Вокруг черепа — многочисленные бусы из розового коралла, позолоченного стекла, сердолика, янтаря, перламутра, кости, кварца, пирита и зо-

лота (рис. 28-6, 8-21). Под нижней челюстью найдено 14 золотых подвесок (табл. II, рис. 1), из них 9 штук сердцевидной формы, со вставными стеклами беловато-мутного цвета, сверху ушко для подвешивания. Две подвески овальной формы со вставными стеклами красного цвета, по краю — золотой ободок, орнаментированный мелкою зернью, сверху по два ушка. Три подвески цилиндрической бочковидной формы, с сердоликами (яркокрасные камни), орнаментированные в виде треугольников, а по краям — витая веревочка. В ушках одной из этих подвесок сохранился обрывок ремешка, а в одной из золотых бусинок — тонкая льняная нитка. Среди бус найдено несколько мелких золотых полусферических и ромбических (рис. 28-7), нашивных бляшек и ряд серебряных штампованных (рис. 28-3). Последние были расположены с левой стороны около плеча на остатках ткани в виде мешочка, обшитого указанными бляшками. В области шеи найдены также серьги (рис. 28-5), состоявшие из какой-то беловатой (эмалевидной) массы со вставными стеклышками (серьги плохой сохранности). Две сердоликовые и две коралловые бусы были надеты на бронзовые и серебряные проволоочки с спирально закругленными концами. У темени и на левой ключице лежало по бронзовому сферо-коническому бубенчику (рис. 28-4) с обломанными ушками, с железным язычком, прикрепленным к припаянной с внутренней стороны скобе. Между ребрами найдено несколько бус, две из них из топаза (рис. 28-17). Между левым плечом и ребрами лежала большая бронзовая фибула с перевязанной дужкой (рис. 28-1), на ней следы полотняной ткани. Над фибулой, пропитанные окисью меди, сохранились один на другом два деревянных диска, обтянутые тонкой кожей. На предплечьях, немного выше кисти, лежали вокруг костей по низки стеклянных бус. У левого колена — какой-то распавшийся железный предмет. На костях ступней — ровно рассыпанный зеленый и голубой бисер (всего собрано 692 шт.) (рис. 28-11-13). Рядом с левой голенью сохранились в почве следы от передов кожаных сапожек или туфель с чуть приподнятыми носками, поставленных на дно площадки. Там же, близко, в восточной стенке, стоял закопанный на 20 см в грунт большой кувшин из красной глины с ручкой и низкой шейкой (табл. III, рис. 1). Высота его—37 см, диаметр горла по верху—11 см, диаметр дна—19,5 см, дно плоское, стенки сосуда толстые. Влево от черепа, в северо-восточ-

ном углу, стоял врытый на 10 см в грунт — сероглиняный лощеный кувшин с высоким горлом и большой ручкой (табл. III, рис. 2); высота его 26 см, диаметр горла по верху — 11,5 см, диаметр дна — 12,5 см. Рядом с кув-

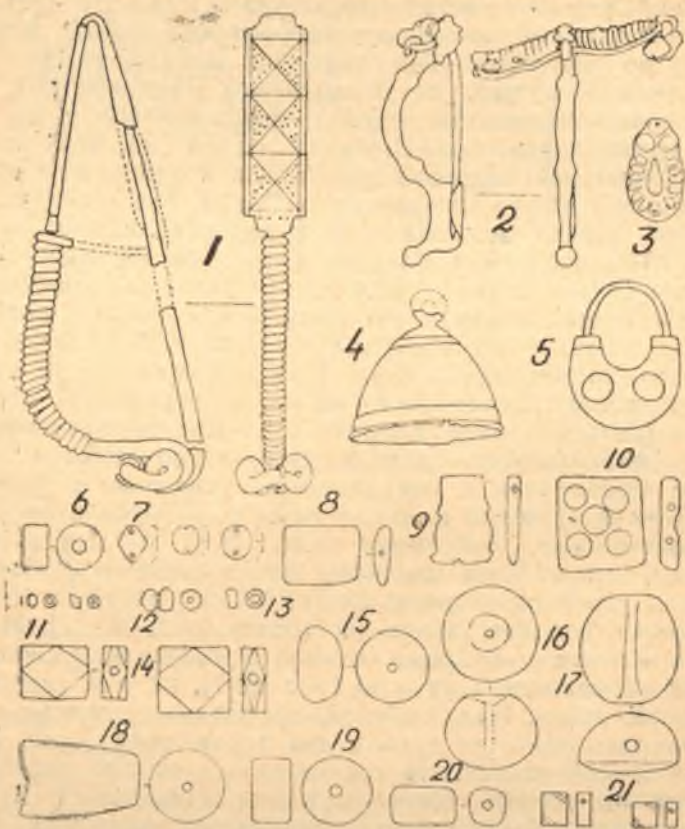

Рис. 28. Предметы из погребения в кургане F 16. 2/3.

шином стоял бронзовый остродонный котел с ручками, высота его — 19 см, диаметр — 17 см (рис. 29). Здесь же лежала кость овцы (часть ноги). Рядом с костью сохранились остатки предмета в виде мешочка, обшитого с обеих сторон сплошь бляшками из серебра. Бляшки имеют удлиненно-округлую форму, штампованные по краю и середине выпуклости в виде орнамента (рис. 28-3). С правой стороны перед черепом были положены: створка раковины

Unio, алебастровое пряслице (рис. 27-A), кусок мела в форме правильной четырехгранной призмы, две сердоликовые бусы (одна шаровидная) (рис. 28-19), другая цилиндрическая (рис. 28-18), железные ножницы и кусок дерева с лепестками краски от какого-то предмета, окрашенного в цвет киновари. У локтя правой руки лежало бронзовое массивное зеркало с ручкой (табл. III, рис. 3), по краю широкий овальный ободок, диаметр зеркала — 13 см, длина ручки — 5 см. Здесь же — маленький амфоровидный кувшинчик из красной глины, ручка с одной стороны обломана (табл. III, рис. 4); высота его 13,5 см, диаметр по верхнему краю — 5,5 см, диаметр дна — 7 см. Кувшинчик был заполнен каким-то темнобурым рыхлым веществом. Между сосудом и рукой скелета лежал обрывок тонкой кожицы. Несколько выше зеркала было бронзовое четырехгранное острие-шило (рис. 27-D), имевшее 13,5 см в длину.

Рис. 29. F 16. 1/4.

В юго-западном углу, у края ската замечен валик плотной глины, одетый слоем сгнивших дощечек, образовавших здесь как бы складку. На валике лежали остатки железной пластинки или проволоки и вместе с ними небольшая бронзовая петля с остатками железа на ушке (рис. 27-C). В этом же месте найден обрывок льняной ткани и бронзовая обойма с остатками дерева внутри (рис. 27-E).

В области ног слои дощечек были спутаны. В северном и южном желобках их следы не были замечены. Над сосудами они проходили, имея здесь вид округлых выпуклостей, поддерживаемых венчиками кувшинов.

С. Усатово, северная группа I

Группа курганов на сырте, 3 км к северу от с. Усатово, 13 насыпей.

Правильно округлая, выпуклая насыпь. Диаметр—16 м, высота—0,9 м. Исследован раскопом с запада на восток через центр—8×5 м. Раскопками обнаружено, что насыпь состояла из двух наслоений: из первоначального кургана, насыпанного над погребением F 18, погр. 4, высотой 0,4 м и подсыпки из более темной почвы, покрывавшей старый холм ровным слоем 0,5 м высоты.

Под курганом были обнаружены остатки четырех погребений, из которых основное дважды разрушено: первоначально при устройстве входной ямы впускной камерной могилы кург. F 18, погр. 3, срезавшей восточную половину его, и затем второй раз при ограблении камерного погребения грабительской ямой. Могила № 4 содержала погребение скифского времени*.

Погребение 1-ое. Подбойная могила под восточной стенкой раскопа с входной ямой 1,74 м в длину, 0,55 м в ширину и 1,35 м в глубину, ориентированной с северо—северо-востока и на юго—юго-запад. Засыпь ямы—сыпучая, сухая глина. Подбой под западной стенкой углублен в стенку на 0,7 м, длина 1,77 м, высота—около 0,5 м. Дно подбоя ниже дна входной ямы на 16—20 см. Ширина ступени, образующей дно входной ямы,—0,45 м. Устье закрыто мелкими ветками-шелюгой, положенными вдоль. На дне подбоя лежал на спине головой на юго-запад скелет подростка, руки положены на таз, рост 1,3 м. На дне могилы слой темного тлена. У правого колена желтоватое порошкообразное вещество.

Погребение 2-е. Камерная могила под юго-западным углом раскопа с узкой входной ямой 2,48 м в длину, 0,9 м в ширину и 3,12 м в глубину, ориентированная с севера на юг с небольшим отклонением к северо-западу, юго-востоку. В засыпь ямы опустилась грунтовая глина. Выкид из этой ямы лежал южнее в засыпе на 25—30 см, выше древней поверхности, показывая рельеф основной насыпи. Потолок камеры осел на 0,55 м. Засыпь ямы сыпучая, глинистая; заметны прослойки черной почвы. По мере углубления яма увеличивалась в длину, имея по дну 2,82 м. У дна западная стенка ямы образовала ступень 0,45 м ширины и такой же высоты. Камера устроена в восточной длинной стенке. Длина ее равна длине входной ямы, глу-

бина—1,2 м. Высоту камеры нельзя было определить. От заслона, закрывшего первоначально устье, не сохранилось ничего, кроме следов шелюги в засыпи и ямки от вертикального колышка в глинистом дне ямы. В камере стояла дубовая колода, длина ее—2,02 м, ширина—0,58 м, толщина боковых стенок и дна—до 1 см; толщину концевых частей, за плохой сохранностью, установить не удалось.

В северной половине колоды лежал в скорченном состоянии скелет молодой женщины, головой к югу. Кости слегка расстроены (рис. 30). На шее бусы из позолоченного стекла, гешира, сердолика и агата (365 шт.).

Под черепом—две золотые серьги в виде проволочных спиралек с припаянным украшением в виде висячих гроздьев (зернь) на конце

из золотой проволоки (рис. 31). В головном конце колоды лежало в кучке: плоский кругловатый камешек, кусочек реальгара, мелкие обломки от совершенно рассыпавшегося миниатюрного глиняного сосудика и костяное навершие гребня с конскими головками (рис. 32). Длина пластинки 7,5 см, один конец частично обломан. Ближе к черепу, у боковой стенки гроба, лежали кучкой кругловатые

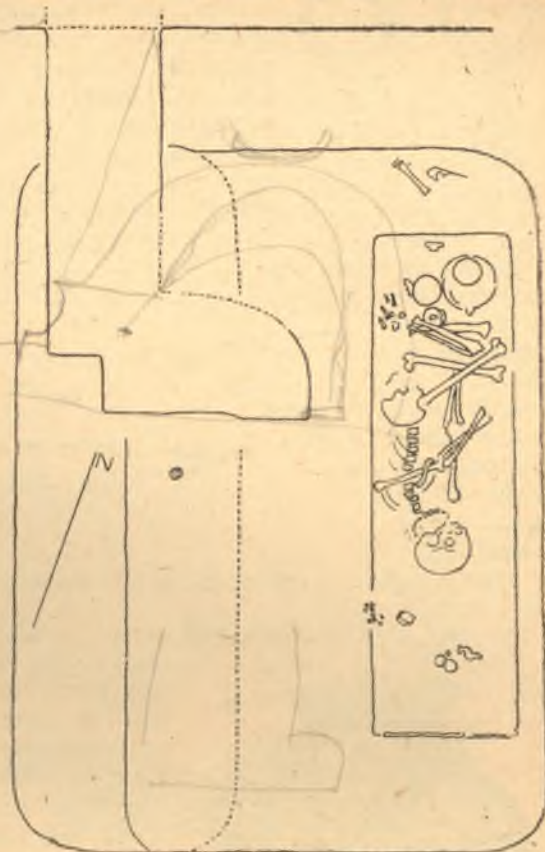

Рис. 30. F 18:2.

* P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet, Pokrowsk, 1929, стр. 69.

кусочки белой глины (?) и обрубков дерева. В ногах скелета лежал в обломках опрокинутый шаровидный сосуд с ушком (рис. 33), высота его—19 см, диаметр дна—11 см. По

Рис. 31. F 18:2 1/1.
F 18:3. 1/1.

плечикам сосуда—орнамент из параллельно опускающихся вниз линий и вокруг горла поясok в виде рельефного выступа. Рядом с горшком, под ногами, опрокинутая глиняная плoшка—курильница с округлым дном, край плоский—расширен и орнаментирован линиями, образующими треугольники (по три линии в ряду). Высота плoшки 4 см, диаметр по верхнему краю—11 см.

(табл. IV, рис. 3). Здесь же лежал глиняный круглодонный сосудик в виде чарки с ручкой, высота его—8 см, диаметр—9 см

(таблица IV, рис. 2), рядом с плоской обломком бронзового зеркала. Судя по сохранившемуся обломку, можно определить, что зеркало в диаметре имело до 15 см.

Рис. 32. F 18:2. 1/1.

В ногах же, у концевой стенки, лежало костяное навершие второго гребня, орнаментированное сверху резными линиями. По краю линии расположены параллельно, в середине образуют треугольники (табл. II, рис. 2). У северной стенки камеры лежали вне колоды кости овцы—нога. Все кости в этой могиле плохой сохранности.

Погребение 3-е. Камерная впускная могила под центром насыпи с входной ямой 2,55 м в длину, 1,15 м в ширину и 2,28 м в глубину, ориентированной с севера на юг. Камера

выкопана в западной стенке и расположена параллельно входной яме. Длина камеры—2,75 м, глубина—около 0,85 м,

Рис. 33. F 18:2. 1/1.

высота—около 1,15 м. От дна ямы, образовавшей ступень 0,5 м ширины, шел пологий спуск ко дну камеры, лежащий на 2,75 м ниже горизонта. Потолок камеры пробит грабительской ямой, через которую была расхищена могила. Засыпь входной ямы не была потревожена, в ее нижних слоях, перед устьем камеры, лежали грудой остатки шельюги, закрывавшей устье. На дне камеры, у западной стенки ее, стояла выдолбленная колода 2,15 м длины, в которой лежала еще часть человеческих костей и вещей. В головах колоды имела 0,58 м, в ногах—0,54 м ширины. Сильная сплюсненность колоды не позволила с точностью определить ее форму, но было установлено, что она составляла больше половины ствола и имела сверху лишь узкое отверстие; высота сплюсненных остатков—0,45 м. Толщина концевых стенок 3,5 см, боковые были тоньше 1 см.

На дне колоды лежали в беспорядке кости женского костяка: в южном конце череп, лопатки, плечо, 6. берцовая и несколько ребер. В головном конце найден бронзовый трехгранный наконечник стрелы, пряслице из красноватого песчаника, две агатовые бусы и золотая серьга из спирально согнутой проволоки (рис. 31). В середине гроба найдены две бусинки из фиолетового стекла, кусок дерева, пропитанный окисью железа и вторая золотая серьга той же формы. Ближе к северному концу колоды лежала трубочка из кости крупной птицы (дрофа) и найдено костяное навершие гребня с изображением конских голов, обращенных в противоположные стороны. В середине гребень имеет выступ и круглую дырочку. Верхний край имеет резьбу в виде косых параллельных линий. В нижней части вырез в виде желобка. Длина гребня—10 см, наибольшая высота—2 см (рис. 34).

Рис. 34. F 18:3. 2/1.

Между концом гроба и северной стенкой могилы лежали выше дна, в засыпи, кости передней ноги овцы с копытцем и лопаткой. Под костями, на дне, замечено желтое порошкообразное вещество, имевшее форму небольшой кучки с округлыми очертаниями. В засыпи входной ямы, а также в грабительской яме, были разбросаны кости мужского костяка и кости овцы (от разрушенного скиф-

ского погребения № 4). Недостающие кости женского костяка лежали выше, на уступе грабительской ямы, 0,4 м ниже горизонта.

С. Усатово, северная группа № II

Группа курганов на гребне высокого сырта у хутора Лебзака, 6 км к северу от с. Усатово.

Группа (до 32 курганов) имеет разного размера курганы—от 25—30 м в диаметре. Преобладают курганы меньшего размера.

Курган F 19

Курган расположен в северо-западном конце группы. Диаметр его—16 м, высота—0,7 м. Исследован раскопом

6×5 м, проложенным с востока на запад через центр, и три дополнительных раскопа в южной, юго-восточной и северо-западной части насыпи. В насыпи обнаружены остатки огромного, потревоженного во многих местах кострища, состоявшие из березовых обугленных плах на древней поверхности, над которыми насыпная почва прожжена докрасна, а подстилал

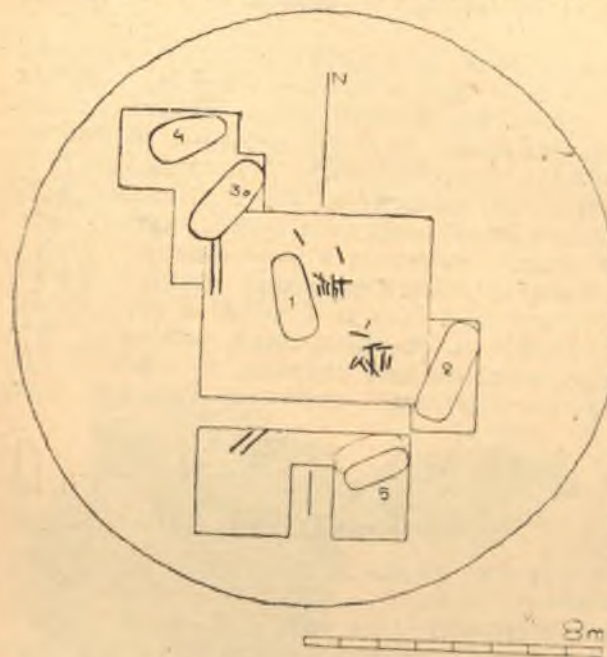

Рис. 35. План кургана F 19.

ющий материковый слой прокопчен сажей. Комки жженой почвы встречались также грудями во всех горизонтах насыпи, перемешанные с березовыми углями. Во многих местах насыпи найдены также кости овцы и коня, некоторые

обожженные. Встречено также плечо ребенка и обломки костей от взрослых скелетов.

Насыпь с описанными остатками костра прорезана в разных местах пятью впускными могилами, пятнистая насыпь которых хорошо прослежена до самой поверхности кургана (рис. 35).

Могила 1. Погребение 1-е и 2-е. Камерная могила со входной ямой под центром насыпи. Длина ямы—2,15 м, ширина—0,9 м, глубина—1,5 м. Расположена с севера на юг с небольшим отклонением к ЮВ-СЗ. Камера вырыта в западной стенке параллельно входу. Длина ее—2,35 м, глубина—1,25 м, высота—около 0,85 м. Дно входной ямы образует ступень 0,45 м в ширину, дно ямы ниже на 0,5 м. В верхних слоях камеры, затекшей рыхлой комковатой почвой, смешанной с углями и комками жженой глины, лежали совершенно разрушенные сурками кости мужского костяка, затащенные в самые отдаленные углы (часть костей лежала во входной яме). В тех же слоях камеры найдены обломки железного меча с перекрестьем в виде бруска, черешок какого-то железного острья, несколько черепков сосуда и берцовая кость овцы. В устье подбоя, под остатками мужского погребения, лежал женский костяк, слегка на левом боку с согнутыми ногами (рис. 36), головой на юг. Приблизительный рост—1,56 м. Кости плохой сохранности. Возле костей и под ними обнаружены остатки деревянного гроба с боками из

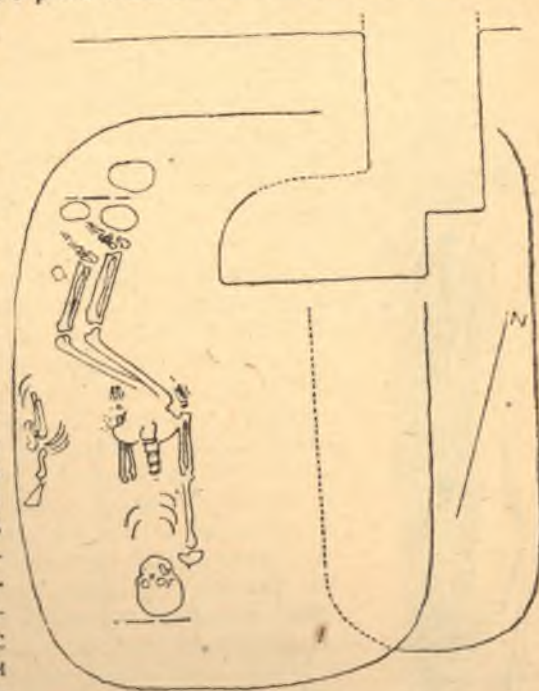

Рис. 36. F 19:1.

60

продольных поставленных на ребра дощечек. Размеры гроба не удалось установить. Под костями замечены дощечки 5—7 мм толщины и под ними густой слой мела. Под правым плечом скелета лежало плоское неполное зеркало с ручкой. Диаметр зеркала—18 см, длина ручки—3,5 см. На поверхности зеркальца сохранился след ткани. С левой стороны покойника, на уровне таза,—кости овцы: два пле-

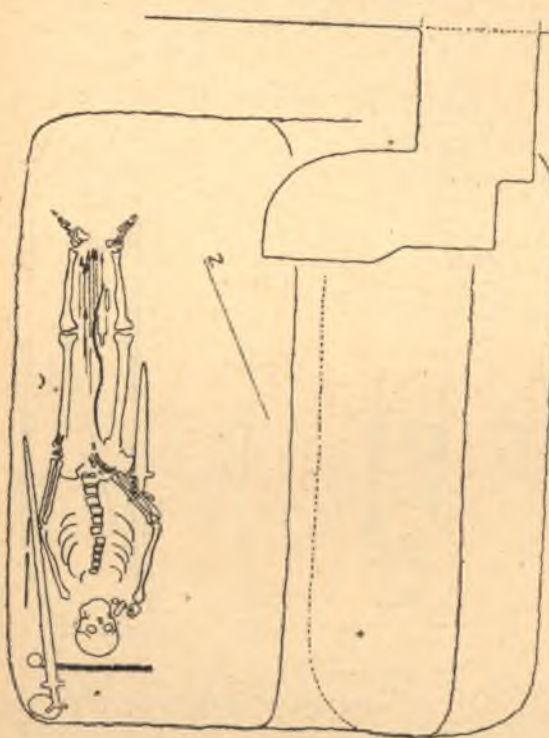

Рис. 37. F 19:2.

ча, две берцовые и ребра. Около кисти левой руки и в области локтя правой найдены бусы из гешира и стекла. У ступней ног лежали кусок дерева и две кучки желтоватого порошковидного вещества. У стенки, вне гроба—еще такая же масса. В области груди найдена привеска из раковины. На шее многочисленные бусы из стекла и агата. Под черепом найдена одна золотая проволочная сережка в виде спирали (типа рис. 31).

Могилы 2-я. Продолговатая входная яма с за-

кругленными концами 2,43 м в длину, 0,92 м в ширину и 1,78 м в глубину, ориентированная по длине с севера-северо-востока на юго-юго-запад. На дне во всю длину восточной стены оставлена ступень 0,35 м ширины и 0,58 м высоты. Камера вырыта в западной стенке, параллельно входной яме. Длина ее равна длине входной ямы, глубина—1,23 м, высота приблизительно 0,75 м. От дна входной ямы катакомба углублялась пологим скатом на 15 см. Устье

было закрыто шелюгой. В засыпи был найден плосковатый камень (терка). На глинистых стенках заметны следы двух орудий: лезвие 2,5 см длины и 2,25 см ширины. Пестрая засыпь этой могилы особенно ярко выражалась на однообразном фоне насыпи; она также содержала в значительном количестве материал из кострища. У задней стенки подбоя-камеры лежал в долбленной колоде вытянутый костяк мужчины, головой на ЮЮЗ (рис. 37). Рост—1,63 м; кости плохой сохранности. Толщина боковых и донных стенок колоды от 1 до 2 см. Толщина концевых частей не установлена. Сверху колода была закрыта доской 6—8 мм толщины. Порода дерева не установлена. Дно подбоя посыпано мелом.

В головах покойника лежали вне колоды кости овцы: передняя нога с лопаткой и рядом с ними кучка желтоватого порошкообразного вещества. Вокруг черепа скелета были рассыпаны мелкие кругловатые кусочки зеленой и синей краски. У правого плеча—небольшой кожаный мешочек, туго завязанный ремешком, хорошо сохранившийся благодаря выделениям окиси содержащегося в нем медного предмета. Рядом с мешочком точильный брусок с начатой сверлиной, кусок мела и кусок реальгара. В головах же угла колоды лежали рыхлые черепки распавшегося глиняного сосуда, высота его—6,8 см, диаметр горла—5,7 см, дно—3,5 см. Вдоль левого бока покойника лежал длинный меч с брусковидным перекрестием и серповидным набалдашником. Общая длина меча—107 см, ширина клинка—5 см, высота ручки с перекрестием и набалдашником—11 см, ширина перекрестия—10 см, ширина рожек—9,5 см. У правого бедра лежал короткий меч того же типа, общая длина его 47 см, ширина клинка у перекрестья—6,5 см (рис. 38). Рядом с его ручкой лежала кучка рыхлого светложелтого вещества (сера? охра?), кусок кремня и точильный брусок со сверлиной. Между ног—пучок стрел с железными и бронзовыми трехгранными

Рис. 38. F 19:2/4

втульчатými наконечниками, острыми к ступням. Длина древков стрел—70 см, многие хорошей сохранности. На них деревянные части короткого составного лука. Хорошо сохранилась средняя часть лука, состоящая из трех составных частей (рис. 39). Общая длина лука не установлена, однако, она не превышала 80 см. Рядом с луком, на стрелах же,—деревянная палочка с железным стрежнем внутри. Под луком и стрелами лежала пила с деревянной ручкой, распавшаяся на куски.

Могила 3-я. Удлиненная яма 2,45 м в длину, 0,9 м в ширину и 0,25 м в глубину, ориентированная по длине с северо-востока на юго-запад. В засыпи, перерытой сурками, встречались в большом количестве комки обожженной почвы и угли от кострища. На дне ямы лежал среди остатков деревянного гроба вытянутый скелет мужчины, головой на юго-запад. Рост—1,73 м, возраст старческий. От гроба сохранились кусочки боковых стенок—

доски в 1 см, поставленные на ребро. Концевые части—также же доски. Длина гроба—1,94 м, ширина—0,57 м. На костях замечены остатки березовых веток, лежавших вдоль. Под костями замечены остатки дощечек. В голове покойника—кости овцы: две передние ноги с лопатками. В южном углу могилы лежали обломки разрушенного шаровидной формы,

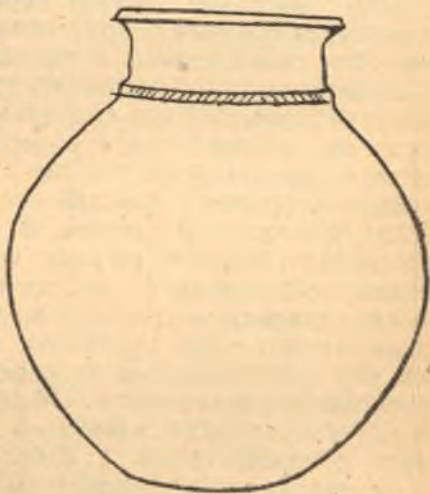

Рис. 40. F 19:3. 1/8.

округлое дно (рис. 40). Высота его—17,5 см, диаметр по верху—10 см, дно—7 см. У левой руки, в сурчине, два бронзовых трехгранных наконечника стрел, между ног еще два таких же наконечника. Пятый экземпляр найден выше костей, в засыпи ямы.

Могила 4-я. Удлиненная яма 2,12 м в длину, 0,85 м в ширину и 0,83 м в глубину, ориентированная по линии ЮЗЗ на СВВ. На дне—мужской костяк на спине, головой на ЮЗЗ, сильно расстроженный грызунами. Часть костей оказалась в засыпи ямы, часть выше, в кургане. Влево от черепа, на дне могилы, вдоль северо-западной стенки, расположены кости овцы: ноги, лопатки. У правого колена лежал железный кинжал с прямым перекрестием и серповидным навершием. Общая длина кинжала—0,32 м, клинок—0,22 м. Рост покойника—1,72 м. Возраст—25—30 лет.

Могила 5-я. Подбойная, под южной половиной насыпи. Входная яма—1,55 м в длину, 0,65 м в ширину и 0,68 м в глубину, ориентированная с СВВ на ЮЗЗ. Подбой углублен в северную стенку пня 0,55 м дно его ниже дна входной ямы на 0,2 м, длина одбоя—1,7 м, высота—около 0,5 м. Устье было закрыто шелугой. На дне подбоя—костяк ребенка головой на ЮЗЗ, рост—1,02 м. В головах кости овцы: задняя нога, лопатки.

С. Усатово, правый берег Еруслана

Группа курганов на правом берегу р. Еруслан, 4 км выше с. Усатово.

Курган F 20

Овальная насыпь, вытянутая с запада на восток. Большой диаметр—19 м, малый—17 м, высота—0,8 м. Исследован прямоугольным раскопом 10×5 м, проложенным через центр, и двумя небольшими дополнительными траншеями к югу и к северу от главной. Под западной половиной насыпи обнаружены три грунтовые могилы, из которых две впускные были врезаны в насыпь основной.

Могила 1-я, камерная. Входная яма 2,25 м в длину и 0,95 м в ширину, ориентированная с ССЗ на ЮЮВ. Камера выкопана в юго-западной стенке, параллельно входной яме (рис. 41). Длина ее—2,5 м, глубина—78 м, высота—1,1 м. Дно камеры на 2 м ниже уровня древней поверхности. Дно входной ямы образует ступень 0,65 ширины и 0,32 м высоты. На дне ямы и в устье подбоя обнаружены деревянные колья хвойной породы, лежавшие поперек ямы и служившие или покрытием ямы, или заслоном устья камеры. Последнее вероятнее, так как несколько кусков этого дерева обнаружено также в камере под

погребением. На дне камеры лежал прикрытый глинистой засыпью скелет женщины головой на ЮВ. Вправо от черепа — пластинчатый бронзовый диск. Около черепа — золотые спиральные сережки. На ступнях ног — обломки плохо сохранившегося глиняного сосуда, округлой формы с высокой шейкой, расширяющейся кверху; плечики сосуда отделяются от горла двумя выступами, параллельно расположенными по плечикам сосуда (рис. 42). Высота сосуда — 17 см, диаметр по верху горла — 10 см, дно округлое. Около голени собрано несколько стеклянных круглых бус. Рядом с левой голенью лежали кости овцы: ноги, лопатки. Следов гроба, покрытия не замечено. Рост костяка — 1,54 м, возраст — до 30 л.

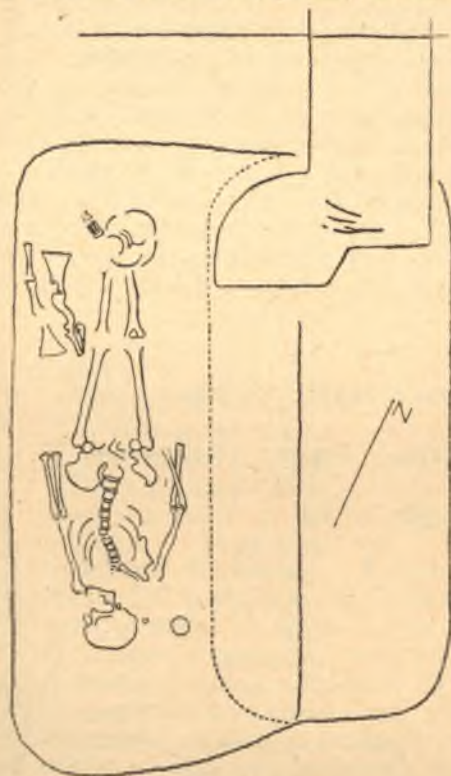

Рис. 41. F 20.

Могилы 1-я. Удлиненная яма 2 м в длину, 0,68 м в ширину и 0,5 м в глубину, ориентированная с востока на запад. На дне костяк молодой женщины в вытянутом положении на спине, голова на запад. Рост — 1,53 м. В засыпи, под правой ногой, найден незначительный обрывок бересты. Яма 1-я восточной половиной своей врезалась в засыпь ямы № 2.

Могилы 2-я, врезанная в восточный конец основной могилы (скифской — 3-я *). Удлиненная могильная яма 1,94 м в длину, 0,75 м в ширину и 1,52 м в глубину. В засыпи попадались куски деревянных брусков хвойной породы, лежавших поперек ямы. На дне — скелет женщины, вытянут, головой на ЮВ. Под левым плечом — об-

ломок плоского бронзового зеркала большого размера. Между ног — пряслице из песчаника. Около берцовых костей рук также расположено несколько стеклянных бус с позолотой и 4 половинки удлиненных сердоликовых. В ногах кости овцы: нога, лопатки и там же два куса белой глины. Рост костяка — 1,52 м.

* Могилы № 3 содержала погребение скифского времени (опубликовано Рау в указанной выше работе).

Небольшая насыпь в той же группе, к востоку от F 20, через два кургана. Диаметр — 10 м, высота — 0,3 м. Под центром обнаружено 3 грунтовых могилы.

Могилы 1-я. Удлиненная яма 2 м в длину, 0,68 м в ширину и 0,5 м в глубину, ориентированная с востока на запад. На дне костяк молодой женщины в вытянутом положении на спине, голова на запад. Рост — 1,53 м. В засыпи, под правой ногой, найден незначительный обрывок бересты. Яма 1-я восточной половиной своей врезалась в засыпь ямы № 2.

Могилы 2-я, удлиненная яма 2,2 м в длину, 0,67 м в ширину и 1,3 м в глубину, ориентированная по длине с СВ на ЮЗ. На дне — скелет молодой женщины, расположенный головой на юго запад. Плечо и лучевая левой руки лежали выше, в засыпи, в северо-восточном конце могилы; там же найден неполный клинок железного кинжала, согнутый вдвое. Под правой лопаткой костяка лежал железный ножик. На ногах перевернутый, совершенно искрошившийся грубый сосуд. У левой голени — кость овцы, вдоль правой ноги были рассеяны обломки черепа ребенка. Рост костяка — 1,6 м.

Могилы 3-я, расположена рядом с могилы 1-й и 2-й с севера. Удлиненная яма с закругленными концами 2,38 м в длину, 0,98 м в ширину и 1,2 м в глубину, ориентированная по длине с СВ на ЮЗ. Яма оказалась расхищенной. В засыпи лежала лучевая кость голени, несколько фаланг от кистей рук и кость (плечо) овцы. В восточном конце, на дне, несколько мелких костей левой ступни от костяка человека, лежавшего, повидимому, головой на юго-запад.

Рис. 42. F 20 : 1. 1/3.

Курганы в окрестностях с. Макаровка, р. Карамыш (нагорная сторона, 30—40 км к западу от Волги).

С. Макаровка расположено на правом берегу реки Карамыш на возвышенной гряде, отделенной от полевых высот небольшой речкой Мокровкой. Речка Карамыш состоит из широкой луговой долины, без ясно выраженных берегов: возвышенности и холмы полей, постепенно понижаясь, незаметно переходят в пойменную долину с луговой растительностью. По этой долине извиливается современное неглубокое ложе реки 4—6 м ширины.

В окрестностях села расположены следующие группы курганов:

1. Группа у южной и юго-восточной окраины села. Насчитано 14 еще заметных насыпей, расположенных вдоль и между гумен. Большинство насыпей изъезжено дорогами, превратившись в овальные выпуклые полосы; крупные насыпи более чем наполовину свезены местным населением на плотины. Здесь раскопаны курганы G 1, G 2, G 3.

2. Курганы у северо-восточной окраины, у ветряных мельниц. Имеются 3 крупные насыпи, диаметр — от 20 до 25 м и около них 4 мелких; все имеют сильно размытые полы. С больших взята в нескольких местах глина. Вершины их сравнительно выпуклы и не имеют следов кладоискательских ям.

3. 2 небольшие насыпи расположены на лугу у северной окраины села, в черте гумен, недалеко от нового здания школы. Небольших размеров, плоские, густо поросли луговыми травами.

4. Около 10 курганов находятся к северо-западу от села, за Карамышом, на береговом холме, частью на целинной степи, частью под пашней. Почти все повреждены карьерами от добычи глины или кладоискательскими ямами, или вообще так или иначе деформированы. Самая крупная, почти острроверхая, насыпь не тронута, имеет примесь камня, диаметр — до 15 м.

5. Высокий курган небольших сравнительно размеров, с кладоискательской ямой позднейшего происхождения, находится к северу от села, верстах в 3 за Карамышом, на высоком береговом холме. К насыпи в изобилии примешан камень—местный известняк.

6. В том же направлении, ближе к селу, недалеко от водяной мельницы, снесен много лет назад одинокий курган, лежавший на грани речной долины. Место можно определить благодаря наличию рва, окаймлявшего насыпь. Диаметр этого кургана — около 15 м. Пространство внутри рва раскопано и названо курганом G 4.

Курган G 1

В южной группе курганов, крайний с северо-востока. Насыпь свезена местным населением на плотины. На ее месте бесформенные ямы и плотно задерновавшиеся бугры, содержащие слои насыпи от 0,3 до 0,5 м мощности. О величине насыпи позволяют судить окружающие ее основания бесформенные углубления, из которых была взята почва для насыпки кургана. Ее поперечник равняется приблизительно 20 м. Место свезенной насыпи исследовано тремя параллельными раскопками, проложенными в меридианальном направлении с промежутками в 0,7 и 1 м. Длина 1-го (восточного) — 15 м, ширина — 4 м; размеры 2-го (среднего) — 15×3,3 м; размеры 3-го (западного) — 14,5×3 м.

Под перемычкой, между 1-м и 2-м раскопом, приблизительно на одинаковом расстоянии от северного и южного краев насыпи, обнаружена главная могила в виде четырехугольной грунтовой ямы, окруженной на некотором расстоянии от краев кольцом густого выкида, лежавшего на древней поверхности. К северу от могилы, ближе к концу среднего раскопа, обнаружено под насыпью углубление приблизительно 4 м длины и 1,5 м ширины, не доходившее, однако, до глинистой подпочвы. Глубина его — 0,2—0,25 м. В западной половине этого углубления лежал тонкий прослойк золы с древесными угольками и комочками жженой почвы. Подстилающий почвенный слой в этом месте был слегка обожжен. Прослойк золы и углей, также как и восточную половину углубления, покрывал грунтовый выкид из основной могилы.

В северном конце раскопа 1-го лежала под выкидом кучка золы меньших размеров. К ней также были примешаны обожженные комочки почвы. В 3-м, западном раскопе обнаружено 3 детских погребения.

Могила 1-ая (основная) Четырехугольная с закругленными углами грунтовая яма 2,35 м в длину, 2,15 м в ширину и 1,45 м в глубину, ориентированная по длине

с СВ на ЮЗ. Вокруг ямы, на древней поверхности, — концы поперечных дубовых плах от перекрытия и светлый перегной от травы или веток с листьями. У восточного угла, рядом с куском дубовой плахи, лежало несколько ребер мелкого животного (барана). В засыпи ямы обнаружены упавшие вниз поперечные дубовые стволы от перекрытия. Остатки имели в поперечнике от 0,2 до 0,45 м. Стенки ямы были облицованы дубовым срубом, остатки которого сохранились на северной продольной и на восточной концевой стенке. Сруб этот доходил до самого верха ямы и состоял из дубовых полустволов, плотно пригнанных один к другому тщательно сглаженными ребрами и скрепленных в углах косыми шипами. Плоскими сторонами бревна были обращены к стенкам, а слабо выгнутыми наружными поверхностями (без коры) — внутрь ямы. Когда-то, повидимому, плотно прилегавшие к глиняным стенкам ямы бревна к моменту вскрытия успели сохнуть, так что между ними и стенкой оказался пустой промежуток шириной в 5—6 см. В северной стенке сруба, у северо-восточного ее конца наблюдается любопытная подробность деревянной конструкции: к бревну, вытесанному из кривого ствола, тщательно пригнана клиновидная заплата из дуба же. Внутренние размеры сруба: длина — 2,1 м, ширина — 1,57 м*.

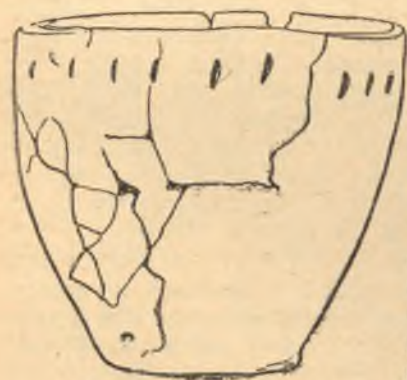

Рис. 43. G 1:1. 1/4.

углу лежал раздавленный глиняный сосуд баночного типа, по плечикам — чеканный орнамент. Высота сосуда 17,5 см, диаметр дна — 13,5 см (рис. 43).

* Рисунок помещен в работе А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого „Родовое общество стелей Восточной Европы“, 1935 г., стр. 132.

Рядом с ним и несколько в стороне, у восточной стенки, найдено по кусочку красной краски.

Совершенный здесь обряд рисуется в следующем виде: где-то в стороне на сильном костре сожжен человеческий труп. Остатки костра перенесены на то место, где предполагалось устроить могилу, и сложены в углублении (как будто естественное). Здесь из золы выбраны все косточки и перенесены в могилу.

Могила 2-я. Глиняный сосуд и незначительные остатки косточек детского скелета под западной половиной насыпи, 0,25 м ниже горизонта. Сосуд баночной формы, высота — 11,5 см, в верхней части по плечикам чеканный орнамент (рис. 44).

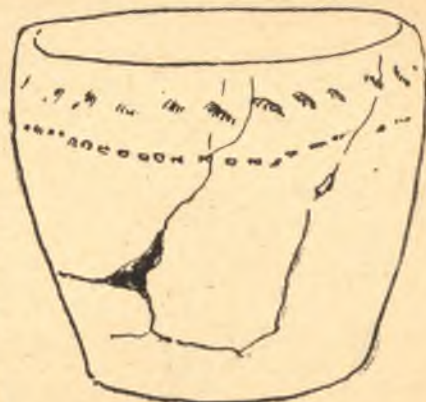

Рис. 44. G 1:2. 1/3.

Могила 3-я. Грунтовая ямка 1,25 м в длину, 0,75 м в ширину и 0,45 м в глубину под перемышкой между II и III раскопами. По длине ориентирована с С на Ю. В уровне древней поверхности в засыпи замечены незначительные следы дерева. На дне и в засыпи рассеяны кости от скелета ребенка 8—12-летнего возраста, построенные сурком. В южном конце ямы собраны разбитые черепки двух глиняных сосудов баночной и двускатной формы. Непосредственно на глинистом дне — пятна бурого перегноя, являющиеся, очевидно, следами сгнившего дерева.

Могила 4-я. Грунтовая ямка под юго-западной полой кургана. Четырехугольной с закругленными углами формы, 1 м в длину, 0,65 м в ширину и 0,48 м в глубину. Ориентировка длинных стенок ССВ — ЮЮЗ. На дне — совершенно истлевший костяк ребенка, положенного на левом боку, с бедрами согнутыми под прямым углом к туловищу, с кистями рук у лица (левая под щекой). Голова на ССВ. В ногах два глиняных сосуда баночной формы. Большой из них упал и получил трещину. Меньший стоял прямо и хорошо сохранился. По краю сосуд орнаментирован резными линиями, образующими треугольники

(рис. 45). Под днищем сохранилось на дне ямы пятно красной краски. В области предплечий найдены разрытые сурком или сусликом кусочки бронзового браслета и вместе с ними кусочек какого-то вещества с присохшими к нему белыми кожурками. Между руками и восточной стенкой могилы лежала конская кость (палец).

Рис. 45. G 1:4. 1/4.

Курган G 2

Расположен рядом с курганом G 1 F с юго-запада. Значительная часть насыпи снята неправильными срезами много лет назад и свезена на устройство плотины. Оставшаяся часть насыпи представляет собой неправильной формы возвы-

шение, более мощное в северной и западной части (до 1,35 м высоты) и скошенное к востоку и югу. Диаметр насыпи — около 26 м. Через северный скат идет досчатая изгородь. Поверхность описанного массива, также как и поверхность предыдущей насыпи, сильно задернована и покрыта чрезвычайно плотной корой. Под этой сухой корой насыпь рыхлая и насыщена влагой.

Курган раскопан параллельными меридиональными раскопами 3 и 4 м ширины, между которыми оставлены неширокие перемычки. Раскопка начата с восточной половины и поведена на запад с перевалом почвы из одного раскопа в другой (см. план кург. G 2, рис. 46).

Насыпь состоит из черноземной (гумусной) почвы, в которую ближе к периферии вкраплены крупные и мелкие камни (местный известняк). В более высокой западной части насыпи можно было в разрезе стенок видеть ее состав: основная толща насыпи, оказывается, была сложена из кусков дерна, вырезанного вместе с частями подпочвы; камни встречаются одинаково и в насыпи и на горизонте, образуя в плане кольцо 20—21 м ширины.

В кургане G 2 обнаружены остатки надземного деревянного сооружения, следы человеческого трупосожжения

и 7 могил, из которых 3 являются впускными сарматскими, одна (6-я) впускной бронзовой эпохи. Остальные три состоят из грунтовых ям и расположены в юго-западной части кургана (4-я, 5-я и 7-я).

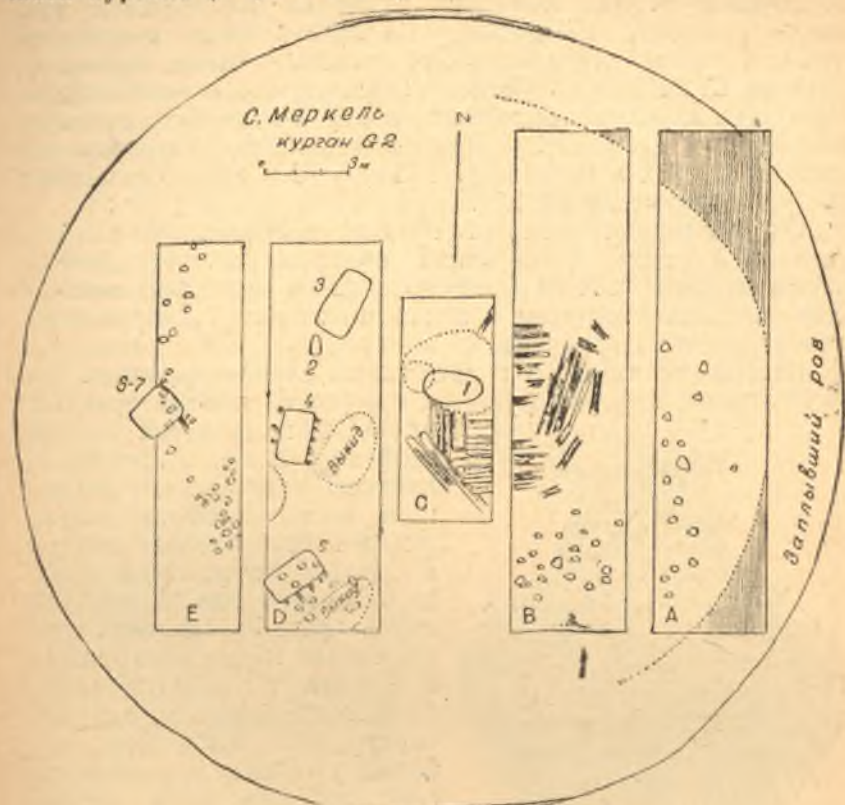

Рис. 46. G 2.

Наблюдения над выкидом 4-й и 5-й могилы, залегавшим одинаковым образом непосредственно на древней поверхности, показывают, что обе эти могилы были устроены до насыпки кургана. Они составляли, следовательно (может быть совместно с могилой 7-й), маленькое кладбище, лишь впоследствии покрытое курганной насыпью.

Обнаруженные под восточной половиной насыпи остатки деревянного сооружения состояли из дубовых стволов, полустволов и горбылей, расположение

которых показано на чертеже. В восточном конце все эти остатки лежали непосредственно на выравненной древней поверхности, причем бревна, лежавшие в восточно-западном направлении, соприкасались с материком только восточными своими концами, западные же лежали несколько выше, в насыпи. Несколько выше горизонта лежали, также меридианально расположенные, бревна в раскопе С, на них покоились западные концы горбылей и лоскутков коры, покрывавшие сверху в восточно-западном направлении стволы. Западные концы двух полустолов, расположенных в раскопе С с СЗ на ЮЗ, были приподняты над горизонтом на 1,2 м.

Следов вертикальных столбов не замечено, зато с восточной стороны сооружения обнаружены заостренные концы дубовых кольев (подпорок) 12 см толщины, входивших на 0,2 м в материк с наклоном к центру сооружения под углом в 45 градусов.

Северо-западный угол древесного слоя потревожен какой-то ямой, которой рушен и гумусный слой материка. В

Рис. 47. 1/4.

плотной, комковатой почве этой ямы, ближе к горизонту, найдены разбросанные в большом числе кусочки обожженных человеческих костей и черепки двускатного сосуда, обычного для бронзовой эпохи типа. У западного края рушенного пятна обнаружено в древней почве углубление до 0,2 м глубины, на дне которого лежал слой золы, дубовых угольков и мелких кусочков обожженных костей. Из этого зольного пятна, содержавшего, по видимому, сожженные остатки человеческого трупа и сосуд, и происходят, вероятно, обломки костей и черепки сосуда, обнаруженные в мешанной почве ямы.

Погребение 1-е в центре кургана. Костяк женщины в насыпи 0,6 м выше горизонта, в овально-удлиненной могильной яме, перекрытой поперек лозой и березовыми бревешками. Яма ориентирована по длине с З

на В, дно посыпано мелом. Рост костяка — около 1,55 м. Положение вытянутое на спине, головой на запад. Череп — на правом боку, лицом на юг. Перед лицом — сосуд, раздавленный почвой. По плечикам — орнамент из параллельных линий, между которыми узор в виде треугольников (рис. 47). Кости туловища и черепа совершенно истлели, обломки их рассеяны в земле, вследствие работы грызунов.

Погребение 2-е, к западу от центра, в раскопе Д. Детский костячок в ладьеобразной колоде, приблизительно 1 м выше горизонта, в насыпи. Колода в нескольких местах прорыта сурком. Длина ее 0,95 м, ширина — 0,27 м, высота — 0,17 м. Северный конец заострен наподобие носа лодки, южный — слегка закруглен и плоско срезан. На костях — остатки продольной дощечки до 1 см толщины, служившей, очевидно, крышкой. Скелет ориентирован головой к югу. Положение вытянутое на спине; череп лежал теменем вверх. Часть костячка расстроена сурком. К погребению относится, по всей вероятности, глиняный сосуд, стоявший в головном конце, но на несколько сантиметров выше колоды.

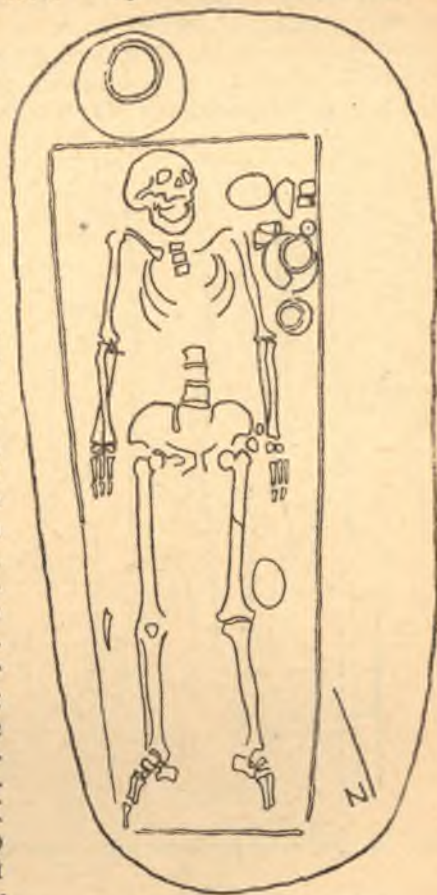

Рис. 48. G 2:3.

Могила 3-я, впускная. Западная половина кургана. Северный конец траншеи Д. Удлиненная с закругленными углами могильная яма, врезанная в материк до глинистой подпочвы. Длина — 2,4 м, ширина в головах (южный конец) — 1,04 м, в ногах — 0,85 м. Расположена по длине с С на Ю с уклоном к СВ — ЮЗ (рис. 48). Могильная яма

уже отметилась в верхних слоях насыпи сырым и рыхлым составом заполнявшей ее почвы. Уже с поверхности попадались разрозненные березовые сучья, лежавшие ближе к горизонту сплошным слоем, будучи вдавлены в промежутки между колесами и осями, заслонявшими гроб. Осей было 4, а колес 3. Оси дубовые. Из дуба сделаны также спицы в колесах, ступицы же и ободы—из мягкой породы и плохой сохранности. От ободов сохранились лишь незначи-

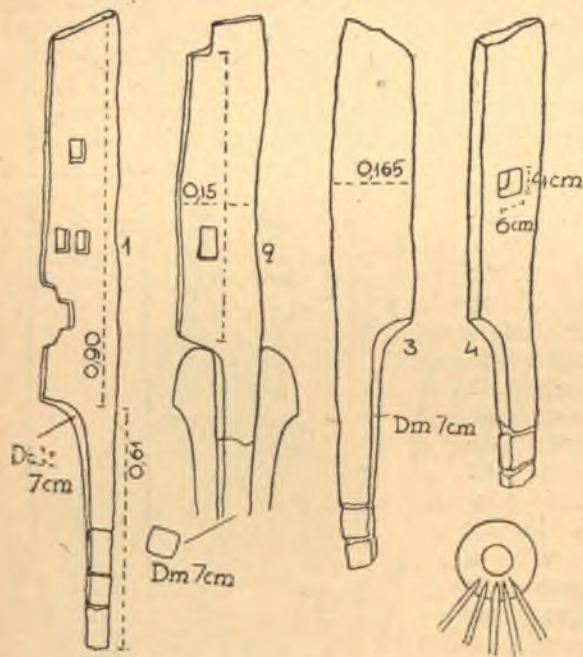

Рис. 49. Формы и размеры осей в могиле. G 2:3.

ительные следы. Оси, повидимому, не были еще в употреблении, так как стержни их сохранились четырехгранными (рис. 49). Все 4 экземпляра до положения их в могилу были приведены в негодность: у каждой отрублен один из стержней. Располагались они в могиле следующим образом: одна прислонена к западной стенке могилы, уцелевшим стержнем вверх; две упирались поврежденным концом в дно

у западной стенки, а в стержни их были вставлены колеса, заслонявшие, таким образом, гроб сверху; четвертая ось лежала горизонтально вдоль ямы, покоясь на колесах; третье колесо, наконец, лежало в северной половине могилы на крышке гроба (рис. 50).

На дне ямы, ближе к восточной стенке, сохранились остатки деревянного гроба, в котором лежал скелет женщины в вытянутом положении на спине, головой к ЮЗ. Между головным концом гроба и южной стенкой могилы стоял треснувший глиняный сосуд шаровидной формы, вы-

сотой 27 см. Рост костяка—1,53 м. Рядом с левым плечом, в гробу, два небольших глиняных сосудика с округлым дном, грубой ручной работы, без орнамента. В юго-западном углу гроба, рядом с глиняным сосудиком, лежал в кучке: круглое алебастровое пряслице, обломок бронзового зеркала, четыре деревянных чурки и кучка желтого порошкообразного вещества. Между левой рукой и тазом—кусок мела и кусочек желтоватого вещества. Рядом с правым коленом—клинок железного ножа. У левого бедра—2-я кучка желтого порошкообразного вещества. Гроб имел форму прямоугольного ящика. Длина гроба—1,82 м, ширина в головах 0,6 м, ширина в ногах—0,5 м; высоту удалось установить до 0,18 м. Толщина боковых дощечек—0,8 см, порода—липа. Толщина крышки—0,5 см. Толщина концевой головной дощечки 1 см, порода—липа. Мест скреплений заметить не удалось. От дна найдены незначительные следы поперечных дощечек и на них остатки продольных, очень тонких.

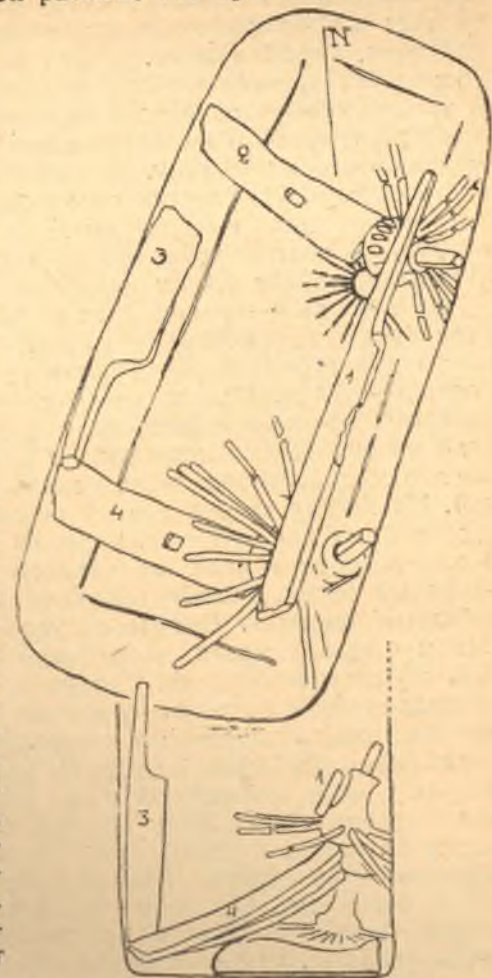

Рис. 50. Расположение колес и осей в могиле. G 2:3.

Могила 4-я, основная. Западная половина насыпи в середине раскопа D. Прямоугольная с закругленными углами грунтовая яма 1,95 м в длину, 1,35 м в ширину и

1,4 м в глубину, ориентированная по длине с С на Ю. У краев ямы, вдоль длинных боков ее, сохранились на древней поверхности концы пяти дубовых полустволов, положенных в виде перекрытия поперек ямы, плоской стороной вниз, корой вверх. К югу и востоку от ямы расположены на древней поверхности кучи грунтового выкида. В засыпи обнаружены остатки пяти поперечных полустволов от упавшего в яму перекрытия. Наибольший измеренный диаметр их—0,35 м. В засыпи же найдена локтевая кость барана. На стенках ямы найдены следы трех орудий, которыми была вырыта яма: 1) конически заостренное острие, 2) слегка вогнутое желобчатое 5 см ширины и 3) прямое лезвие 4,4 см ширины.

На дне ямы—сильно истлевший костяк мужчины в скорченном положении на левом боку, головой на СВ. Кисти рук перед лицом. Туловище согнуто вперед*. Рост костяка—1,77 м. Над погребением следы продольных деревянных брусков и, непосредственно на костях, толстый слой органического перегноя от травы. Дно могилы посыпано мелом, поверх мела редкая посыпка красной краской. На костях следов краски не замечено, но на малом сосуде были следы посылки сверху и следы краски на дне. В юго-восточном углу могильного дна стоял уцелевший глиняный сосуд, орнаментированный по плечикам мелкозубчатым чеканом. Высота сосуда—16 см (табл. V, рис. 1). Рядом с ним, у колен погребенного, две костяные круглые, втульчатые стрелки. Севернее, в области колен же,—цилиндрическая костяная трубочка. На ребрах костяка лежал костяной заостренный стерженек с двумя щечками—заднее концевое яблочко стрелы (рис. 51). Расстояние от острых концов наконечников до конца яблочка—67 см—длина стрелы. На концах кистей рук найден костяной, слегка вогнутый с одной стороны и снабженный двумя шишечками на другой—предмет (предохранитель от тетивы). В северном углу ямы—медный нож длиной 11 см, ширина лезвия в средней части 1,5 см (рис. 52). Перед лицом—второй, меньший сосуд баночной формы, орнаментированный параллельными линиями, образующими треугольники. Высота горшка—13,5 см (рис. 53).

Могилы 5-я, основная. Западная половина насыпи. В южном конце раскопа Д. Прямоугольная с закругленными

* Рисунок погребения помещен в работе А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, указ. работа, стр. 62.

углами грунтовая яма 2 м в длину, 1,05 м ширину и 1,37 м в глубину, ориентированная длинными стенками с СВ на ЮЗ. Вдоль юго-восточной длинной стенки ямы сохранились на древней поверхности концы семи дубовых полустволов, положенных поперек ямы корой вверх. По сторонам ямы, в особенности к юго-востоку от нее, залежали на горизонте кучи грунтового выкида, покрытые поблизости ямы белесоватым с бу-

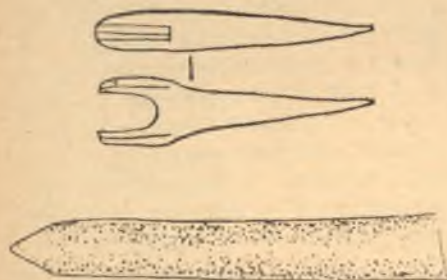
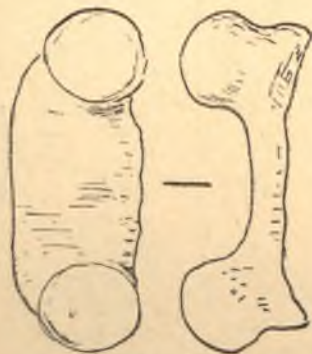

Рис. 51. G 2:4. 1/1.

Рис. 52. G 2:4 и.

Рис. 53. G 2:4. 1/4.

рыми прожилками перегноем от древесной коры, покрывавшей накат ямы сверху. Слой этот прослежен также в засыпи, где он проходил над остатками упавших в яму дубовых плах наката. По мере углубления в материк, яма

слегка суживалась, так что ее ширина по дну составляла всего 0,88 м. На дне ямы лежали в вытянутой кучке мелкие обломки обожженных человеческих костей. Эту кучку костей обволакивал со всех сторон бурый перегной от коры-

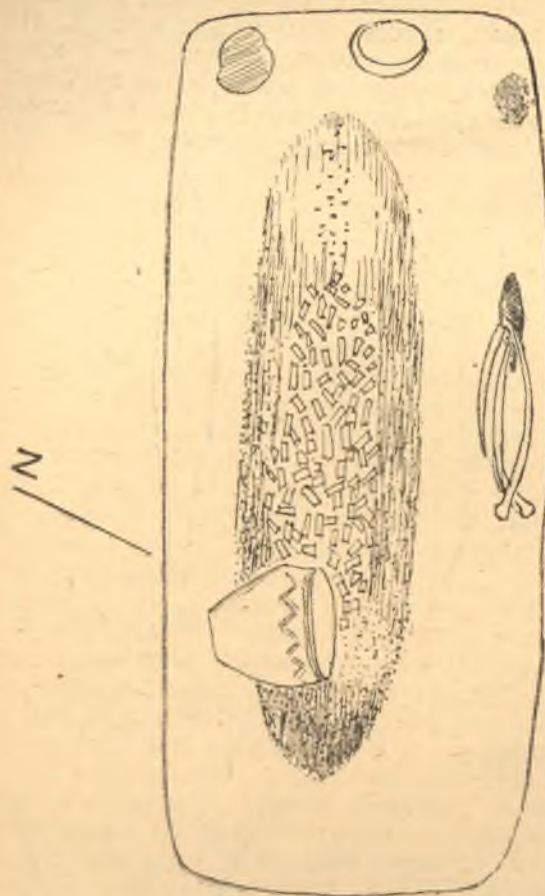

Рис. 54. G 2:5.

тообразного деревянного предмета, в котором, очевидно, кости были поставлены в могилу (рис. 54). У восточного конца кучки костей были рассеяны, среди бурого перегной—стеклянные бисеринки. Ни следов золы, ни углей, ни других каких-либо следов костра среди осколков костей не замечено. На дне ямы установлено сложное чередование слоев. Непосредственно на глине лежал меловой порошок, над мелом шел органический перегной, имевший местами цвет золотистой охры (хвощ), местами бурый и местами пепельный тон с заметными травянистыми волокнами.

ми. Над перегноем — слой красной краски неодинаковой густоты, гуще всего ближе к концам могилы. Непосредственно на обожженных костях следов краски не замечено, но на буром перегное, покрывавшем кости, сверху также найдена краска. В могиле было два глиняных сосуда.

Один—небольших размеров, баночной формы, по плечу выступающий валик, по краю мелкозубчатой чеканки (табл. V, рис. 3)—стоял в северо-восточном конце ямы, другой, крупной величины (до 24 см высоты), баночной формы, по плечикам орнамент мелкозубчатый чеканом (табл. V, рис. 2),—стоявший у северной стенки, ближе к ЮЗ концу ямы, упал на кучку костей. Оба раздавлены почвой. Первый стоял на краске. У южной стенки могильной ямы лежал под двумя конскими ребрами бронзовый нож со следами деревянной рукоятки (рис. 55). На верхней стороне клинка замечена красная краска. Длина ножа—18,5 см, ширина лезвия—4 см. Рядом с ребрами лежала еще длинная, шиловидная хрящевая кость (конская).

Могилы 6-я и 7-я, западная пола кургана. В западной стенке раскопа Е обрисовалось в насыпи пятно рыхлой почвы, содержащей кусочки дерева и разрозненные человеческие кости. В насыпи, на глубине 0,55 м выше горизонта, обнаружен дубовый ствол 0,18 м

Могилы 4-я и 5-я, восточная пола кургана. В восточной стенке раскопа Е обрисовалось в насыпи пятно рыхлой почвы, содержащей кусочки дерева и разрозненные человеческие кости. В насыпи, на глубине 0,55 м выше горизонта, обнаружен дубовый ствол 0,18 м

Могилы 6-я и 7-я, западная пола кургана. В западной стенке раскопа Е обрисовалось в насыпи пятно рыхлой почвы, содержащей кусочки дерева и разрозненные человеческие кости. В насыпи, на глубине 0,55 м выше горизонта, обнаружен дубовый ствол 0,18 м

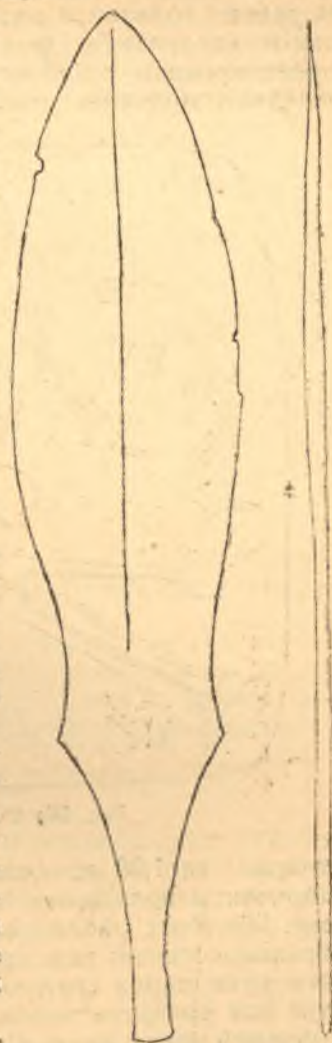

Рис. 55. G 2:5. 3/4

толщины от наката могильной ямы, направленный с СЗ на ЮВ. Сердцевина сгнила, сохранилась одна полая кора. В уровне горизонта пятно могилы имело четырехугольную, почти квадратную форму при 1,42 м ширины. Стенки ориентированы с ЮЗ на СВ и с СЗ на ЮВ. В северо-западной половине ямы обнаружены в засыпи непо потревоженные остатки поперечных дубовых плах и слой переплетенной от древесной коры и травянистых стеблей, опускавшийся от краев ямы.

Рис. 56. G 2:6.

материк на 1,08 м, лежали скелеты двух подростков в скорченном положении на левом боку, головами на СВ (рис. 56). Рост обоих—1,45 м. У обоих бедра одинаковым образом согнуты под прямым углом к туловищу, у западного руки перед грудью, у восточного костяка правая рука при согнутом локте вытянута вперед, а кисть левой у нижней части лица. При скелетах—два сосуда баночной формы, один в северном углу могилы—высота 18 см, диаметр горла 14 см, дно 12 см, другой—у рук восточного скелета, таких же размеров, орнаментирован по плечикам вертикальными полосами (рис. 57). Дно этой могилы посыпано мелом.

При дальнейшей очистке ямы оказалось, что она образовалась из двух разновременных могил одинакового размера (1,42×1,2 м), ориентированных одинаково с СВ на ЮЗ. В верхней

позднейшей могиле (6-й), углубленной в

7-я могила, дно которой расположено под скелетами подростков, на глубине 1,23 м под горизонтом, сохранила лишь несколько костей крупного человеческого костяка, расстроенного, очевидно, при устройстве погребения 6-го. In situ сохранились лишь кости ступней ног, положение которых позволяет заключить, что скелет лежал в скорченном положении на правом боку, головой на СВ. От прочих костей найдены лишь: лучевая, ключица, обломок крестца, ребра, позвонки. Среди них обломки дубовых плах. В южном углу лежал костяной кружок с отверстием. Выше, в насыпи, найдена подвздошная и мелкие кости.

Рис. 57. G 2:6. 1/4.

Кроме перечисленных погребений в насыпи кургана G 2 сделаны следующие находки:

1) В середине раскопа А найдены на горизонте обломки человеческого черепа, лежавшие вместе.

2) В середине раскопа Е ближе к восточной стенке, найдены в насыпи и на горизонте черепки сарматского грубого сосуда.

3) В том же раскопе, ближе к северному концу, обнаружены вблизи западной стенки, приблизительно 35 см выше горизонта, ивовые (и осиновые) ветки и бруски, лежавшие в небольшом числе в меридианальном направлении.

Курган G 3

Группа курганов у юго-западной окраины села. Расположен на целинной степи, у дороги, метров 150 к западу от современного сельского кладбища. Насыпь с юго-востока и северо-запада изрезана дорогой. Сохранившаяся часть насыпи имеет овальную форму. Высота насыпи—0,45 м.

Курган исследован раскопом 10 м в длину и 4 м в ширину, проложенным с З на В через центр насыпи. Под восточной половиной раскопа обнаружена могильная яма, имевшая с древней поверхности овальную закругленную форму при 2 м длины и 1,4 м ширины. На глубине 1,14 м ниже горизонта яма сузилась с боков, приняв форму обычной узкой сарматской могилы 2 м в длину

и 0,45 м в ширину, ориентированной по меридиану. Овальное расширение в верхней части ямы оказалось грабительской ямой. Глубина могилы—2,09 м.

На дне—кости мужского скелета, сваленные в кучу в южном конце могилы. Между ними—мелкие обломки глиняного сарматского сосуда грубой техники, бронзовое кольцо от нагайки с остатками деревянной ручки и ремня, кусок кремня и два куска желтого вещества (серы?). Кости ступней ног лежали все без исключения в северном конце могилы, а кости кистей рук—в середине. По дну много обломков дерева, среди них куски тонких липовых дощечек, повидимому, от гроба. Найден также обломок железного ножа и тонкий железный стержень. Возраст погребенного молодой. В верхних слоях засыпи найдена берцовая кость барана и округленный камешек.

Курган G 4

На левом берегу речки Карамыш, 2 км к северу от ветряных мельниц села Макаровка, на скате берега, у самой грани пойменной долины расположен курган G 4. Насыпь свезена местными крестьянами на плотину лет тридцать назад. Место неровное, поросшее луговыми травами. Мощность сохранившегося слоя насыпи от 0 до 20 см. Область снятой насыпи исследована четырьмя параллельными раскопками 10 м длины, проложенными с З на В. Под южной полой обнаружена глубокая бесформенная яма, затекшая комковатой почвой с золой, жженой почвой, деревянными углями, жжеными костями, обломками современных кирпичей, черепками современной и сарматской посуды, кусками стекла, костями овцы и коровы. Яма эта, представляющая собой, по всей видимости, заваленную землянку позднейшего происхождения, до конца не исследована.

В кургане G 4 обнаружены остатки шести погребений.

Погребение 1-е. Череп ребенка и баночный сосуд (в обломках) в восточном конце раскопа на материковой подпочве.

Погребение 2-е. Глиняный сосуд на материковой подпочве в западном конце раскопа. Сосуд баночной формы, с отогнутым краем, без орнамента, высота—до 15 см.

Погребение 3-е основное. Прямоугольная с закругленными углами яма в центре кургана. Ширина с С на Ю 1,5 м, ширина с В на З 1,45 м, глубина—0,65.

На горизонте у краев ямы—незначительные остатки дубовых плах от перекрытия в направлении В—З.

На дне ямы—два скорченных костяка рядом на левом боку, с кистями рук у лица, головами на СВС (рис. 58). Кости совершенно распались. В северо-западном и юго-восточном углах—по глиняному сосуду простой баночной формы. Сосуд в юго-восточном углу на боку, совершенно

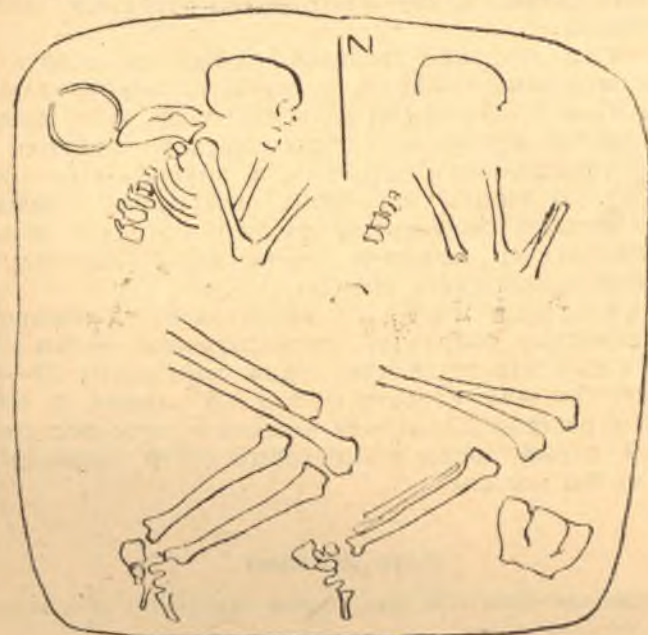

Рис. 58. G 4:3.

раздавленный. На дне ямы незначительные следы бурой краски. Краска обозначалась особенно явно под стоящим сосудом и у южной стенки могилы. В засыпи замечены незначительные остатки дубовых плах, лежавших в восточно-западном направлении.

Погребение 4-е, 5-е, и 6-е*. Обнаружены в одном пятне мешанной почвы, обрисовавшемся в западной половине 3-го раскопа в уровне горизонта. Пятно состояло из рыхлой черной почвы, содержащей в небольшом количе-

* Погребение 4-е опубликовано Р. Рау. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet, Pokrowsk. 1929, стр. 71.

стве угольки, комочки жженой почвы и множество обломков березовых бревешков. В этой почве найдены выше горизонта человеческие позвонки, половинка человеческой нижней челюсти и округлый тяжелый (пращевой) камень. При дальнейшей расчистке пятна обнаружены на разной глубине остатки трех погребений в удлиненных, вытянутых с В на З грунтовых ямах, засыпь которых была, повидимому, многократно перерыта лисицами или сурками.

Могила 6-я представляла собой узкую грунтовую яму 2,10 м в длину и 0,9 м в глубину, ориентированную точно с В на З. В засыпи и на дне этой ямы лежали в разных местах кости двух человеческих скелетов, один хорошей сохранности (погр. 6-е), а другой очень ветхий (погр. 4-е). В засыпи же были разбросаны 4 пращевых камня и черепки орнаментированного сосуда с лощеной поверхностью из хорошей серой глины (найден только незначительная часть сосуда).

5-я детская могила состояла из удлиненной ямки неправильных очертаний, расположенной рядом с могилой 6-й с юга. Их разделяла узкая перемычка 10—15 см в ширину. Дно—на глубине 0,65 м. В засыпи и на дне найдены в расстроеном виде косточки детского скелета, глиняный серый сосуд и некоторые кости взрослого человека из 6-й могилы.

Село Усатово

(Продолжение работ 1928 года. Группа курганов у хут. Лебзак)

Доследование кургана F 11. При раскопках 1928 г. могильная яма в кургане F 11, явно разграбленная, не была расчищена до дна из-за плотности заполнявшей ее почвы.

Диаметр кургана 12—13 м, высота—0,45.

Очистка грунтовой ямы доведена до дна, причем обнаружилось, что широкая и округлая с поверхности яма, по мере углубления в материк, постепенно суживалась неправильными ступеньками, принимая ко дну вид удлиненной, вытянутой с севера на юг могилы. На дне, перекопанном грабителями, ничего не обнаружено. В засыпи найдены в разных горизонтах обломки бронзовых пластинок прямоугольной формы с пробитыми в них дырочками (чешуйки от панцыря).

Курганный могильник на сырте, 1,5 км к востоку от хутора Лебзак. В этом могильнике в 1928 г. раскопан один лишь курган F 19. Диаметр насыпи кургана D 5 — около 27 м. Высота—в центре около 1,4 м.

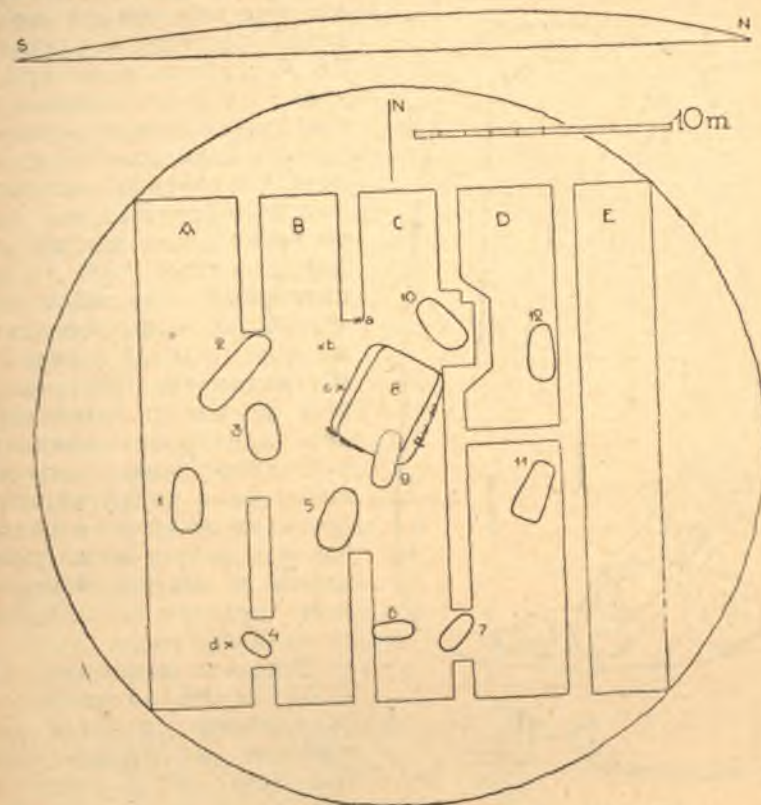

Рис. 59. План кургана G 5.

С севера и с юга насыпь окружена неглубокими впадинами. Исследована квадратная площадь 20×20 м (квадрат, вписанный в окружность кургана) 5-ю параллельными, меридианально ориентированными раскопами, между которыми оставлены промежутки 0,85 м ширины (рис. 59). Последовательность раскопок траншей: А, В, С, D, Е. Под исследованной площадью обнаружено 12 несомненных могил,

из которых одна (8-я), расположенная под центром, является основной, все остальные были устрены в виде впускных могил в готовый курган, что хорошо можно было проследить по пятнистой засыпи, проходившей над некоторыми из них через всю насыпь до самой ее поверхности.

Могила 1-я. Ориентированная с С на Ю удлиненная яма под южной половиной раскопа А. Длина—2,5 м, ширина в северном конце 0,95 м, ширина в южном, головном конце—1,18 м. Глубина—0,9 м. По мере углубления в материк яма расширялась, так что ее наибольшая ширина по дну равнялась 1,58 м. Засыпь этой ямы обозначалась 0,6 м выше горизонта в виде рыхлой почвы с частицами светлой грунтовой почвы и кусочками дерева. В уровне горизонта в северном конце ямы лежала, одна на другой, пара бараньих лопаток и рядом баранье ребро. Ниже горизонта, в засыпи, установлены остатки продольных веток и брусков.

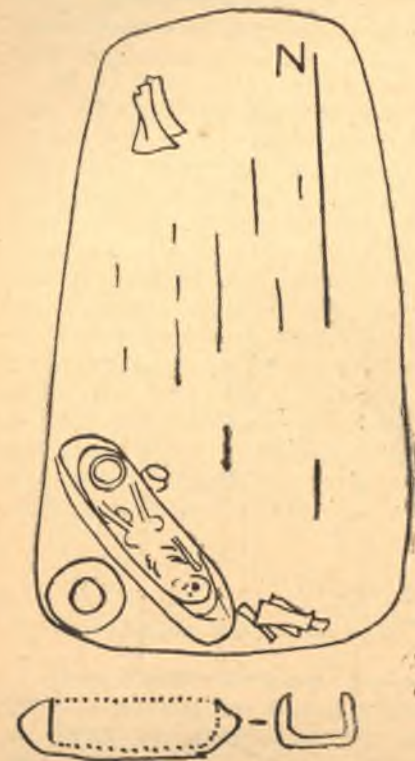

Рис. 60. G 5:1.

В южном конце ямы, 0,5—0,6 м под горизонтом находилось детское погребение в дубовой колоде (рис. 60). Колода состояла из куса дубового ствола, выдолбленного с одной стороны и заостренного у концов. Длина—0,82 м, диаметр 0,24 м. Колода эта, поставленная в направлении с СЗ на ЮВ, накренилась углублением в сторону центра ямы так, что закрывавшая ее тонкая дощечка соскользнула и лежала глубже. В западном углу могилы, рядом с колодой, стоял большой узкогорлый глиняный сосуд. У юго-восточного конца колоды лежала пара бараньих лопаток и кость бараньей ноги. Костячок лежал на спине

с широко разваленными ногами, головой на ЮВ. На ногах—глиняный сосудик—курильница на подножке. Диаметр ее по верхнему краю—11,6 см, высота—6,3 см (табл. IV, рис. 1). Здесь же большой деревянный чурок, второй чурок выпал из колоды и лежал рядом с ней. Рядом с левым плечом скелетика лежал бронзовый полый цилиндр с одним расширенным концом (табл. VI, рис. 4, фиг. 3).

На дне ямы, среди остатков деревянных гробов, состоявших из продольных досок, в пазы которых вставлены поперечные дощечки (рис. 61), лежали рядом два женских костяка, оба в вытянутом положении, головой на юг (рис. 62). Западный скелет принадлежал взрослой женщине 1,56 м роста. Левая рука вытянута вдоль бока, правая покоилась кистью на бедре. Под левой лопаткой неполное бронзовое зеркало с прямым ободком, диаметр—12,5 см. В области плеча—два куса мела и два маленьких камешка. В области шеи—стеклянный бисер и бронзовая спиральная сережка. В головах стоял грубой ручной лепки глиняный сосуд без орнамента с округлыми боками и дном. Высота сосуда до 35 см. Между гробом и западной стенкой ямы лежала кучка бараньих костей: лопатка, 2 плеча с лучевыми и несколько ребер. Под костями установлены следы истлевшего деревянного корытца, долбленного из полуствола, около 85 см длины.

В восточной половине лежал скелет девочки-подростка 1,4 м длины. Обе руки вытянуты вдоль боков, правая слегка согнута в локтевом сочленении. Череп лежал на боку, лицом влево. В области шеи—стеклянный бисер и простая спиральная височная подвеска из

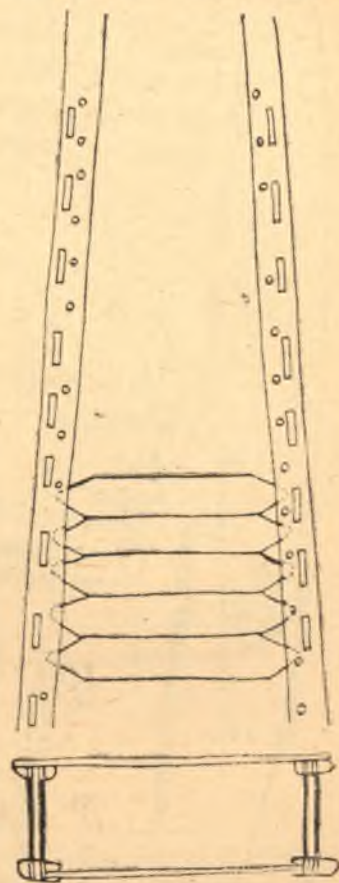

Рис. 61. Реконструкция гроба.

с широко разваленными ногами, головой на ЮВ. На ногах—глиняный сосудик—курильница на подножке. Диаметр ее по верхнему краю—11,6 см, высота—6,3 см (табл. IV, рис. 1). Здесь же большой деревянный чурок, второй чурок выпал из колоды и лежал рядом с ней. Рядом с левым плечом скелетика лежал бронзовый полый цилиндр с одним расширенным концом (табл. VI, рис. 4, фиг. 3).

Рис. 62. G 5:1.

тонкой золотой проволоки (типа рис. 31, справа); на предплечьях, ближе к кистям рук, — бусы из стекла и гешира. Рядом с правым коленом лежало глиняное двускатное пряслице, в отверстии которого сохранилась деревянная палочка (веретено). Ступни ног упирались в бок глиняного сосуда, имевшего узкое горло, сильно округлые бока и дно. Сосуд сделан отруки; по плечикам — орнамент в виде двух параллельных линий вокруг сосуда, а между ними зигзагообразная линия.

Могила 2-я. Узкая с закругленными концами грунтовая яма 3,10 м в длину, 0,88 м в ширину и 0,7 м в глубину в северной половине раскопа А, ориентированная по длине с СВ на ЮЗ. Над юго-западным концом ямы в насыпи, 0,45 м выше горизонта, — лопатка крупного животного (коня). 0,15 м выше горизонта через хорошо различимую пятнистую засыпь этой ямы проходил сплошной слой пепла и угольков 2—3 мм толщины. Ниже горизонта установлены остатки продольных брусков легкой породы от перекрытия. У западной стенки ямы, ближе к северо-восточному концу, лежала в засыпи 0,15 м ниже горизонта ступица с незначительными остатками спиц.

Могильная яма книзу несколько расширилась. На стенках ее измерены хорошо заметные следы орудия с прямым лезвием и закругленными углами 1,5 см ширины.

На дне ямы лежал среди остатков гроба костяк молодого мужчины в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗ. Череп покоился на правом плече, кисть правой руки на бедре (рис. 63). Рост — 1,73 м. Кости плохой сохранности. Вдоль правого бедра лежал совершенно расслоившийся железный кинжал 0,5 м длины, обоюдоострый, с брусовидным перекрестьем и

Рис. 63. G 5:2.

серповидным навершием. Под кистью правой руки лежал небольшой плоский камешек и кусок желтого вещества (сера?). В той же области, вне гроба, лежала кучка бараньих костей: берцовая, две лучевые, локтевая, лопатка и несколько ребер. Под костями — остатки истлевшего деревянного корытца или блюда. Под кистью левой руки лежал небольшой просверленный у одного конца точильный брусок. Между голенями ног замечена обычная в раннесарматских могилах кучка желтоватого порошка.

Гроб имел обыкновенную форму прямоугольного ящика, скрепленного из тонких дощечек мягкой породы (липы). Высота — 0,4 м, ширина в головном конце 0,65 м. Длина не измерена, так как от нижнего конца ничего не сохранилось. Северо-западная длинная стенка состояла из сплошной доски 1,5 см толщины, стоявшей долью на ребре, противоположная же ей длинная стенка была составлена из двух недостаточно длинных досок, концы которых в середине заходили один за другой. В головах замечена поперечная дощечка, также стоявшая долью на ребре, но от скреплений в углах ничего не осталось. От дна сохранились тонкие поперечные дощечки 4 мм в толщину и 5—6 см в ширину, между которыми были широкие промежутки. На этих дощечках замечен сплошной слой черного тлена. Следов скрепления их с боковыми стенками не обнаружено. Около внутренних поверхностей длинных боковых стенок замечены остатки вертикальных цилиндрических шипов, функцию которых в конструкции гроба однако выяснить не удалось.

Могила 3-я. Удлиненная с закругленными концами грунтовая яма 2,15 м в длину, 0,96 м в ширину и 1,15 м в глубину. Расположена к югу от могилы 2-ой, под перемычкой между раскопками А и В. По длине ориентирована с С на Ю. Крыта лозой и ивовыми брусками. 0,4 м ниже горизонта западная стенка образовала горизонтальную ступень 0,2 м ширины. На дне ямы, среди остатков деревянного гроба, лежал костяк женщины старческого возраста, на спине, головой на юг. Рост 1,47 м. Около ушных отверстий найдено по бронзовому спиральному колечку, обложенному листовым золотом. Около шеи и в области кистей рук — бусы. У левого плеча глиняное пряслице цилиндрической формы. В юго-восточном углу гроба — три куса мела. В головах, вне гроба, глиняный сосуд с плоским широким дном, по венчику — орнамент в виде защипа. Высота горшка — 24 см, диаметр дна 12,5 см

(рис. 64). Рядом с горшком с одной стороны — кучка желтого порошкообразного вещества, а с другой — отрезок спинного хребта барана, возле которого замечены кусочки бересты. Между юго-восточным углом гроба и восточной стенкой стоял шаровидный глиняный сосуд ручной лепки с отогнутым краем, высотой 18 см, дно — 11 см

(рис. 65). К северу от него лежала кучка бараньих костей: две лопатки, две лучевые с локтевыми, позвонки и кучка ребер; под ни-

Рис. 64. G 5:3. 1/4.

Рис. 65. G 5:3. 1/4.

ми следы истлевшего деревянного корытца. Между западной стенкой гроба и стенкой могильной ямы, ближе к северному концу последней, лежал отрезок спинного хребта барана. Под ступней правой ноги лежал камешек (песчаник). Гроб имел форму прямоугольного ящика и состоял из цельных дощечек, поставленных на ребро и не скрепленных ничем. Длина гроба — 1,63 м. Ширина в головах 0,56 м, ширина в ногах — 0,4 м. Высота боковых дощечек — 0,22 м. Боковые дощечки 1 см толщины. От крышки сохранились остатки продольных дощечек 5 мм толщины. В верхних слоях (от крышки) найдены также отдельные куски дерева с прямоугольными отверстиями для шипов и куски цилиндрических шипов. От дна гроба сохранились поперечные дощечки 5—6 см ширины и 3—5 мм толщины, входившие шипами в боковые доски 1 см выше нижней грани последних. Пустые промежутки между поперечными дощечками дна измерены в 13,12 и 9,5 см. Над южным

концом могилы 3-й найдено в насыпи, 1 м выше горизонта, костяное орнаментированное навершие гребня (рис. 66). С боковых сторон орнамент в виде кружков, по четыре с каждой стороны. Верхний край имеет волнистый резной орнамент. В середине верхней части — небольшое круглое отверстие. Длина гребня — 7,5 см, высота — 2 см.

Рис. 66. G 5:3. 1/1.

СЗ. Кости расстроены сурком. В ногах опрокинутый горшочек высотой 13,6 см. В почве, около костей, следы истлевшего дерева.

Могила 5-я, под серединой насыпи, несколько южнее центра.

Подбойная могила с удлиненной входной ямой 2,32 м в длину, 1,27 м в ширину и 2,4 м в глубину ниже горизонта, ориентированная с С на Ю. Засыпь — желтая подпочвенная глина, заполнявшая входную яму без 20 см до самого верха кургана. Вся засыпь изрыта бесчисленными норками сурков, затекшими черной комковатой почвой. В засыпи найдены обломки дерева и лозы, человеческое плечо, две бараньи лопатки и берцовая кость, и костяной четырехгранный, полый внутри игольник, длиной 12,7 см. Кости и предмет вынесены, вероятнее всего, сурками из погребальной камеры.

1,42 м ниже горизонта западная длинная стенка входной ямы образовала горизонтальную лежанку 0,62 ширины. Дно ямы составляло плоскость, слегка покатую к подбою, устроенному в восточной стенке так, что дно подбоя находилось на 20 см ниже высшей точки дна ямы. Подбой углублен в стенку на 1,96 м; высота его — около 1,5 м, длина (С-Ю) — 2,6 м (рис. 67).

Устье подбоя было закрыто кучей лозы в продольном направлении, лежавшей на брусках легкой породы, поставленных с промежутками наискось от дна к восточной стенке, в которую они упирались верхними концами.

В глубине подбоя, вдоль задней стенки его, лежал среди обломков деревянного гроба вытянутый женский костяк, расположенный к югу. Со стороны входа часть костяка прикрывала передняя боковая доска гроба, над которой, в свою очередь, залегал густой слой лозы от

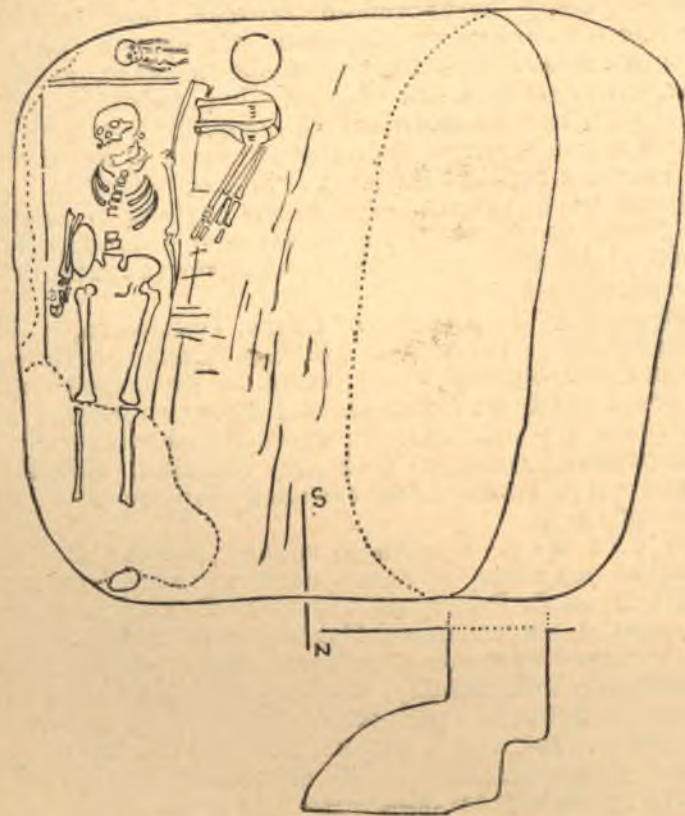

Рис. 67. G 5:5.

заслона устья подбоя. С южной стороны, перед гробом, обнаружены под слоем лозы остатки опрокинутого дном вверх глубокого деревянного сосуда сферо-конической формы, донная часть которого совершенно уничтожена ходом сурка. От тонких боковых стенок взят лишь незначительного размера образец. Рядом с сосудом лежали плохо сохранившиеся остатки березовой ступицы и дубо-

вых спиц от колеса. Костяк был в нескольких местах потревожен сурками: сдвинуты со своих мест правая большая берцовая, левая малоберцовая и правое плечо. Последнее лежало в засыпи 0,25 м ниже горизонта, а первые—0,9 м выше горизонта. Рост костяка—1,6 м. Возраст юный. В области шеи и около кистей рук стеклянные бусы, около ушных отверстий—бронзовые, обложенные золотым листом спиральные сережки. На правой подвздошной кости лежало большое бронзовое зеркало, диаметр—15,5 см, по краю высокий ободок. Под зеркалом, на дне гроба, следы грубой полотняной ткани. К диску зеркала пристали куски футляра из бараньей шкуры, волосами наружу. Рядом с зеркалом лежала створка раковины. У кисти правой руки найден деревянный чурок. В ногах, у самой стенке камеры,—кучка желтоватого порошкообразного вещества. В головах, вне гроба, лежал скелетик человеческого плода.

Гроб состоял из длинного ящика, суженного в ногах и расширенного в головах (73 см). Бока состояли из сплошных продольных досок какой-то трухлявой породы, совершенно ссохлись и распались. Головная концевая доска сверху арочно закруглена. От крышки сохранились остатки поперечных дощечек 2—3 мм толщины. Боковые и концевые части гроба были снаружи окрашены в яркий малиновый цвет.

Могила 6-я, в южном конце траншеи С. Скелет ребенка на подпочве, в удлиненной могилке, ориентированной с 3 на В. Расстроен сурками. Под костями остатки дощечек 2 мм толщины. Над костями замечена обструганная с одной стороны и согнутая под углом ветка лозы, составлявшая, повидимому, часть гроба. Судя по положению черепа, ребенок был ориентирован головой к западу. В головах лежали кости барана: две лопатки, кости одной передней и одной задней ноги, несколько ребер. Могила была крыта сверху ветками лозы (до 2 см толщины) поперек над лозой залегала стеблями вдоль трава или куга.

Могила 7-я, в южном конце траншеи С. Подбойная могила с удлиненной входной ямой 1,15 м в длину, 0,57 м в ширину и 0,95 м в глубину, ориентированной по длине с СВ на ЮЗ. Подбой устроен в северо-западной длинной стенке. Длина его—1,17 м, высота—0,47 м, глубина—0,45 м. Дно его лежит ниже дна входной ямы на 0,2 м (рис. 68).

На дне подбоя лежал среди остатков деревянного гроба скелет ребенка лет двух. Рост его—0,69 м. Положение

вытянутое, голова на ЮЗ. Под нижней челюстью—две бусинки; рядом с левым плечом—деревянный чурок, рядом с черепом вправо—кусочек мела. В ногах, в гробу, стояла деревянная миска с бараньими костями. Под миской обнаружена кучка желтого порошка. Гроб состоял из четырех дощечек 11 см в ширину и 1—1,5 см в толщину, стоявших долью на ребрах, концевые одним шипом входили в пазы продольных. Крышку и дно (или, по крайней мере, остова их) составляли оструганные лозовые ветки, входившие концами в пазы продольных и концевых дощечек. Над лозовыми ветками замечены следы камыша. Длина гроба—0,86 м, ширина—0,49 м.

Могила 8-я, основная (под центром насыпи, рис. 69). Прямоугольная яма с отвесными стенками 3,7 м в длину, 2,2 м в ширину и 2 м в глубину, ориентированная по длине с СВС на ЮЗЮ. Края ямы скошены в виде покатой ступени 0,2 —

0,25 м ширины. На этой покатости установлены следы березовых брусьев, закрывавших яму поперек, а также следы камыша. Вокруг ямы, на древнем уровне почвы, был нагроможден в виде веерообразных куч до 0,8 м мощности весь выкид из этой ямы. У западного края ямы найден на поверхности этого выкида конский череп и рядом с ним черепок большого глиняного сосуда, с широкими бороздками на наружной поверхности. Над ямой, в насыпи, найдена птичья кость. В засыпи, в середине ямы, 0,2 м ниже горизонта, лежал скелет барашка, на левом боку, головой на СВС. На ногах не доставало только копытцев. В север-

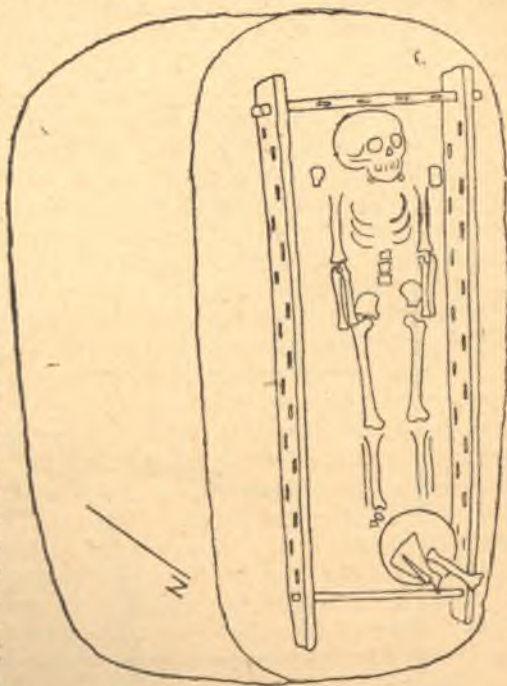

Рис. 68. G 5:7.

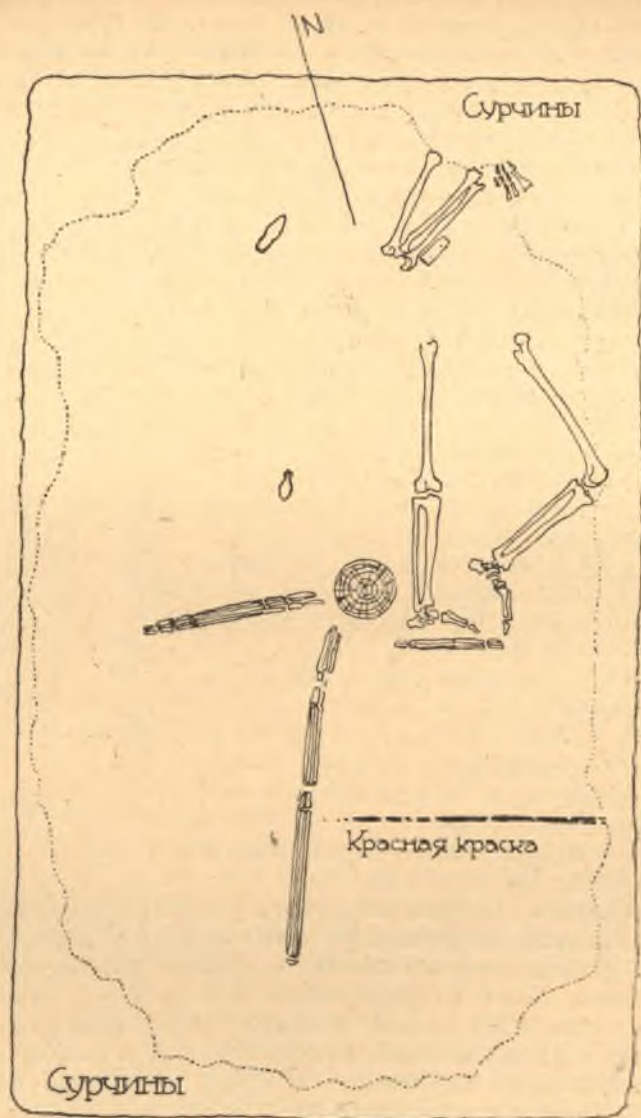

Рис. 69. G 5:8.

ном углу ямы найдены в уровне горизонта сильно истлевшие человеческие кости; плечо, лучевая и несколько ребер, вытасканные, повидимому, со дна лисицами или сурками. В насыпи, над ямой, найдена также совершенно истлевшая черепная крышка, попавшая в верхние слои кургана, вероятно, таким же образом. Вся яма заполнена доверху рыхлой черной почвой, в которой рассеяны куски истлевшего березового дерева. На стенках замечены следы от желобчатого остря 4,3 см ширины, которым была выкопана могила. В центре ямы обнаружены остатки вертикального березового столба, возвышавшиеся еще над полом на 60 см и имевшие в поперечнике 0,18 м. Нижний конец впущен в круглую ямку 0,3 м ширины, выкопанную в полу ямы на глубину 0,3 м. Столб этот, по всей вероятности, поддерживал деревянную крышу. Поблизости этого столба установлены на дне следы трех березовых брусков, лежавших радиально к столбу в северо-западном, юго-восточном и юго-западном направлениях. В юго-западной половине ямы проходила по дну в поперечном направлении полоска красной краски 5—6 см ширины. Вдоль всех четырех стенок пол ямы и весь культурный слой был изрыт ходами сурков и сусликов. Вдоль юго-восточной стенки, от середины к восточному углу лежал человеческий костяк, на спине или слегка на левом боку, с кистями рук на груди или у лица; правая нога вытянута в одну линию, левая согнута в колене. Голова обращена на СВС. Кости плохой сохранности, от таза, ребер и позвоночника остались лишь слабые порошкообразные следы. От черепа, лежавшего в области сурчины, не осталось следа. Недоставало также всей левой руки. У локтя правой руки лежал костяной предмет неизвестного назначения (табл. VI, рис. 1). Длина предмета—8,5 см, наибольшая ширина—3,4 см. Одна сторона предмета овальная, противоположная—желобчатая. Один конец путем среза округлен и просверлен в трех местах. Круглая дырочка имеется и в середине предмета. Овальная сторона орнаментирована тонкой зигзагообразной линией. В стороне от туловища, вправо, лежал на дне ямы медный нож длиной 14 см, ширина лезвия—до 3 см. В середине ямы, на дне, на высоте колен лежал бронзовый дротик длиной 6,2 см, ширина лезвия—2,4 см (табл. VI, рис. 2).

На дне замечены остатки тонких поперечных дощечек, под ними на дне мел.

В засыпи этой могилы, в северном углу найдена на глубине 0,4 от горизонта человеческая ступня и рядом с

нею кучка желтого порошкообразного вещества. Здесь, очевидно, находилось впускное погребение, совершенно растащенное сурками и лисами, или же выброшенное какой-нибудь кладонискательской ямой.

Могила 9-я, под центром насыпи. Мужской костяк на дне удлиненной ямы, врезанной северным концом в засыпь южного угла основной могилы до глубины 0,3 м ниже горизонта. Положение костяка вытянутое на спине, головой к югу. Череп и руки растащены сурками. Около костей остатки разрытого сурками гроба. В области ступней ног найдено 8 разрозненных бронзовых стрелок, две из них скипелись и к ним пристал кусок тонкой кожи от колчана, форма которого не определена. На высоте таза найдены вне гроба бараньи кости и кучка желтого порошка. Рядом с поясничными позвонками лежала бронзовая пряжка, к которой пристали куски ремня. Череп скелета и часть позвонков лежали в засыпи основной могилы.

Могила 10-я, подбойная, расположена у северного края основной. Удлиненная яма 2,1 м в длину расположена с СЗ на ЮВ. Подбой в южной стенке. Дно подбоя на глубине 1,33 м. Северная продольная стенка входной ямы образовала на глубине 0,57 м от горизонта, ступень 0,45 м ширины. Общая ширина ямы и подбоя 1,55 м. Устье подбоя было закрыто щелюгой. Засыпь—черная почва, изрытая сурчинами. На дне подбоя—костяк подростка, расстроенный сурками. Около костей—следы сгнившего деревянного гроба. Перед устьем расположены бараньи кости: две кости ноги и лопатка. Костяк лежал головой на ЮВ, нижние конечности сдвинуты на бок, так что одна нога лежала на другой.

Могила 11-я. Удлиненная входная яма под восточной половиной насыпи, ориентированная по длине с СВС на ЮЗЮ. Длина—2,38 м, ширина в северном конце—0,67 м, ширина в южном конце—0,94 м (рис. 70).

На глубине 0,67 м от горизонта дно входной ямы образует горизонтальную площадку, от которой крутой скат ведет в камеру, устроенную в восточной и южной стенках. Камера в плане имеет форму удлиненного овала, вытянутого с СВС на ЮЗЮ. Дно ее—на глубине 1,53 м, высота—около 1 м. К югу пол несколько понижается. Устье было закрыто лозой. На стенках—следы острия 1,2 см ширины. Засыпь этой могилы обрисовалась в виде желтого глинистого пятна уже в первом штыке, в насыпи кургана. На дне камеры лежал среди обломков деревян-

ного гроба костяк подростка в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗЮ.

В гробу, около скелета, найдены следующие предметы:

перед лицом (череп лежал лицом вправо) деревянный чурок, рядом с левым плечом—второй чурок; под правым предплечьем—обломки деревянной доски; под кистью правой руки и дальше к колену железный меч с брусовидным перекрестьем и серповидным навершием. Длина меча—около 45 см. На перекрестьи меча лежал полый костяной предмет (табл. VI, рис. 4, фиг. 2) и рядом с ним камешек. У левого бедра найдены железное кольцо, обломки сильно окисленного железного предмета и железный нож с остатками костяной ручки. Под левой подвздошной костью—кусочек серы (2), от действия которой

кость оказалась проеденной, и точилка. Рядом с головкой левого бедра—железное кольцо небольших размеров. Вдоль западной стенки гроба, на высоте ног,—пучок стрел: древки с железными трехперыми наконечниками. Длина

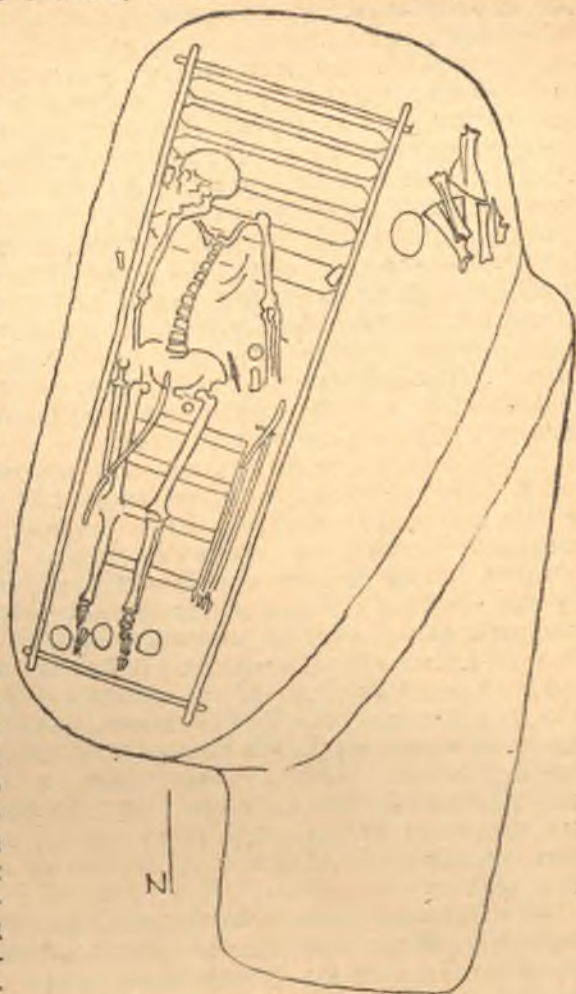

Рис. 70. G 5:11.

стрел измерена в 0,62 м. Задние концы имеют утолщение и вырез для тетивы, часть этих шишек окрашена в цвет киновари. В области, где лежали сплошной кучей железные наконечники, находились, также, в разрытом положении, три трехгранные втульчатые бронзовые стрелки, у одной из которых отверстие втулки снаружи закрыто кожей. В ногах, в гробу же, три кучки желтого порошкообразного вещества. В гробу остатки двух луков: один, из сплошного куска дерева, лежал на покойнике, ближе к восточной стороне гроба; другой склеен из двух слоев дерева и обтянут какой-то тонкой, темного цвета пленкой. Оба лука, будучи плохой сохранности, сильно испорчены при разборке, так как лежали попеременно с ветками лозы от заслона камеры, от которых их не сразу удалось отличить. Между гробом и восточной стенкой камеры лежало железное острие, которым была выкопана могила. В юго-западном углу камеры лежали кучкой бараньи кости: две лопатки и два предплечья и кучка желтого порошкообразного вещества.

Гроб, в котором был похоронен покойник, представлял собой прямоугольный плоский ящик 1,88 м в длину и 0,58 (в головах) и 0,47 м (в ногах) в ширину, бока и концы которого состояли из долевых досок, причем концевые входили одним шипом в соответствующие пазы боковых. От дна удалось наоблести поперечные дощечки, на некотором расстоянии впущенные заостренными концами в вырезы у нижнего ребра боковых стенок. В головной половине дощечки эти имели до 12 см ширины и 3—4 мм толщины (это, собственно, размеры остатков, сильно ссохшихся). В северной половине гроба поперечные дощечки, образовавшие остов дна, были гораздо уже, и соответственно с этим расстояние между ними было больше. На поперечных дощечках лежал слой продольных, остатки которых были чрезвычайно тонки. Под остатками дна лежал порошок мела.

Не совсем выяснена конструкция верхней половины гроба и крышки. В грани верхних ребер боковых и концевых досок были впущены заостренные концы обструганных лозин, образовавших над долевой нижней частью гроба остов какого-то сооружения в виде шатра, от которого, по понятной причине, все остатки лежали внутри гроба, перемешанные с землей и лозой от заслона камерного входа. Из этих остатков отмечены следующие: четырехгранные куски дерева 5—6 см толщины, слегка изогнутые, со сквозными

пазами 5 см в длину и 0,8—1 см в ширину, в которых найдены остатки шипов, скрепленных поперечными квадратными в разрезе шипами с диаметром около 1 см. Расстояние между пазами измерено дважды: 7 и 18 см. За

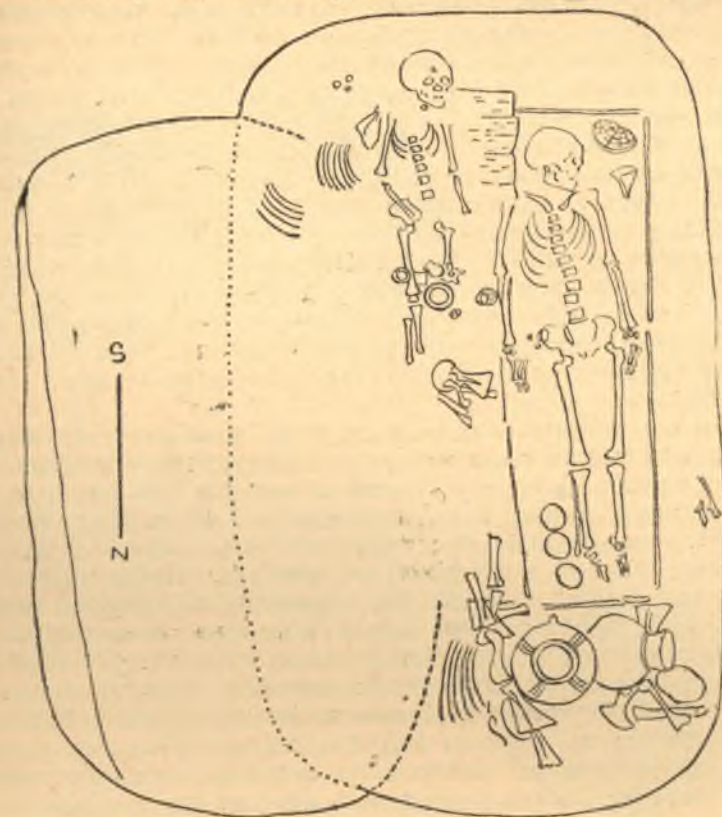

Рис. 71. G 5:12.

плохой сохранностью взять образцы не удалось. Порода — вроде березы.

В большом числе найдены в почве упомянутые уже обструганные ветки лозы, входившие концами в соответствующие отверстия долевой нижней части гроба.

Найдены также разрытые сурками куски широкой доски, от которой 3 куска лежали за гробом у восточной стенки. Все дощечки боков и концов колотые.

Могила 12-я, подбойная (рис. 71). Входная яма удлиненной формы, ориентированная по длине с С на Ю, расположена в 3,5 м к северу от могилы кург. G 5, погр. 11. Длина входной ямы — 1,92 м, ширина — 0,95 м. На глубине 1,33 м от горизонта дно входной ямы образует ступенчатую площадку с уступом ко дну подбоя, лежащего на 1,65 м ниже горизонта. На глубине 0,73 м восточная стенка образует небольшую ступеньку, сходящую на нет к южному концу. Подбой обычной удлиненной формы, вырезан в западной стенке. Длина его — 2,72 м, общая ширина подбоя и входной ямы — 1,85 м. Высота в южном конце — 0,84 м, в северном конце он несколько выше. Входная яма заполнена измельченной грунтовой почвой с небольшой примесью гумуса. Эта светлая засыпь была замечена уже в насыпи кургана под первым штыком. Область устья подбоя завалена густым слоем сгнившей лозы. Отдельные ветки торчали выше горизонта. На стенках следы орудия прямоугольной плоской формы до 7 см в ширину,

На дне подбоя лежали в гробах два скелета: вдоль западной стенки скелет женщины в вытянутом положении на спине, головой на юг, и ближе к входу в том же положении детский костяк. Рост женщины — 1,49 м. Рост ребенка — 1,04 м. Детский костячок был весь закрыт передней боковой стенкой и крышкой от гробика. Найденные при нем вещи, были, повидимому, первоначально расположены на крышке гробика. Во время вскрытия они оказались между крышкой и передней боковой стенкой. От гробика установлены следующие части: передняя боковая, расположенная долью, около 2—3 мм толщины, упавшая от давления почвы со стороны входа на скелет. Под ней, на костях же, крышка из поперечных широких дощечек такой же толщины; задняя продольная боковая стенка, лежащая вместе с передней боковой другого гроба на скелете женщины — долевая, той же толщины. Под костячком продольная дощечка от дна гроба до 5—7 мм толщины. Остатки концевых дощечек смешались с остатками боковых. В углах дощечки, повидимому, были сшиты, так как на них замечены дырочки, около 3 мм в диаметре.

Левая рука детского костячка была вытянута, правая покоилась на тазовых костях. Берцовые левой ноги сдвинуты со своих мест сурком или сусликом. На остатках гробика лежала кучка углей и пепла. Под головой скелетика, на дне гроба — слой волокнистого вещества (остат-

ки древесной коры). Около черепа и в области таза найдены в почве три кусочка реального. У левой руки — обломанный железный ножик. Под подбородком — обломок зеркала, зашитый в кожу. На костях ног, между боковой стенкой и гробом лежала кучка вещей: два маленьких глиняных сосудика (рис. 72), из которых один имеет форму плошки с дырочкой в боковой стенке, один шаровидный сосудик нескольких размеров, деревянный чурок, костяная пряжка (табл. VI, рис. 3, фиг. 2), резанный из кости полый внутри цилиндрический предмет с поперечными

Рис. 72. G 5:12. Около 1/3.

выпуклыми ребрами. На одной стороне, ближе к концу просверлена дырочка. Длина предмета — 10 см (табл. VI, рис. 4, фиг. 1). Здесь же глиняное пряслице. Второго маленького шаровидного сосудика, украшенного по всей наружной поверхности глубоким бороздчатым орнаментом (рис. 73), лежал в стороне, на остатках женского гроба. Около берцовых костей, ближе к ступням, найдены стеклянные бусы. В ногах находилась кучка желтоватого порошкообразного вещества и на ней бараньи кости: передняя нога с лопаткой. Рядом с головным концом гроба, ближе к входу, лежали две кучки бараньих ребер (от двух бараньих боков).

Скелет женщины также был прикрыт сверху упавшей на него боковой передней стенкой. Гроб имел в длину 1,68 м, в ширину (в ногах) 32 см, в головах ширина не могла быть установлена. Высота — 0,48 м. Конструкция: концевые — цельные доски, 1 см толщины, поставленные торцом, боковые, той же толщины, поставленные долью на ребра. Крышка — продольная доска, несколько тоньше боковых. Дно составлено из поперечных дощечек 5—6 мм толщины и разной ширины, впущенных

Рис. 73. G 5:12. Около 1/3.

концами в пазы боковых на расстоянии 10—12 см. Пазы устроены на 1,5 см выше нижнего ребра боковых стенок. На поперечных дощечках дна лежали продольные тонкие. Возраст погребенной женщины молодой.

В юго-западном углу гроба, перед лицом покойницы, лежало рядом два деревянных чурка, около них сохранились лоскуты кожи со следами швов. На груди много золы и кусок реальгара. Рядом с правой подвздошной лежало три камешка; вдоль голени правой ноги обнаружены три кучки желтого порошкообразного вещества. Между гробом и задней стенкой подбоя лежали две бараньи косточки и около них в почве следы деревянного корытца. В ногах гроба между концевой доской и северной стенкой подбоя стояло два глиняных сосуда с ушками, из которых один неполный, а другой разбит. Около них — две кучи бараньих костей. В задней, меньшей, найдены одна лопатка, 2 кости задней ноги и подвздошная; под костями обнаружена кучка обычного желтого порошка. В передней, большей кучке костей замечены 3 лопатки, кости двух передних ног, совершенно распавшийся череп и около 6 ребер. Под костями — остатки деревянного корытца.

Совхоз „Красный Октябрь“ на р. Торгуна

Курган F 10

В 1929 году произведено исследование кургана F 10, расположенного на левом берегу р. Торгуна, 3 км выше совхоза „Красный Октябрь“. Курган этот, имеющий в диаметре около 17 м, был исследован в 1928 году в центральной части раскопом 8×4 м, проложенным с З на В через центр (см. план раскопа рис. 15).

Под исследованной площадью было обнаружено 12 погребений и, в юго-восточном углу раскопа, часть насыпи 13-й могилы. В 1929 году исследована вся периферическая часть насыпи пятью прямоугольными раскопами, на площади которых обнаружены остатки еще 4-х погребений. В южной половине насыпи найден слой грунтового выкида, расположенный на некоторой глубине под поверхностью насыпи и имеющий наклон к периферии. Это, повидимому, выкид из камерной могилы кург. F 10, погр. 11, раскопанный в 1928 г.

Могила 13-я, детская, под юго-восточным углом первого центрального раскопа. Подбойная могилка со

входной ямой 1,26 м в длину, 0,7 м в ширину и 1,08 м в глубину, расположенной по длине с СВ на ЮЗ. Подбой устроен в северо-западной стенке. Дно подбоя на глубине 1,2 м, длина его — 1,27 м, глубина — около 0,57 м. Засыпь — комковатая почва, изрытая сурчинами и сусличьими норками. На дне в юго-западном конце подбоя сохранилась лишь одна баранья кость от ноги и незначительные обломки глиняного сосуда. Человеческих костей в могиле не обнаружено. Некоторые обломки детского черепа и костей были найдены над могилой, в засыпи, при раскопках 1928 года.

Погребение 14-е, под перемычкой северной и центральной траншеи. Скорченный, повидимому, женский костяк на глубине 0,64 м от поверхности кургана. Положение на левом боку, головой на СЗ. Обе руки согнуты в локтях кистями к лицу, причем кисть левой руки располагалась на правом плече. Бедрa согнуты под прямым углом к оси туловища. Под правой рукой — следы совершенно рассыпавшегося баночного сосулика. Черепки этого сосуда были найдены и в области черепа.

Могила 15-я, под северо-западной полой насыпи. Удлиненной формы могильная яма 2,25 м в длину, 0,8 м в ширину (в головном конце; в ногах несколько уже), ориентированная с СВ на ЮЗ и врезанная в материк на глубине 0,5 м. На дне вытянутый костяк мужчины 1,67 м роста, головой на ЮЗ. На левом бедре ясные следы излома и застания кости. Вдоль левого бока лежали в почве разрытые сусликами железные черешковые стрелки. Между правой рукой и бедром — железный кинжал плохой сохранности, ручка и острие обломаны. В области перекрестья на кинжале лежало железное кольцо неясной формы (пряжка?). Над скелетом, в области ног, — бараньи кости: бедро, подвздошная, берцовая, лежавшие, повидимому, на крышке гроба.

Погребение 16-е. Кучка потревоженных человеческих костей в северном раскопе 0,3 м ниже поверхности кургана: обломки черепа, старческая нижняя челюсть, сильно атрофированная, два бедра с болезненными образованиями на нижней стороне кости, два плеча, кости голени, одна подвздошная и несколько ребер и позвонков. Вместе с человеческими костями лежал и обломок фаланги лошади или коровы. В стороне от кучки костей, около 1,25 м к юго-западу, найдены в том же слое железные удила в обломках и медные пуговицы (от узды?).

Диаметр кургана—16 м. Высота—около 0,6 м. Исследован в 1926 году квадратным колодцем 6×6 м, прокопанным в центре насыпи. Результаты раскопок 1926 г. опубликованы П. Д. Рау в его отчетной работе²⁵.

При исследовании в 1929 году проложены параллельно стенкам старого раскопа траншеи 2,5 м ширины через западную, северную и восточную полы. Во всех этих траншеях обнаружен светлый грунтовый выкид, выброшенный, очевидно, при устройстве ранне-сарматской камерной могилы кург. D 17, погр. 5 и располагающийся кольцевым веером 1,5—2 м ширины с наклоном к периферии в насыпи и обозначающий своим расположением периферию основного кургана, через насыпь которого была впушена могила D 17, погр. 5.

Погребение 6-е. В северо-восточном углу западной траншеи обнаружены лежавшие на подпочве косточки новорожденного или грудного младенца. Череп был направлен к югу.

Погребение 7-е. В юго-западном углу северной траншеи обнаружена подбойная могила с удлиненной входной ямой 1,9 м в длину, 0,75 м ширину и 0,75 м в глубину, ориентированной с ССЗ на ЮЮВ и заполненной светлой грунтовой измельченной почвой с незначительной примесью гумуса. В юго-западной длинной стенке вырезан удлиненный подбой 1,82 м длины. Ширина подбоя у южного конца 0,68 м. Высота не установлена. Дно подбоя—на глубине 1,2 м. У северо-восточной стенки входной ямы на глубине 0,5 м от горизонта оставлена ступенька незначительной ширины. На дне подбоя—кость подростка, повидимому, мужского пола, головой на ЮЮВ. Рост—1,32 м. В почве найдены остатки тонких дощечек от боковых стенок гроба. У ног—часть позвоночника крупного животного; кости перерублены пополам.

Курган G 6

Одна из множества беспорядочно рассеянных насыпей, напротив села Старая Иванцовка, Палласовского района, на левом берегу р. Торгуна, приблизительно в 300 м от реки, ближе к западным садам. Диаметр насыпи—11 (В-3) и 12 (С-Ю) м. Высота—0,38 м. Расположена в группе из трех маленьких курганов. Поводом к исследованию послу-

жили замеченные у поверхности насыпи крапинки горелой земли, указывавшие на применение костра в погребальном ритуале, т. е. на черту, недостаточно изученную.

Курган G 6 исследован квадратным раскопом 8×4 м, проложенным с З на В через центр. Уже в первом штыке вся средняя область насыпи, шириной в 5 м, была испещ-

Рис. 74. G 6.

рена крапинками горелой почвы. На горизонте эта жженная почва лежала крупными комками. В обоих концах раскопа на горизонте залежали комки выброшенной при устройстве могилы глинистой подпочвы. Под центром кургана обнаружена могильная грунтовая яма, обозначившаяся на фоне обгорелой древней поверхности серым пятном. С поверхности эта яма имела большую ширину (В-3), а именно, в южном конце—1,98 м (в северном лишь 1,48) при 1,98 м длины.

Глубина ямы—1,5 м. В области дна яма имела прямоугольную форму, будучи ориентирована по длине с С на Ю. Длина по дну—1,98 м, ширина—1,5 м (рис. 74).

Засыпь имела следующий вид: ближайший к поверхности слой состоял из мешанной земли цвета насыпи. На дальнейшей глубине залежала мощная толща горелой почвы яркочерного цвета, перемешанная в западной половине с дубовыми и березовыми углями, с закопченной и

необожженной почвой. На дне угли лежали почти сплошной массой.

Остатки погребения обнаружены в следующем виде: вдоль западной стенки, под углями и горелой почвой были обнаружены обугленные части человеческого скелета — рука и нога. Остальную часть скелета закрывала толща глинистой подпочвы, лежащей не в мешанном или измельченном виде, а сплошной глыбой и переходившей, постепенно, утолщаясь, в поверхность восточной стенки. Вся верхняя поверхность этой массы имела сильный закал со стороны огня. Под этой глиной лежала на дне, среди следов перегноя от гроба, остальная часть костяка, хорошей сохранности. Вся поверхность восточной стенки, вплоть до горизонта, также имела яркие следы действия сильного огня.

Происходившее здесь в момент совершения обряда рисуется в следующем виде: могильная яма имела, по всей вероятности, в восточной стенке неглубокий подбой. После совершения погребения (в гробу?) была сожжена крыша над ямой и над горящим костром насыпан могильный холм. От действия жары (или от другой причины) потолок подбоя получил трещину и упал в яму, закрыв значительную часть гроба. Вслед за потолком обрушилась под тяжестью земли и горящая крыша, за ней посыпалась, заполняя яму, земля, получившая от раскаленных бревен сильный провал. Действием костра были обуглены незащищенные части трупа.

Костяк был мужской. Рост — 1,68 м. Он лежал на спине, головой на север. В области обугленных костей правой руки и правой ноги были замечены на дне обугленные же остатки тонких поперечных дощечек от дна гроба. От боковых стенок последнего сохранились следы лишь вдоль восточной стенки у дна. Под обугленными дощечками дна гроба замечен слой мешанной земли толщиной в 3 см (это последнее обстоятельство, так же как и факт обвала потолка подбоя до сожжения крыши, говорит в пользу той возможности, что между положением трупа и сожжением крыши могилы прошел большой промежуток времени, может быть, несколько лет).

У левого плеча скелета найдены незначительные обломки железа и две бронзовые скобочки. У левой руки лежали рядом железный кинжал с кольцевидным навершием со следами деревянных, окрашенных снаружи в цвет киновари ножен. Длина кинжала — 41 см, ширина лезвия — 3 см.

Около кинжала помещался железный нож с остатками деревянной ручки, также окрашенной в цвет киновари, длина лезвия — 22 см, ручки — 7,5 см. У левой голени лежал большой удлиненный камень с гладкой поверхностью. В юго-западном углу могилы стоял обломанный глиняный кувшинчик.

Раскопки у с. Бородаевки Марковского района

Первая группа курганов у восточной окраины села на возвышенности у большой дороги.

Курган G 7

Насыпь, деформированная проходившей через ее южную полу грунтовой дорогой. Форма — неправильный овал, уплощенный с южной стороны. Высота — 0,55 — 0,6 м. Исследовано двумя параллельными прямоугольными раскопами 3×10 м. В середине насыпи обнаружены остатки четырех погребений.

Погребение 1-ое. Пустая грунтовая могила под центром насыпи прямоугольной с закругленными углами формы, ориентированная по длине с С на Ю. Длина — 1,3 м, ширина — 0,93 м и глубина — 0,4 — 0,5 м. Выкид из этой ямки, лежавший у северного ее края на древней поверхности, показывает, что эта могила является для данного кургана основной. По дну и засыпи, перерытой во всех направлениях грызунами, были рассеяны ребра, позвонки и мелкие кости конечностей человеческого костяка. Замечены также кусочки сгнившего дуба. Из этой могилы, очевидно, выброшены работой сурков или лисиц разрозненные кости человеческого костяка, найденные у восточного края могилы в насыпи кургана, на глубине 0,2—0,3 м от его поверхности (плохой сохранности череп, нижняя челюсть, одна подвздошная и несколько крупных костей конечностей). К этому же погребению, быть может, относится и бронзовый браслет, найденный за северо-западным краем ямы, ближе к погребению № 2.

Погребение 2-ое. Скелет ребенка лет 10 на подпочве, рядом с основной могилкой с запада. Положение сильно скорченное на левом боку, головой на юг. Глубина от поверхности кургана — 0,95 м. Над костяком замечены кусочки березы.

Погребение 3-е, расположено к северо-востоку от основной могилы. Череп ребенка лет 10, нижняя челюсть, ребра, позвоночник, таз и левая нога и сосуд баночной формы со сквозными дырочками на венчике и носиком на глубине 0,35 м от поверхности кургана. Костяк лежал головой на СЗ. Размеры сосуда: высота — 14,8 см диаметр по верхнему краю 12,5 см (табл. V, рис. 4.)

Погребение 4-е, расположено под 3-м погребением на глубине 0,63 м от поверхности кургана: скелеты двух подростков, положенных рядом в слабоскорченном положении на левом боку головами на запад (рис. 75). Кости плохой сохранности. Рост костяка, лежавшего с южной стороны, — 1,2 м, рост северного — 1,44 м. У обоих кисти рук лежали у лица. За спиной южного костяка стояло два сосуда; один баночного, другой двускатного типа.

Рис. 75. G 7:4.

Бородаевка. Заповедник „Калмыцкая гора“

Курган G 8

Выпуклая насыпь 18 м в диаметре и 1,4 м в высоту. Копана любителями из местных учителей в 1919 г. Указанными копателями с ЮЗ на СВ через центр проложена траншея приблизительно 3 м в ширину и 10 м в длину, из которой выброшено большое количество горелой земли, покрывавшей всю поверхность кургана. Дополнительно была проложена траншея в восточной части кур-

гана 13 м в длину и 3 м в ширину, после чего центральным раскопом 6×6 м исследована средняя часть кургана, оказавшаяся уже дважды перекопанной: последний раз она была прорезана траншеей любителей, а первый раз — неизвестными искателями кладов или грабителями могил древности, перекопавшими в центре насыпи широкой ямой насыпь и верхний слой материка. Под всей площадью центрального раскопа оказался чистый материк без следов грунтовой ямы или грунтового выкида. Вся засыпь упомянутых ям была испещрена комками горелой почвы, среди которой изредка попадались древесные угли.

В северо-восточном конце центрального раскопа найден в мешанной почве древней грабительской ямы 25 см выше горизонта обломок конской фаланги. В южной половине той же ямы лежал в уровне древней поверхности обломок черепа молодого быка.

В средней части восточного раскопа обнаружены остатки сгоревшего деревянного сооружения, имевшего в плане вид прямоугольника с вертикальными столбами по углам. В этом месте, 20 см ниже поверхности кургана, началась сплошная масса до-красна пережженной почвы. У восточного края этой массы поднимались кверху обугленные дубовые и березовые бревна. Ближе к древней поверхности, среди горелой почвы начинали попадаться древесные угли, а на горизонте угли или, вернее, обугленные березовые стволы, лежали сплошной массой рядом, параллельно длинной оси сооружения. Между ними попадались обугленные же березовые ветки. Вертикальные столбы по углам, обугленные и сгнившие остатки которых имели в диаметре от 13 до 15 см, были впущены в круглые ямки 35 см ширины и 0,5—0,55 м глубины. Между двумя восточными ямками проходил по древней поверхности дубовый бревешок, 0,12 м ширины, сверху обугленный и у конца сгоревший. На самом дне насчитано семь продольных березовых стволов, лежавших попеременно с ветками. Древнюю поверхность покрывал слой глинистой почвы толщиной 4—5 см, покрытый сверху копотью. В него вдавлены кругляки.

Ширина сооружения — 1,45 м, длина — 3,2 м. В середине сооружения лежали на дне пережженные кости птиц и мелких животных, рядом с ними — половина железных удил. В западном конце обнаружены под углями обожженная нижняя челюсть мелкого животного вместе с частями черепа и бронзовый предмет в виде полого цилиндра, склепанного из листа. Предмет сплюснен почвой.

Совершенно очевидно, что описанное сооружение в момент его сожжения возвышалось над землей и сверху было покрыто почвой. Дубовый столб северо-восточного угла возвышался еще на 1 м над горизонтом.

Вся насыпь сложена из больших кусков дерна, хорошо заметных по слою буроватой подпочвы, вырезанной вместе с гумусом. Исключение составляет небольшая площадь вокруг описанного сооружения, где над горизонтом залегает слой, смешанный из разноцветных комков.

Древний почвенный слой под курганом состоит из гумуса 6—10 см толщины. Под ним — буроватая песчаная глина.

Раскопки 1939 года

С. Бородаевка, Марковского района, левый берег М. Карамана.

К северу от села, на протяжении 4 км, по обеим сторонам шоссе расположено большое количество курганов в одиночку и группами. Одна большая группа, расположенная на возвышении, называемом „Калмыцкая гора“, насчитывает более 100 курганов. Здесь П. Д. Рау в течение 1926—1929 гг. раскопано несколько курганов. Напротив указанной группы, на левобережной террасе р. М. Карамана, около плантации „Рунталь“, расположена группа курганов из 15 насыпей. Местность здесь не распахивалась и представляет целинную степь, вследствие чего курганы хорошо сохранились. В этой группе в 1939 году нами раскопано 9 курганов.

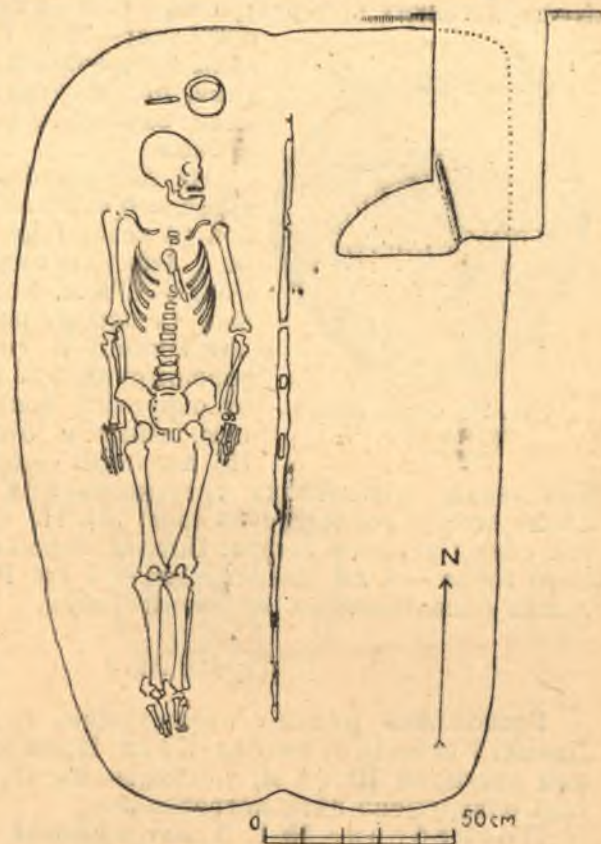
Курган № 1

Расположен в северном конце группы. Вокруг насыпи углубление в виде кольца. Диаметр насыпи — 12 м, высота — 70 см. После снятия насыпи в центре обнаружена большая яма разрушенной могилы. В могильной засыпке найден черепок от глиняного горшка, обломки костей человека. Выявить форму и размер могильной ямы не удалось. Яма исследована до глубины 2,5 м, после чего работа была прекращена за полной невозможностью продвигаться глубже вследствие твердости почвы.

Курган № 2

Расположен в центре группы. Диаметр — 12 м, высота — до 50 см. Исследован снятием всей насыпи кургана.

В насыпи на разной глубине встречались кости взрослого человека: бедро правой ноги, лучевая и др. Могильная яма обозначилась с самой поверхности насыпи в виде черного пятна плотной почвы. Могильная яма имеет форму удлиненного прямоугольника с закругленными углами; длинные стороны расположены с С на Ю. Длина ямы — 2,2 м, ширина — 90 см и глубина — 1,6 м. В насыпи могильной ямы также найдены отдельные кости человека и черепок глиняного горшка сарматского типа. С западной стороны — подбой разрушен грабителями. Длина подбоя — 2,15 м, ширина — 70 см, высота не определена вследствие разрушения подбоя. На дне подбоя полностью разрушенное погребение.

Курган № 3

Расположен к северу от второго кургана. Насыпь несколько вытянута с севера на юг. Диаметр — 9 м, высота — 45 см. Исследован раскопом 6 × 4 м. На глубине 50 см обнаружена могила, ориентированная длинными стенками по линии С-Ю. Сверху могила была перекрыта бревенчатым накатником из тонких стволов дерева и мелкого хвороста. В могильной засыпке в большом количестве встре-

Рис. 76. Курган № 3.

чены лепестки и кора сгнивших тонких ивовых веток. Длина могильного входа—2,1 м, ширина—60 см, глубина—1,9 м. С западной стороны—подбой, углубленный против входной ямы на 15 см. Длина его равна длине входной ямы, ширина—70 см. Устье подбоя было закрыто заслоном в виде рамы длиной 1,8 м, шириной до 60 см. Рама сделана из двух тонких четырехгранных слег—длиной 1,8 м, толщина слег—10 × 7 см. Слеги скреплены поперечными тонкими дощечками, промежутки между дощечками заполнены толстой корой—лубком.

Рис. 77. Бородаевка, курган № 3. 1/3.

На дне подбоя лежал костяк взрослого мужчины на спине, головой на север (рис. 76). Череп сильно деформирован (табл. VIII). Рост—1,75 м. Кости покрыты черным тленом от перегнившей кожи или кошмы. В головах глиняный горшок ручной лепки. Горшок имеет округлые бока и дно, невысокую шейку и отогнутый венчик. По плечикам—орнамент из резных линий, образующих треугольники и горизонтальную линию вокруг горла сосуда (рис. 77). На внутренних стенках следы темного нагара. Высота горшка—12 см, диаметр горла—8 см, диаметр дна—7 см. Рядом с горшком лежал однолезвийный железный ножик.

Курган № 4

Расположен рядом с предыдущим, с севера (рис. 78). Диаметр его—15 м, высота—70 см. Исследован прямоугольным раскопом 10 × 8 м, проложенным через центр. В кургане обнаружено пять погребений.

Погребение № 1. В центре насыпи, на глубине 30 см и ниже, в разных местах встречались кости взрослого человека: плечо, шейные позвонки, ребра, берцовые и тазовая кость ребенка (2—3 лет). В центре кургана от разрушенного погребения образовалась воронкообразная яма, заполненная темной, плотно сцементированной землей, в которой найдено 2 черепка глиняного горшка, костяной предмет в виде ножа, сделанный из кости крупного животного. Здесь же найден предмет в виде точилки из песчаника; одна

Рост—1,75 м. Кости покрыты черным тленом от перегнившей кожи или кошмы. В головах глиняный горшок ручной лепки. Горшок имеет округлые бока и дно, невысокую шейку и отогнутый венчик. По плечикам—орнамент из резных линий, образующих треугольники и горизонтальную линию вокруг горла сосуда (рис. 77). На внутренних стенках следы темного нагара. Высота горшка—12 см, диаметр горла—8 см, диаметр дна—7 см. Рядом с горшком лежал однолезвийный железный ножик.

На дне подбоя лежал костяк взрослого мужчины на спине, головой на север (рис. 76). Череп сильно деформирован (табл. VIII). Рост—1,75 м. Кости покрыты черным тленом от перегнившей кожи или кошмы. В головах глиняный горшок ручной лепки. Горшок имеет округлые бока и дно, невысокую шейку и отогнутый венчик. По плечикам—орнамент из резных линий, образующих треугольники и горизонтальную линию вокруг горла сосуда (рис. 77). На внутренних стенках следы темного нагара. Высота горшка—12 см, диаметр горла—8 см, диаметр дна—7 см. Рядом с горшком лежал однолезвийный железный ножик.

Рядом с горшком лежал однолезвийный железный ножик.

Село Боаро

Курган № 4

МАСШТАБ: 0 1 м 2 м

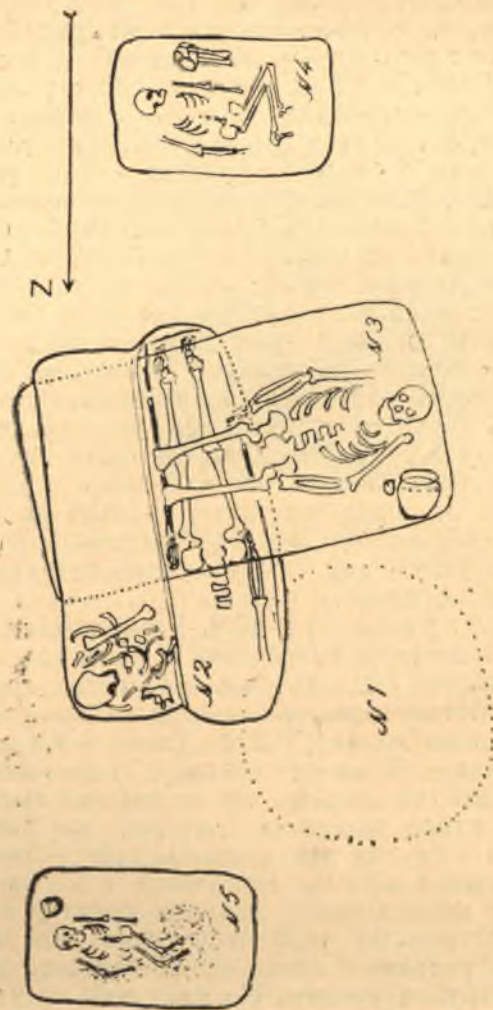

Рис. 78. Курган № 4.

сторона плоская, противоположная имеет овальную форму. Длина предмета — 11 см, толщина — до 4 см. Около разрушенной могилы насыпь и грунт были раскопаны узкой неправильной формы грабительской ямой. Посредством входа через эту яму частично разрушено и второе погребение, расположенное здесь же (рис. 78).

Погребение № 2, прямоугольно-удлиненной формы. Длина — 2,1 м, ширина — 60 см, глубина — 1,2 м. Могила ориентирована по линии с севера на юг. В северном конце могильного входа, сверху до дна могилы, разбросаны кости взрослого человека: плечо, ребра, обломки локтевой, деформированный череп женщины лет 30—35. Здесь же найден обломок бронзовой фибулы с широкой спинкой.

С западной стороны устроен подбой, оказавшийся под более древним (скифским) погребением. Длина подбоя равна могильному входу, ширина — 70 см, устье подбоя было закрыто тонкой доской, положенной вдоль входа. Остатки доски хорошо выявлены в южной, непо потревоженной части могилы. В подбое в непо потревоженном виде сохранилась часть скелета; на месте лежали — правая рука, тазовые и ножные кости. Все туловище было выброшено и кости в беспорядке находились в засыпке входной ямы. Скелет лежал на спине, вытянуто, головой на север. Кости хорошей сохранности. Могила частично расхищена в древности через узкую яму, проложенную грабителями в северном конце могильного входа.

Погребение № 3. Расположено с западной стороны от второго погребения и частично им разрушено при устройстве входной ямы. Полностью срезаны бедренные кости. Могила прямоугольно-удлиненной формы, ориентированная по линии СВ-ЮЗ. Длина — 2,3 м, ширина — 1,25 м, глубина — 60 см от древнего горизонта. На дне — женский костяк средних лет на спине в вытянутом положении, руки вдоль туловища, головой на юго-запад. Берцовые кости и ступни ног срезаны при устройстве сарматской подбойной могилы. Найденные в насыпи кургана берцовые кости принадлежали данному костяку и были выброшены при устройстве подбойной сарматской могилы № 2. В головах у правого плеча стоял большой толстостенный горшок грубой работы. По плечикам сосуда орнамент из выпуклых шишечек, расположенных вокруг горла (табл. VII, рис. 1). Высота горшка — 23 см, диаметр по верхнему краю — 15 см, дно — 12 см. Около горшка порошокобразное желтое вещество.

Погребение № 4. Расположено с южной стороны от предыдущих, на расстоянии 1 м. Длина могилы — 1,2 м, ширина — 70 см, глубина — 50 см. По краям могилы прослежены остатки дерева от могильного перекрытия. Могила ориентирована по линии восток-запад. На дне — скелет ребенка, головой на восток, на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги сильно согнуты, коленями обращены на левую сторону. С левой стороны около головы лежал небольшой глиняный горшок, раздавленный землей и плохо сохранившийся. Горшок орнаментирован мелким чеканом по плечикам. Около горшка две ноги овцы, отрубленные до колен. Под костяком, по дну могилы, следы красной краски. На черепе и ступнях густой слой краски. Возраст ребенка 3—4 года. Кости плохой сохранности.

Рис. 79. Боролаевка, курган № 4, погр. 5. ½ н. в.

Погребение № 5. Расположено на расстоянии 70 см от второй могилы, с северной стороны. Детская могила прямоугольной формы, длина — 1,25 м, ширина — 70 см, глубина — 65 см. По краям могилы следы деревянных плах от перекрытия. На дне — костяк ребенка 2—3 лет, на спине, руки вытянуты, ноги скрочены и коленями направлены к северной стенке могилы. В головах — круглодонный глиняный сосудик яйцевидной формы (рис. 79). Веревоочный орнамент из параллельных линий покрывает стенки сверху до нижней части сосудика. Высота сосудика — 8 см, диаметр по верхнему краю — 7 см. Дно могилы и кости густо посыпаны красной краской. Сохранность костей плохая.

Курган № 5

Расположен в центре группы. Плоская насыпь из обожженной земли. Диаметр — 12 м, высота — 50 см. Курган исследован полным снятием насыпи. Вся центральная часть насыпи до 8 м в диаметре состояла из сильно обожженной земли, большого количества углей, обгоревших и обугленных плах, под которыми подстилающий материковый слой

на 20—25 см прокален до-красна. В северной части насыпь кургана прорезана впускной могилой (рис. 80).

Погребение № 1 (впускное). Грунтовая детская могила прямоугольной формы. Расположена по линии северо-восток — юго-запад. Длина могилы — 90 см, ширина — 60 см, глубина — 80 см. Могильная засыпка полностью

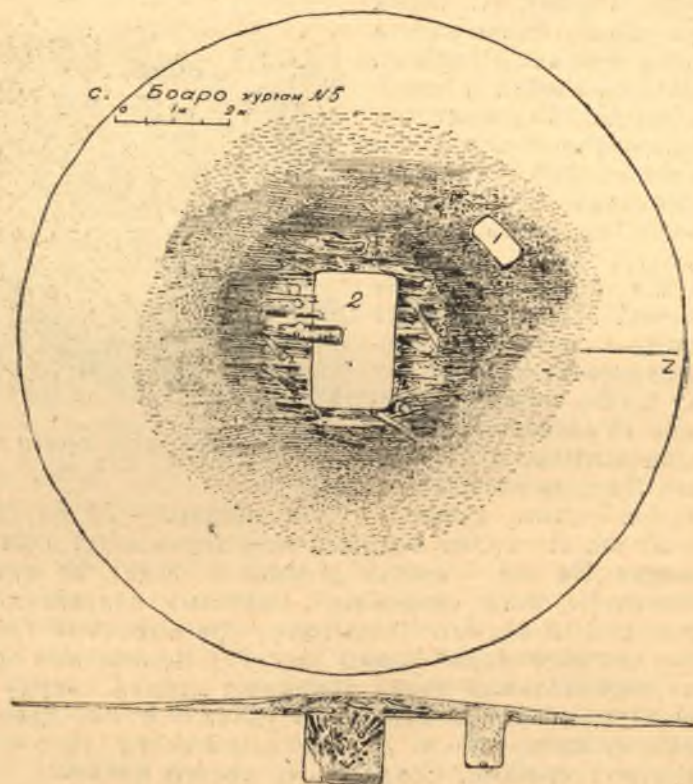

Рис. 80.

План расположения погребения в кургане № 5.

состоит из обожженной земли насыпи кургана. На дне могилы — костяк ребенка на левом боку, головой на северо-восток, ноги сильно скорчены, правая рука вытянута и кистью положена между ног, левая согнута и кистью лежала у лица. Перед лицом лежали кости овцы — две ноги, отрезанные в коленном сочленении.

Погребение № 2 (основное). Расположено в центре насыпи. Могильная яма прямоугольно-удлиненной формы, ориентирована длинными сторонами по линии В-З. Длина ее 2,4 м, ширина — 1,5 м, глубина — 1,3 м. Над могилой и вокруг сплошная масса угля и обгоревшей земли. По краям могилы, на материковой почве, лежали поперек могилы обуглившиеся бревна до 30—40 см толщины. Сплошная масса до-красна обожженной земли, мелкие угли, бревна и пережженные кости взрослого человека заполняли могильную яму сверху до дна могилы. На дне могилы хорошо сохранилось обуглившееся деревянное сооружение в виде ящика, стенки которого сделаны из двух продольных и двух поперечных досок. Дно состояло из тонкой плетенки тальника. Продольные и поперечные доски, будучи поставлены на ребра, плотно прилегают к стенкам могилы и длина их соответствует размерам могильной ямы. Ширина досок — 25 см, толщина до 3 см.

В процессе раскопок установлена интересная деталь: юго-восточный угол могилы ближе к дну был засыпан необожженной землей. Под этим завалом необожженной земли от досок ящика и плетенки не осталось никакого следа.

В процессе раскопок создано представление, что над надмогильным сооружением-перекрытием был разведен мощный костер, под действием которого сгоревшие бревна, масса мелкого хвороста вместе с покойником обвалились в могильную яму. Под действием сильного огня, внутримогильное сооружение (ящик из досок) также подверглось действию огня, сильно обуглилось, что и способствовало его сохранности. Никаких предметов на дне могилы не обнаружено.

Курган № 6

Небольшая плоская насыпь, расположена около кургана № 3, с западной стороны. Диаметр — 10 м, высота — 40 см. Курган исследован снятием всей насыпи. Под насыпью на глубине 50 см обнаружены две грунтовых могилы. Одна под восточной половиной насыпи, вторая под западной.

Погребение № 1. Прямоугольная могила 1,2 м в длину, 80 см в ширину и 70 см в глубину. По краю могилы следы от деревянного перекрытия. На дне могилы — два костяка в скорченном положении (рис. 81) на левом боку, голову на СВ. С северо-западной стороны — жен-

ский костяк молодого возраста, 1,6 м роста. Кости обеих рук — у лица, ноги согнуты в коленях. Ниже локтей, у живота, глиняный горшок без орнамента, баночной формы. Высота горшка—14 см, диаметр по верхнему краю—12 см, дно — 9 см.

Рис. 81. Бородаевка. Курган № 6, погр. 1.

детская могила. Длина ее—90 см, ширина—60 см, глубина—60 см. На дне—костяк ребенка 2—3 лет на левом боку, ноги согнуты, руки лежали перед лицом, кистями к подбородку. Перед лицом стояла коробочка из берестовой коры. Коробочка имела овальную форму, длина ее—9 см, ширина—6 см, высота—до 7 см. Вследствие твердости насыпи извлечь предмет полностью не удалось. Здесь же стоял глиняный горшок баночной формы без орнамента. Высота горшка—10 см, диаметр горла—11 см, дно—7 см (табл. VII, рис. 2). Рядом стоял второй горшок баночной формы с несколько выпуклыми боками и прямым горлом. По плечикам орнамент, состоящий из двух параллельных линий вокруг горла, заполненных квадратиками. Высота

Рядом с женским костяком лежал скелет ребенка также на левом боку, ноги сильно скорчены, положение рук не могло быть установлено. Возраст ребенка—3—4 года. Перед лицом лежал на боку горшок баночной формы, с прямыми стенками, по верхнему краю насечный орнамент в виде зигзагообразной линии. Высота горшка—12 см, диаметр по верхнему краю—11 см, дно—8 см.

Погребение 2-е расположено к юго-западу от центра насыпи.

Четырехугольная

14 см, диаметр горла 18 см, диаметр дна 9 см (табл. VII, рис. 4). В могильной насыпи прослежены остатки перекрытия—куски дерева, хвороста.

Курган № 7

Расположен рядом с курганом № 6, к югу от него, правильной формы насыпь. Диаметр—12 м, высота—0,4 м.

После полного снятия насыпи, в центре обнаружена прямоугольная грунтовая яма 1,5 м в длину, 90 см в ширину, 1,45 м в глубину. Могила ориентирована по линии СВВ—ЮЗЗ.

По краю могилы, на древнем горизонте и в засыпке могилы обнаружены остатки деревянного накатника из продольных и поперечных плах (до 25 см в диаметре) от перекрытия. На дне костяк женщины в скорченном положении на левом боку, грудью и животом вниз, головой на СВВ.

Правая рука сильно согнута, плечевая и лучевые кости лежали параллельно, кисть руки под подбородком (рис. 82). Левая рука также согнута в локте и кистью перед лицом. На шейных позвонках и под черепом — бронзовые серьги

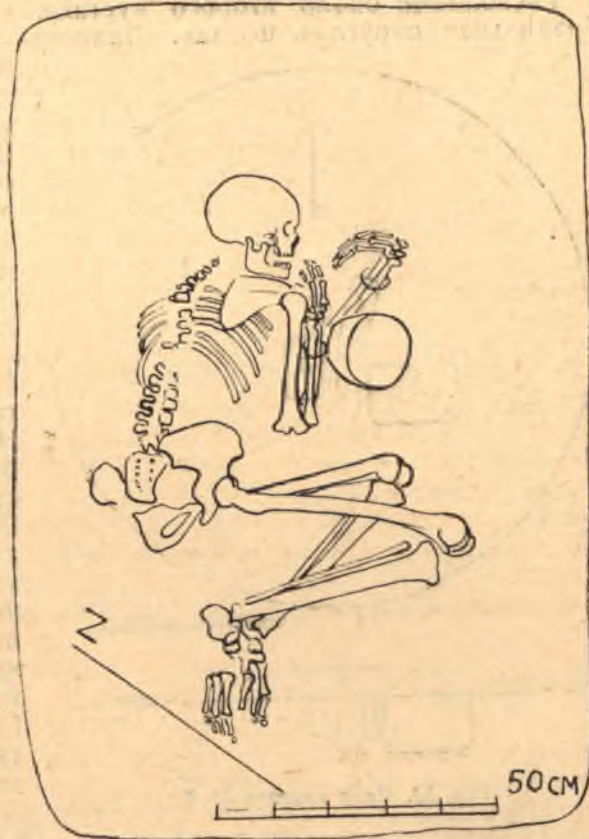

Рис. 82. Бородаевка, курган № 7.

в виде вытянутых спиралей, вогнутых с внутренней стороны. На руках — бронзовые желобчатые браслеты. Перед покойником, около рук стоял глиняный горшок баночного типа без орнамента (табл. VII, рис. 3). Высота горшка—12 см, диаметр по верхнему краю—13 см. Рост костяка—1,56 м, возраст молодой.

Курган № 8

Расположен около второго кургана, к югу от него. Правильная округлая насыпь. Диаметр—14 м, высота—

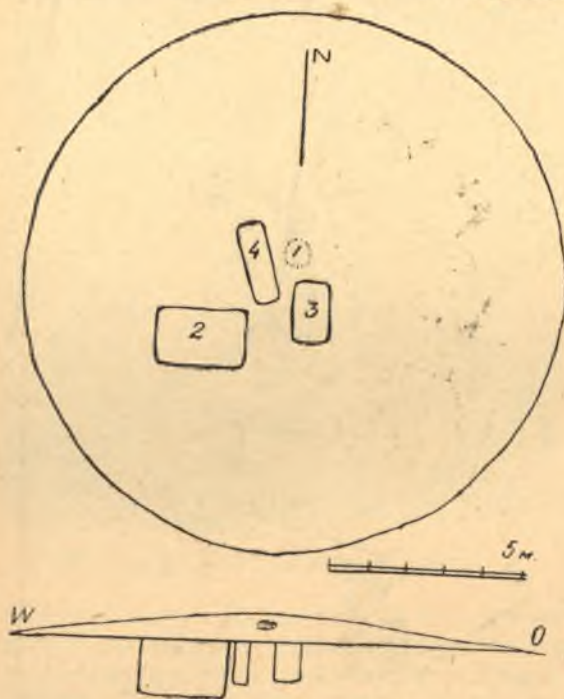

Рис. 83. План кургана № 8.

80 см. Курган исследован полным снятием насыпи. В центре кургана обнаружено четыре погребения—три грунтовых могилы и одна (детская) в насыпи (рис. 83).

Погребение 1-е. В центре насыпи, на глубине 50 см кости ребенка младенческого возраста. Вследствие плохой сохранности костей положение скелета не определено. Дно могилы посыпано красной краской. Остатки костей также имеют следы краски.

Погребение 2-е. В западной

половине насыпи прямоугольно-удлиненная грунтовая яма. Длина ямы—2,2 м, ширина—1,5 м, глубина—2,3 м. Могила ориентирована по длине с запада на восток, сверху прикрыта накатником из дубовых плах, положенных поперек ямы. Сверху поперечных положены продольные плахи, заходящие также концами за края ямы на 50—60 см.

Диаметр плах (сохранившихся гнилушек)—до 30 см. На глубине 1,5 м могила врезается в слой песка.

На дне ямы—скорченный костяк женщины средних лет, на левом боку, головой на восток, ноги сильно согнуты, бедра расположены под прямым углом к туловищу, правая рука согнута в локте под прямым углом, левая вытя-

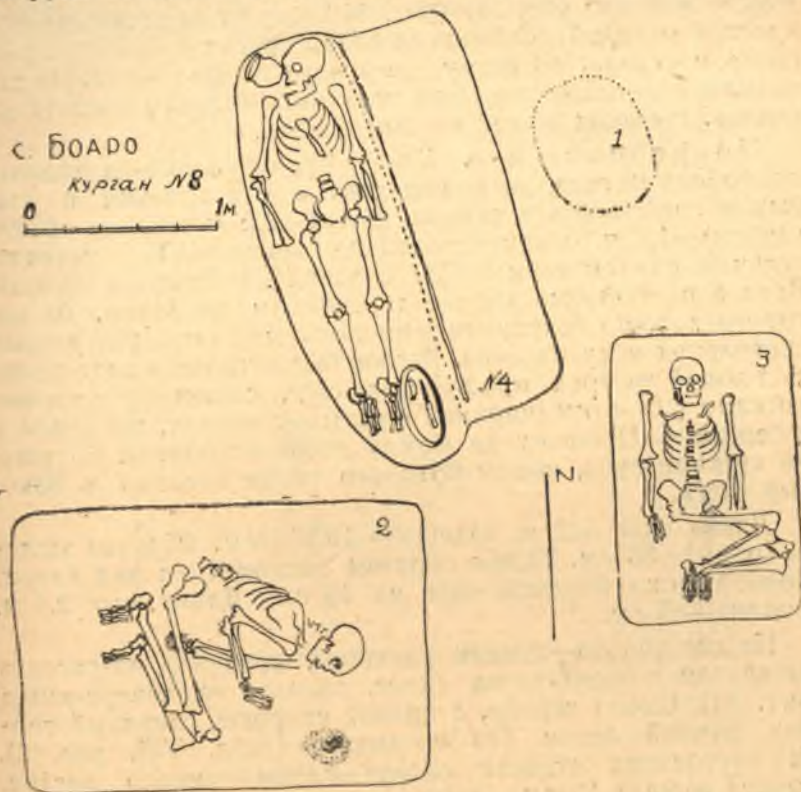

Рис. 84.

План расположения погребений в кург. № 8.

нута и кистью положена между бедрами на таз (рис. 84). Перед лицом лежал кусок красной краски. Череп и ступни ног густо посыпаны красной краской. Никаких вещей не обнаружено.

Погребение 3-е—расположено на расстоянии 1 м от погребения № 2, с восточной стороны. Могила прямоугольной формы, с закругленными углами 1,5 м в длину,

90 см в ширину, 1 м в глубину. Ориентирована по длине СЮ. Сверху перекрытие из тонких дубовых плах, положенных поперек ямы.

На дне костяк женщины лет 18—20, на спине головой к северу. Руки вытянуты вдоль туловища, ступни ног параллельно друг другу, ноги согнуты в коленях и упали вместе в левую сторону (рис. 84). Костяк посыпан красной краской (мумией). Сплошным слоем краски покрыты череп, грудь и ступни; по всему дну также следы краски. На дне могилы остатки от крупной травянистой (камышовой) подстилки. Никаких вещей не обнаружено.

Погребение 4-е. Узкая прямоугольно-удлиненная подбойная могила, расположенная между третьим и вторым погребениями к северу. Длина—2,2 м, ширина—60 см, глубина—1,2 м, ориентирована по линии СЮ с незначительным отклонением к СЗ. С западной стороны подбой. Вход в подбой был закрыт деревянным заслоном, от которого хорошо сохранились продольные слепы, поперечные скрепления и куски луба. Заслон был устроен в виде рамы, состоящей из трех продольных слеп, связанных тонкими досками (10—8 см ширины) в четырех местах, по краям и в середине. Промежутки между досок заполнены большими кусками луба, концы которого также вделаны в боковые слепы.

Длина слеп — 2 м, толщина—10×6 см. Ширина заслона (рамы)—85 см. Таким образом заслон имел вид двери. Подбой ниже входной ямы на 15 см. Длина его 2,4 м, ширина—65 см.

На дне подбоя—костяк женщины, среднего возраста в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад (рис. 84). Около черепа, с правой стороны, глиняный горшок, ручной лепки без орнамента (табл. VIII, рис. 2). На внутренних стенках сосуда следы темного нагара. Высота горшка 15 см, диаметр по верхнему краю—15 см, диаметр дна—7 см. В ногах, с левой стороны, стояла лубочная, плоскодонная коробочка удлиненно-овальной формы. Длина ее—37 см, ширина—18 см, высота стенок—12 см.

В коробочке лежала бронзовая фибула с широкой спинкой и железный нож с деревянной ручкой, прекрасно сохранившийся. Длина ручки—13 см, лезвия—10,5 см, на дне коробочки следы темного тлена. Кости покойника хорошей сохранности.

Расположен в южном конце группы. Плоская насыпь, диаметр—18 м, высота—60 см. Исследован прямоугольным раскопом, проложенным с востока на запад в центре насыпи размером 12×12 м. Раскоп был разделен на три прямоугольника, которые углублялись один за другим с перепадом почвы в отработанные траншеи и на боковые

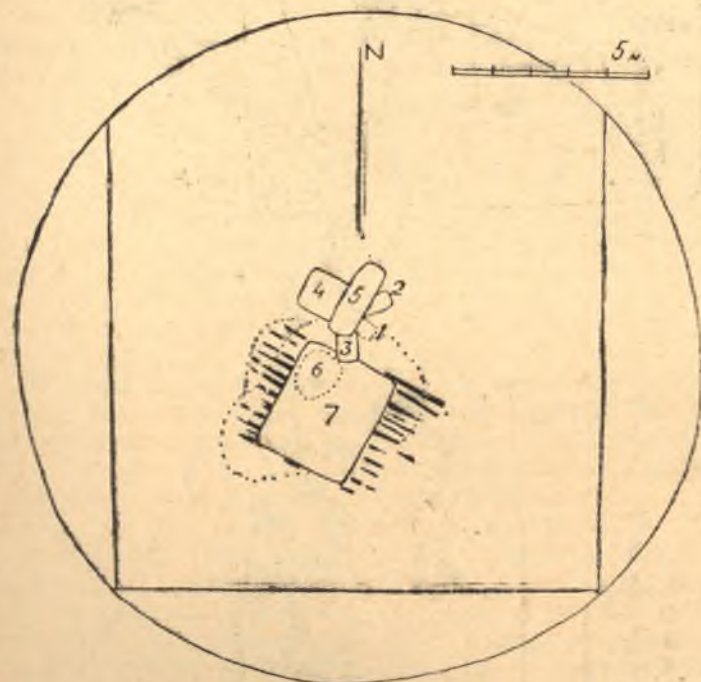

Рис. 85. План кургана № 9.

стороны. В насыпи кургана и в грунтовых могилах обнаружено всего семь погребений (рис. 85). Пять погребений находились в одной точке одно под другим. Из пяти погребений полностью сохранилось лишь одно—пятое погребение, разрушившее остальные четыре. Расположение погребений отчетливо позволяет установить хронологическую последовательность их захоронения. Описание погребений дается в порядке их расположения от поверхности вглубь (рис. 86).

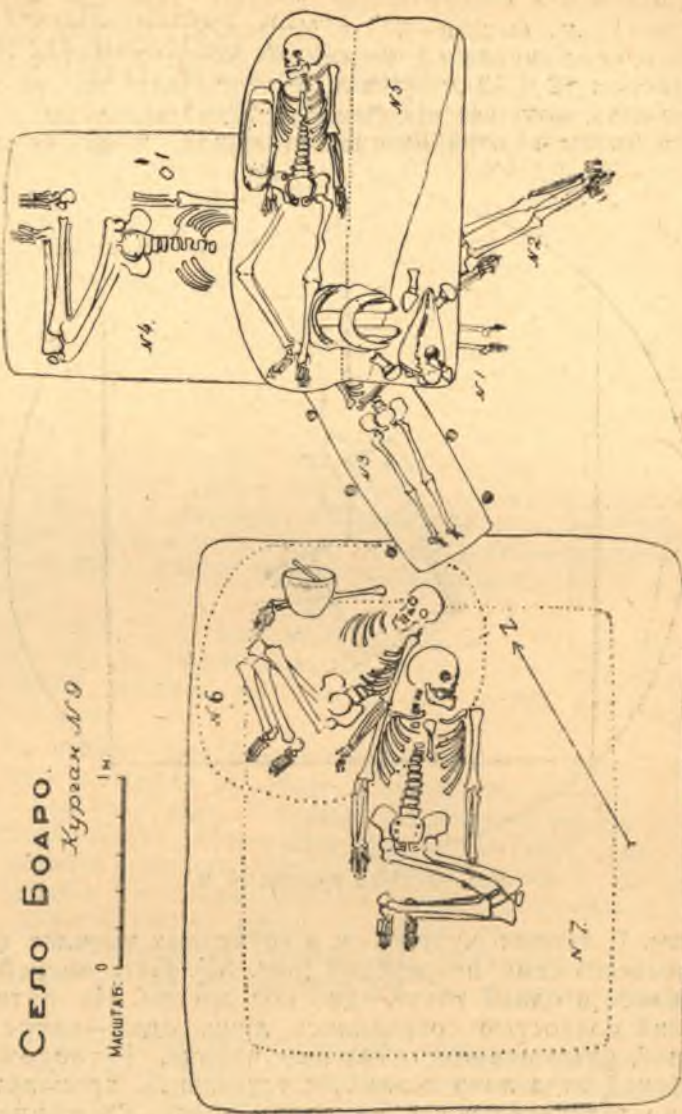

Рис. 86. Расположение погребений в кург. № 9.

Погребение 1-е. В центре насыпи, на глубине 30 см от вершины кургана обнаружены остатки скелета человека: берцовые (срезаны ниже колен) и ступни. Судя по костям, скелет принадлежал подростку и лежал на спине в вытянутом положении, головою на северо-запад.

Погребение 2-е. Расположено в насыпи кургана под первым погребением, на глубине 45 см от поверхности насыпи. Погребение частично разрушено; на месте оказались тазовые кости, часть правой руки и ножные кости. Туловище покойника было разрушено при устройстве подбойной могилы № 5, расположенной здесь же.

Скелет лежал на спине вытянуто, головою на запад.

Погребение 3-е. Расположено ниже первых двух погребений, с южной стороны. Могила прямоугольно-удлиненной формы, ориентированная с юга на север. Длина могилы—1,4 м, ширина—60 см, глубина—1,1 м от поверхности кургана. На дне неполный скелет подростка—отсутствуют череп, шейные и часть спинных позвонков и левая рука, остальные кости не повреждены.

Скелет лежал вытянуто на спине, головой на север, правая рука согнута в локте и кистью положена на живот. По краю могилы обнаружены столбики (по 3 с каждой стороны), расположенные друг против друга. Высота их 25 см, толщина—до 6 см в диаметре. Концы столбиков вбиты в грунт на 10—12 см. Столбики, видимо, поддерживали какое-то перекрытие над погребением.

Погребение 4-е. Могила расположена в грунте ниже описанных трех погребений с северо-западной стороны. Могила прямоугольной формы, ориентированная по линии юго-восток северо-запад. Длина могилы—1,65 м, ширина—1,25 м, глубина—60 см от древнего горизонта.

На дне—костяк взрослого человека, на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги скорчены, коленями упали на левую сторону. Скелет положен головою на юго-восток. Восточный край могилы срезан при устройстве пятого погребения. Часть костяка потревожена—отсутствовал череп, шейные позвонки, ключицы, лопатки и наполовину срезаны плечевые кости рук. На груди найдено три костяных подвески с поперечно-рубчатой поверхностью и каменная буса цилиндрической формы (рис. 87). Около локтя правой руки лежал продолговато-овальный каменный пест или терка, бронзовое четырехгранное шило длиной 6,5 см и бронзовый плоский наконечник дротика длиной 6,5 см (рис. 87). Кости плохой сохранности.

Погребение 5-е. Врезалось в первые четыре могилы, частично разрушив их (рис. 86). Узкая четырехугольная входная яма подбойной могилы. Длина ее—1,95 м, ширина—60 см, глубина в грунте—1,2 м. Могила ориентирована по линии СВ-ЮЗ.

Во входной яме, на глубине 60 см, горизонтальная ступень, которая пологим уступом опускалась ко дну подбоя.

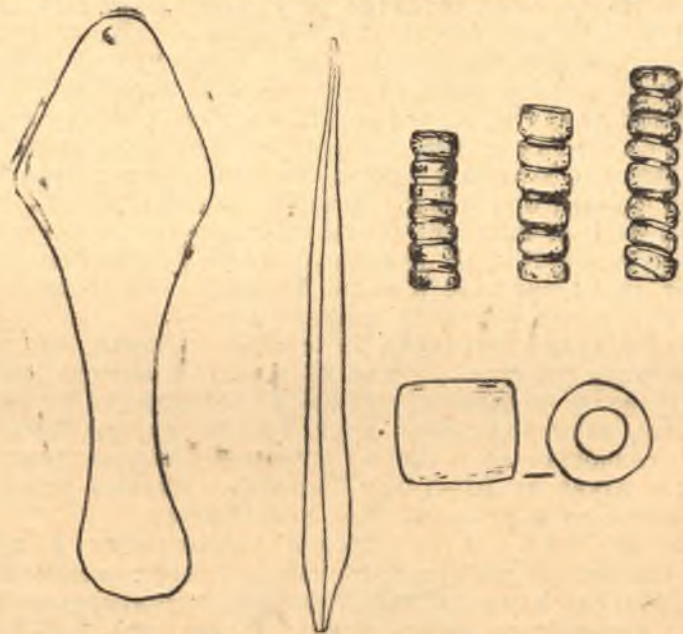

Рис. 87. Предметы из погребения № 4 в кург. № 9.

В юго-западном конце могильного входа, на ступеньке лежали кости лошади: голова (череп с нижней челюстью), четыре ноги, отрезанные с копытами в сочленении фаланг. Под черепом берцовая кость правой ноги лошади. Около черепа лежало седло, от которого полностью сохранились деревянные части (табл. IX). Передняя лука седла имеет дугообразную форму. По концам и в средней части луки имеются по два круглых отверстия, посредством которых лука с помощью ремня скреплялась с седлом. Задняя лука сделана из круглого куска дерева и имеет изогнутый вид. По концам и в средней части также расположены круглые отверстия для скрепления с седлом. В соответствующих

местах скрепления седла и луки также имеются круглые, тщательно просверленные отверстия. Общая длина седла достигает 60 см. Около седла найдена костяная пряжка с овальным кольцом и прорезью в середине. Один конец пряжки обломан (рис. 88).

Подбой устроен с северо-западной стороны, длина его равна входной яме, ширина 60 см высота—50 см. В подбое

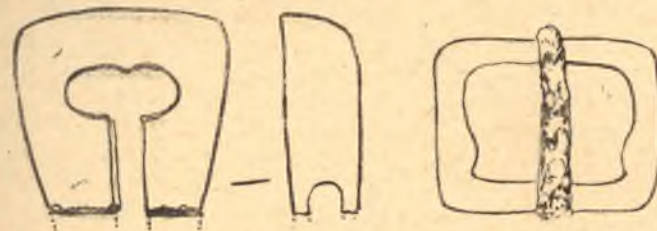

Рис. 88. Костяная и бронзовая пряжки из погребения № 5 в кургале № 9.

лежал костяк мужчины пожилых лет, на спине, в вытянутом положении. Правая нога согнута в колене и ступней упиралась на дно могилы, причем согнутость ноги сохранилась. Левая нога была сломана в бедре и вновь срослась, образовав характерное утолщение на месте слома кости. Череп деформирован. Рост костяка—1,65 м.

С правой стороны покойника, ниже плеча, стояла деревянная, корытообразной формы чаша, выдолбленная из целого куска дерева. На стенках чаши следы красной краски. Длина чаши—38 см, ширина—16 см, глубина—до 8 см. На животе обнаружена деревянная четырехгранная пластинка, просверленная в пяти местах. Длина ее—22 см, ширина—1,5 см, толщина—0,5 см. Назначение предмета не определено. На правой тазовой кости лежала бронзовая литая пряжка с железным язычком (рис. 88). На верхней стороне пряжки сохранились остатки холщевой ткани сероватого цвета. Под пряжкой кусок тонкой кожи. На костях и по дну могилы следы сгнившей цветной (зеленой) ткани и кожи.

Погребение 6-е и 7-е (основное). В южной части насыпи, ближе к центру, обнаружена четырехугольная грунтовая яма, ориентированная по длине ССВ на ЮЮЗ. Длина могилы—3 м, ширина—2,6 м, глубина—2,7 м. Вокруг могильной ямы, на древней поверхности лежал светложелтый песок-выкид из могилы, достигающий места-

ми 30—40 см толщины. С северной стороны выкид разрезан впускными могилами, показывающими, что эта могила является для данного кургана основной. Могила была покрыта двенадцатью толстыми дубовыми бревнами до 5 м длины, 40—50 см толщины; концы бревен заходили за край могилы на 1—1,5 м.

В засыпи основной могилы, в северо-западном углу, на глубине 60 см обнаружено впускное погребение № 6.

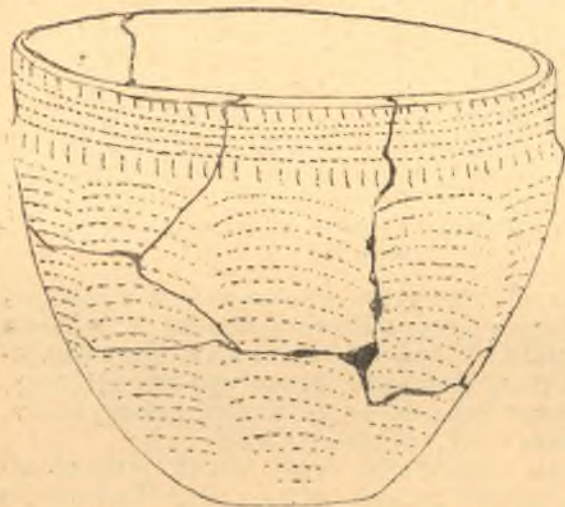

Рис. 89. Курган № 9, погребение 6.

(рис. 89). Поверхность горшка покрыта красной краской, стенки сверху до дна покрыты орнаментом из продолговатых вдавлений мелкого гребенчатого штампа. Высота горшка—15 см, диаметр по верхнему краю—19 см, дно—8 см. В горшке находилась ножная кость овцы. Левая сторона скелета опустилась вниз, в засыпку большой могильной ямы, левая рука, тазовые кости оказались лежащими на 15 см ниже остальных костей. Такое положение скелета позволяет заключить, что данное погребение совершено после того, как перекрытие основной могилы уже обрушилось, но земля в могильной яме не получила еще окончательной осадки.

Ниже впускной могилы—основная могильная яма на глубине 1,4 м врезается в слой чистого светложелтого песка и отвесные стенки ее постепенно переходят в поло-

Скелет женщины средних лет лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты коленями на правую сторону. Ориентирован головою на северо-восток. Кости покойника, особенно череп и ступни, покрыты красной краской. Под скелетом также отмечены следы краски. С правой стороны, ниже плеча, лежал глиняный горшок с низким горлом

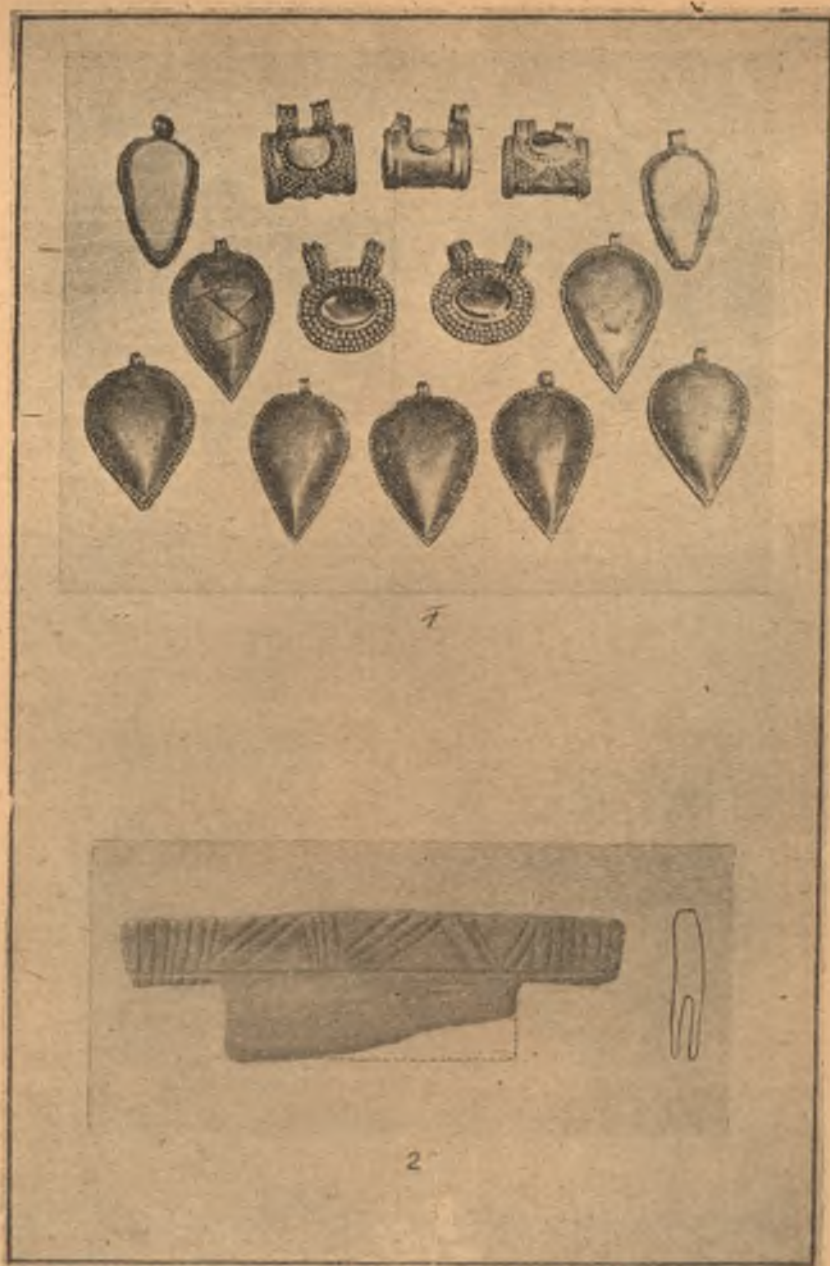
гие. На дне могильная яма имеет меньшие размеры; длина—2,3 м, ширина—1,9 м. Над покойником большое количество дерева от обвалившихся бревен перекрытия. Упавшие сверху четыре бревна, размером до 1,5 м в длину, до 50 см в толщину стояли вертикально у восточной стенки. На дне—костяк взрослого человека (мужчины) лежал на спине, головою на ССВ. Руки вытянуты вдоль туловища, согнутые в коленях ноги упали на левую сторону. Ступни—параллельно друг другу. На груди, ниже подбородка, два зуба какого-то животного. Череп и ступни ног покрыты слоем красной краски. Вокруг скелета по дну могилы также заметны следы краски. Под костями слой темного перегноя, вероятно, подстилка из травы. Череп и кости сохранились плохо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баллод, Ф. В. Приволжские помпы, М.-П. 1923.
2. Граков, Б. Н. Monuments de la culture scythique entre la Volga et les monts Oural. ESA, Т. III, 1928.
3. Артамонов, М. И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. „Советская археология“, Т. VI, 1940, стр. 161.
4. Дебев, Г. Ф. Материалы по палеоантропологии СССР. „Нижнее Поволжье“. Антрополог. журнал, № 1, 1936.
5. Rau, P. Neue Funde aus Hockergräbern des Wolgagadeutschen Gebiets, ESA, IV, 1929, стр. 41.
6. Rau, P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagade, Mittell. d. Zentralmuseums, Heft 1, 1929.
7. Рыков, Р. Die Chvalynsker Kultur, ESA, Т. I, 1927.
8. Rau, P. Hockergräber der Wolgasteppe, Pokrowsk, 1928.
9. Артамонов, М. И. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костями. Пробл. истории докап. общ. № 7—8, 1934.
10. Круглов, А. П. и Подгаецкий, Г. В. Родовое общество степей Восточной Европы. Известия ГАИМК, вып. 119, 1935.
11. Сальников, К. В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки. Материалы и исследования по археологии СССР. Т. I, 1940.
12. Граков, Б. Н. Указ. работа ESA Т. III, стр. 54, рис. 41.
13. Бернштам, А. Н. Кенкольский могильник. Археол. экспед. Эрмитаж, вып. II, 1940 г. табл. XXIII и др.
14. Ростовцев, М. И. Курганные находки Оренбургской обл. Матер. по археолог. России, вып. 37.
15. Граков, Б. Н. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбург. уезда по раскопкам 1927 г. Труды секции арх. РАНИОН. Т. IV, 1928 г.
16. Сальников, К. В. Сарматские курганы близ г. Орска. Матер. по археолог. СССР. Т. I, 1940 г.
17. Дмитриев, П. А. и Сальников, К. В. Отчет Уфимской экспедиции. Археолог. исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. стр. 131.

18. Рау, Р. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Mitt. d. Zentralmuseum, Heft 1, 1929. см. стр. 38. Т. XXII.
19. Ростовцев, М. И. Курганные находки Оренбургской области. Матер. по археолог. России, вып. 37 табл. IV, рис. 3, 4, стр. 18.
20. Сииницын, И. В. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. Советская Археология. Т. VIII, 1946 г.
21. Динцес, Л. А. Изучение русского народного искусства и наследие Н. Я. Марра. Краткие сообщения ИИМК, вып. XII, 1946 г., стр. 141, 154.
22. Граков, Б. Н. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. Вестн. Центр. музея Казахстана, № 1, 1930 г., стр. 70—71.
23. Дебец, Г. Ф. Материалы по палеоантропологии СССР, Нижнее Поволжье, Антропологический журнал, № 1, 1936, стр. 73—80.
24. Отчет Импер. археолог. комиссии за 1898 г, стр. 133—142.
25. Рау, Р. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga, Mittell. d. Zentralmuseums, Heft 1—2, 1927, стр. 46—47.
- Его же. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Mittell. d. Zentralmuseums, Heft 1. стр. 33—35, рис. 27—Е, F.
26. Жиров, Е. В. Об искусственной деформации головы. Краткие сообщения ИИМК, вып. VIII, 1940 г.
27. Рау, Р. (25), (раскоп. 1926 г.) стр. 51—52, рис. 44.
28. Приступа, А. А. Растительные остатки из сарматского сосуда. Известия Ростовского музея, вып. II, 1940 г.
29. Руденко, С. И. и Глухов, А. Могильник Кудырге на Алтае. Материалы по этнографии. Т. III, вып. 2, 1927 г.
30. Смирнов, А. П. Очерки по истории древних Булгар. Труды Гос. истор. музея, вып. XI, 1940; его же. О возникновении государства Волжских болгар. Вест. древ. истории, 2(3), 1938, стр. 109—110.
31. Смирнов, А. П. Очерки по истории древних Булгар. Труды Государ. историч. музея, вып. XI, 1940, стр. 71 и сл.
32. Минаева, Т. М. и Рау, П. Д. Отчет об археолог. разведках по р. Торгуну в 1924 г. Труды Нижн.-Волжск. обл. общества краеведения, вып. 35, ч. 1-я 1926 г., стр. 17, 18.
33. Сииницын, И. В. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья. Сб. Нижне-Волжского краевого музея, Саратов, 1932 г.
34. Артамонов, М. И. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками. Проблемы истор. докап. обществ. № 7—8, 1934 г., стр. 114—115.

1

2

3

1

2

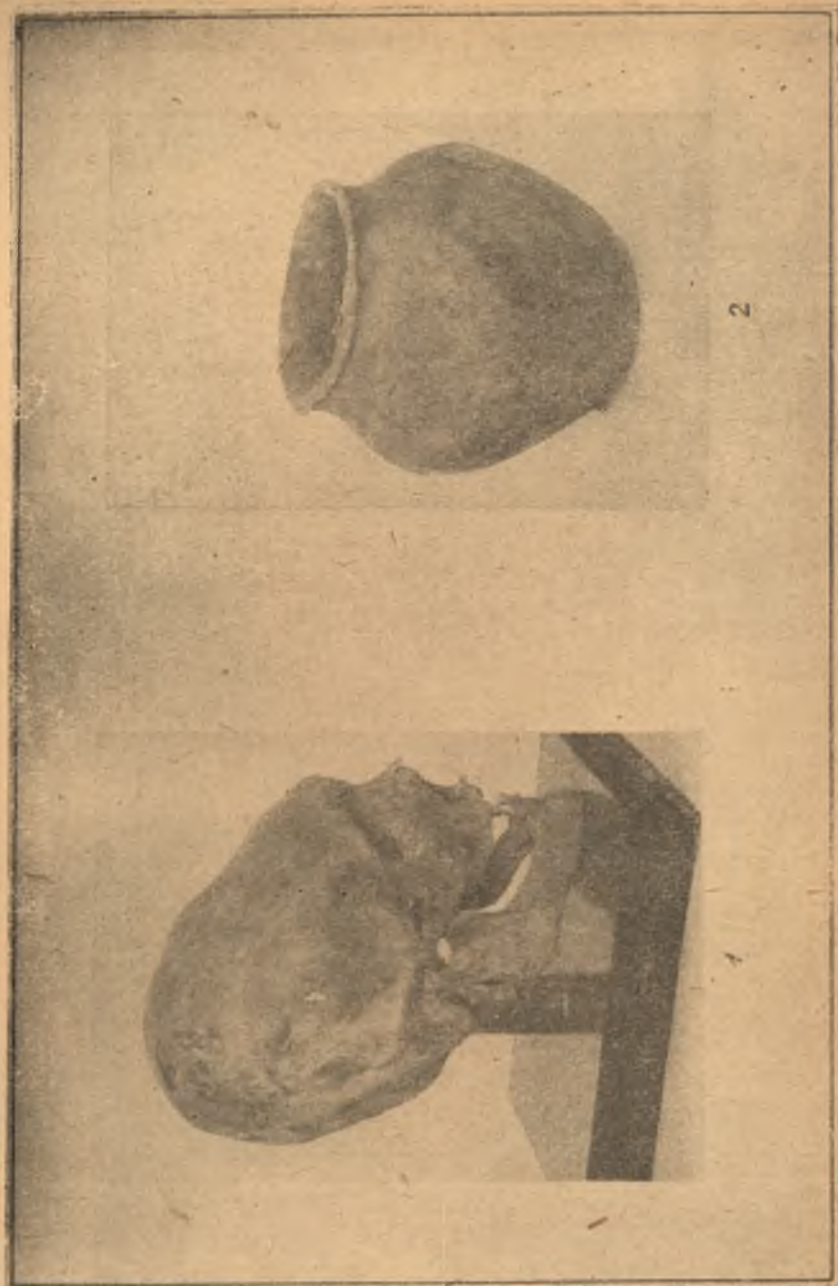

3

4

СПИСОК ТАБЛИЦ

Таблица I

- Рис. 1. Глиняный сосуд из кургана F 8. 1/3 н. в.
Рис. 2. Глиняный сосуд из кургана F 15. 1/3.
Рис. 3. Глиняный сосуд из кургана F 12. 1/5.
Рис. 4. Глиняный сосуд из кургана F 12. 1/3.

Таблица II

- Рис. 1. Золотые подвески из кургана F 16. 1/1.
Рис. 2. Костяное навершие гребня из кургана F 18.2. 1/1.

Таблица III

- Рис. 1. Красноглиняный сосуд из кургана F 16. 1/6.
Рис. 2. Глиняный кувшин из кургана F 16. 1/5.
Рис. 3. Бронзовое зеркало из кургана F 16. 1/3.
Рис. 4. Глиняный сосудик из кургана F 16. 1/3.

Таблица IV

- Рис. 1. Глиняный сосудик из кургана G 5:1. 2/3.
Рис. 2. Глиняный сосуд из кургана G 18:2. 1/3.
Рис. 3. Глиняная плочка из кургана G 18:2. 1/3.

Таблица V

- Рис. 1. Глиняный сосуд из кургана G 2:4. 1/4.
Рис. 2. Глиняный сосуд из кургана G 2:5. 1/6.
Рис. 3. Глиняный сосуд из кургана G 2:5. 1/6.
Рис. 4. Глиняный сосуд из кургана G 7:3. 1/4.

Таблица VI

- Рис. 1. Костяной предмет из кургана G 5:8. 2/3.
Рис. 2. Бронзовые дротники из кургана G 5:8. 2/3.
Рис. 3. (1)—костяное навершие гребня из кургана G 5:3. 2/3;
(2)—костяная пряжка из кургана G 5:12. 2/3.
Рис. 4. (1)—костяной предмет из кургана G 5:12. 2/3;
(2)—костяной предмет из кургана G 5:11. 2/3;
(3)—бронзовый предмет из кургана G 5:1. 2/3.

Таблица VII

- Рис. 1. Глиняный сосуд из кургана № 4, погр. 3. 1/3.
Рис. 2. Глиняный сосуд из кургана № 6, погр. 2. 1/5.
Рис. 3. Глиняный сосуд из кургана № 7, погр. 1/5.
Рис. 4. Глиняный сосуд из кургана № 6, погр. 2. 1/4.

Таблица VIII

- Рис. 1. Деформированный череп из кургана № 3.
Рис. 2. Глиняный сосуд из кургана № 8, погр. 4. 1/4.

Таблица IX

- Рис. 1. Деревянное седло из кургана № 9, погр. 5.

И. В. СИНИЦЫН

ДРЕВНИЕ ПАМЯТНИКИ В БАССЕЙНЕ ИРГИЗА ПО РАСКОПКАМ 1938—1939 гг.

(Предварительное сообщение)

Археологические исследования, проводившиеся в последние годы в Нижнем Поволжье, внесли существенные изменения в наши представления о времени заселения этой территории, а также уточнили основные категории археологических памятников. Среди многочисленных археологических памятников, обнаруженных в пределах Нижнего Поволжья, особо важное значение имеют поселения родового общества бронзовой эпохи.

Еще в дореволюционное время А. А. Спицын, положивший начало научного изучения археологических памятников Поволжья, писал: „Нигде в России не обнаружено столько стоянок медного века, как в Саратовской губернии. Исследование их обещает дать богатейший материал“¹. К сожалению, планомерного археологического изучения поселений Поволжья почти не производилось. Эта важнейшая категория памятников в изучении родового общества степей Юго-Востока не пользовалась должным вниманием со стороны археологов, изучавших Нижнее Поволжье. Интересы археологических исследований до недавнего времени сводились, главным образом, к накоплению вещей из курганных погребений или могильников. Обнаруженные поселения подвергались лишь поверхностному обследованию, часто без применения даже разведочных раскопок и каких-либо описаний. Вследствие этого характеристика большинства поселений основана только на подъемном материале, состоящем преимущественно из черепков посуды и случайно собранных предметов.

В процессе изучения родового общества бронзовой эпохи Нижнего Поволжья обнаружилось, что материалы, добытые исследованиями прошлых лет, оказались далеко недостаточными в разрешении ряда вопросов изучаемого общества. В связи с этим явилась необходимость проведения более широких полевых исследований мест поселения. С этой целью кафедрой археологии исторического факультета Саратовского государственного университета совместно с Саратовским областным музеем в 1938—1939 гг. были организованы археологические работы в Заволжье, в бассейне Большого Иргиза и р. Камелик, в пределах Саратовской области*.

Район междуречья Б. Иргиза и Камелика по характеру рельефа является продолжением Общего Сырта, обладающего здесь большим расчленением. Целый ряд небольших речек и крутых долов пересекает главный водораздел на многочисленных сырты. Характерной особенностью в устройстве поверхности этого района является хорошая работанность широких долин рек. Как правило, правая сторона рек имеет высокие и местами крутые берега, левая сторона ограничивается пологими склонами. Левобережная пойменная полоса иногда занимает большое пространство. Так, например, пойма Б. Иргиза местами доходит до 5—8 км в ширину. Часто на второй надпойменной террасе расположены поселения бронзовой эпохи. В долинах рек местами встречается лес, расположенный в виде незначительных массивов.

Археологическими исследованиями установлено, что в этом районе Заволжья встречаются самые разнообразные памятники. По берегам Иргизов, Камелика, Чалыклы зарегистрировано большое количество курганов и свьше ста мест поселений бронзовой эпохи, расположенных на высоких берегах стариц или на надпойменных террасах.

Впервые район бассейна Иргизов был обследован путем рекогносцировочных разведок и раскопок А. И. Тереножкиным и К. И. Журавлевым. В период с 1923 по 1927 гг. ими было зарегистрировано и частично обследовано несколько поселений бронзовой эпохи. Наши раскопки 1938—1939 гг. были сосредоточены на изучении памятников в районе с. Максютово Клинцовского района и близ с. Усленки Пугачевского района, на правом берегу Б. Иргиза.

* В работах принимали участие студенты исторического факультета СГУ А. П. Васильчук, В. И. Калочников, Б. В. Муравлянский, Ф. Ф. Самсонов, В. Н. Шеметов и директор Пугачевского музея К. И. Журавлев.

Основное внимание при этих работах было обращено на раскопки мест поселений. Параллельно с этим велись обследования и других археологических памятников. В результате этих исследований получен весьма полноценный материал, характеризующий культуру бронзовой эпохи и более позднего времени.

С. Максютово, р. Камелик

Район с. Максютово был детально обследован нами в 1938 году. Работы проведены по берегам рр. Камелик и Чалыклы, при их слиянии. Здесь исследовано поселение бронзовой эпохи, раскопано 8 курганов, давших 27 погребений разного времени.

Основная работа была сосредоточена на исследовании поселения, расположенного на высоком правом берегу р. Камелик, в 2 км к юго-востоку от с. Максютово. В этом месте р. Камелик делает крутой поворот благодаря чему правый берег сильно размывается во время половодий. На месте расположения поселения разрушение берега усилилось в недавнее время и идет большими обвалами и осыпями. Поселение частично разрушено обвалом берега реки. Сохранившаяся часть имеет протяженность до 150 м вдоль берега и до 70 м в глубину берега. С двух сторон поселение ограничено небольшими оврагами.

На поверхности поселения никаких признаков культурных остатков не было заметно. При раскопках различные предметы попадались непосредственно под растительным слоем. Глубина залегания культурного слоя доходила до 30—40 см, а степень его насыщенности весьма незначительна. Лишь изредка встречались обломки глиняной посуды, кости животных. На поверхности также не было заметно признаков жилищ. Две землянки, вскрытые нами в процессе исследования поселения, были обнаружены благодаря обвалам и осыпям берега реки. При исследовании всей площади поселения путем контрольных траншей других жилых комплексов не обнаружено. Весьма вероятно, часть землянок (две или три) могла быть разрушена интенсивным размыванием береговой линии во время половодий. Обнаруженные землянки находились на краю берега, на расстоянии 80 м друг от друга.

Первая землянка, расположенная с южной стороны поселения, была хорошо заметна в обрыве берега в жел-

тоглинистом грунте, заполненном темнотолстым слоем земли, черепками посуды и обломками костей животных. В плане она имела форму удлиненного прямоугольника, ориентированного длинной стороной по линии В—З с незначительным отклонением по линии ЮВ—СЗ. Длина землянки равнялась 9 м, ширина—6 м, глубина от современной поверхности—1,2 м.

Землянка была выкопана в глинистой почве и имела хорошо сохранившиеся отвесные стенки. Юго-западный угол ее несколько разрушен обвалом берега; с южной стороны, ближе к юго-восточному углу, примыкало широкое (до 2,5 м) углубление в виде пологой покатости, представлявшей собой вход в землянку; с противоположной стороны, ближе к северо-восточному углу, также примыкало углубление в виде прямоугольника размером 2×2,5 м и глубиной 95 см. Дно этого углубления было выше пола землянки на 25 см и сплошь заполнено зольной массой. На полу землянки около этого углубления также была сосредоточена зольная масса и небольшие камни, подвергавшиеся действию огня. Назначение этого углубления остается неясным. Аналогичное углубление, помимо основного входа в землянку, было обнаружено в одном из жилых сооружений известного поселения, раскопанного Донской экспедицией ГАИМК близ хут. Ляпичева. В предварительном отчете о результатах исследований указанного поселения М. И. Артамонов отмечает, что такое углубление могло служить вторым входом в жилище². Возможно, в нашей землянке это углубление (учитывая наличие большого количества зольной массы, обожженных камней) служило местом расположения очага с устройством в крыше отверстия для вытяжки дыма. Такое устройство очага близ стены на уступе, было обнаружено в землянке, раскопанной О. А. Кривцовой-Граковой³.

В конструкции данного сооружения необходимо отметить наличие земляных нар, расположенных от входа вдоль южной стороны. Нары имели вид ровной площадки длиной 3 м и шириной 2,5 м. Высота стенок—30 см. Несмотря на плотность глиняного грунта, стенки нар местами имели покаты вид. Пол землянки имел ровную поверхность и лишь в центре жилища отмечено незначительное углубление. В полу землянки, около восточной стенки, в середине обнаружена ямка до 25 см в диаметре и до 30 см глубиной. Эта ямка являлась местом столба, поддерживавшего перекрытие. Судя по размерам землянки, можно предполагать

наличие не менее трех таких столбов. Расположение столба в середине землянки, по длине ее оси, позволяет заключить, что над землянкой была возведена двускатная крыша. Остатки перекрытия в виде коры, мелкого хвороста, тонких бревен в большом количестве были обнаружены на полу землянки.

В культурном слое, заполнявшем землянку, на разной глубине встречались бытовые остатки—черепки посуды, кости животных и другие предметы. На полу найдено несколько створок раковин *Unio pictorum* Lin.*, обломки черепа человека (4 обломка) и метакарпальные кости (2 экз.).

Из бытовых предметов на первом месте стоит керамический материал. Всего в землянке было найдено около 1500 черепков от различных глиняных сосудов. Преобладающим типом являются сосуды среднего размера баночной и острореберной форм. Вместе с тем встречаются фрагменты больших сосудов-корчаг до 50 см высоты. Исключение составляют сосудики баночной формы миниатюрных размеров—5—6 см в диаметре и такой же высоты. Аналогичные сосудики встречаются в курганных погребениях поздне-бронзового времени, а также обнаруживаются в материалах ранних городищ Нижнего Поволжья.

Отличительной особенностью керамики является ее орнаментация. В большинстве своем верхняя часть горшков как баночной, так и острореберной формы покрыта резным и чеканным орнаментом в сочетании разнообразных комбинаций. Черепки острореберных сосудов все без исключения покрыты орнаментом, состоящим из отдельных косых параллельных линий, расположенных по плечикам сосудов. Наиболее распространен чеканный орнамент в виде косых линий и разнообразных подтреугольных вдавлений, нанесенных простой палочкой. Значительная часть черепков орнаментирована оттиском гребенчатого штампа. Поверхность некоторых сосудов баночной формы внутри и снаружи имеет следы сглаживания как бы пучком травы, вследствие чего на стенках получают глубокие штрихи, параллельно опускающиеся сверху вниз. Керамика Максютковского поселения имеет многочисленные аналогии среди памятников позднего периода бронзовой эпохи Нижнего Поволжья.

Особое место среди керамических изделий занимают глиняные плоские накрышки для сосудов (рис. 1). Размеры

* Определение раковин было сделано А. Г. Эберзине.

их большей частью до 20 см в диаметре, более крупные имеют 25 см, толщина — от 1,5 до 2 см. На некоторых экземплярах имеются глиняные дугообразные ручки, некоторые в центре снабжены двумя дырочками для продевания в них ремня или тальника, служившего в качестве ручки. Всего таких накрышек (в обломках) найдено 35 экземпляров.

Рис. 1. Глиняные накрышки для сосудов. Около 3/4 н. в.

Аналогичные глиняные накрышки известны в находках на поселениях бронзовой эпохи Заволжья, обследованных А. И. Тереножкиным и К. И. Журавлевым, а также хвалынских селищ, т. е. поселений той же срубной культуры, обследованных В. Ф. Ореховым в районе г. Хвалынска. На находки подобных глиняных накрышек указывает М. Е. Фосс, обнаруженных при раскопках поселения бронзовой эпохи у с. Лукьяновки, Старо-Оскольского района, Курской области⁴.

Среди бытовых предметов в землянке было найдено два пряслица: одно из них вылеплено из глины и имело цилиндрическую форму с горизонтальным основанием. Диаметр пряслица равняется 4,2 см, высота — 1,7 см. Подобные пряслица известны не только среди памятников срубной культуры Поволжья и соседних областей⁵, но встречаются в находках ранних городищ Нижнего Поволжья.

Второе пряслице (фрагмент) изготовлено из плотного камня-песчаника, с плоским основанием, полукруглой поверхностью и начатым, но не законченным, сверлением. Диаметр — 4,5 см, высота — 2 см.

Из костяных орудий домашнего быта найдены „тупики“, игла, кочедыки и другие предметы. Наиболее типичными являются „тупики“, сделанные из челюсти животных. Всего найдено 7 экземпляров (в облатках). Подобные тупики являются нередкой находкой на поселениях поздне-бронзовой эпохи, в границах распространения срубно-хвалынской культуры. Для обработки кожи и шкур применялись костяные „скобели“, сделанные из ребра крупного животного. Рабочий край инструмента от продолжительного пользования заполирован. Всего было найдено 4 экземпляра. В качестве кочедыков могли служить костяные предметы, с округлым, хорошо заполированным концом. Делались они из ребра животных — коровы. Размеры их имеют от 12 до 15 см в длину. Все шесть экземпляров, найденных в землянке, приблизительно одинакового размера. Назначение некоторых предметов, найденных здесь, остается не совсем ясным. К ним относятся три тонких пластинки, имевшие клювовидную форму. Делались они из лопаточной кости или ребра крупных животных. Возможно, они могли быть использованы для снятия шкуры с животного.

Из костяных предметов особой отделкой отличается игла, сделанная из трубчатой кости животного. Длина ее 10 см. От острого рабочего конца игла имеет постепенное утолщение стержня, круглого в поперечном сечении. Ушко вырезано или продолблено тонким инструментом. Поверхность иглы тщательно полирована.

Костяные иглы, употреблявшиеся при шитье меховой одежды, имеют широкое распространение и территориально и во времени. Однако среди памятников срубно-хвалынской культуры Нижнего Поволжья находки аналогичных костяных игл мы указать не можем. В курганных погребениях этого времени хорошо известны прекрасные образцы бронзовых игл, употреблявшихся при шитье одежды из тканей.

Среди предметов хозяйственного назначения, изготовленных из камня, найдены: две зернотерки (в обломках), обломок плоской песчаниковой точилки с одной рабочей стороной, упомянутый выше обломок каменного пряслица, обломок (лезвие) диоритового топора с лопастью. Аналогичные топоры—ладьевидные и лопастные—встречаются в курганных погребениях бронзовой эпохи Нижнего Поволжья и хорошо известны на территории, занимаемой культурами, синхроничными срубно-хвалынской. Следует отметить почти полное отсутствие среди находок предметов из бронзы. Единственной находкой из бронзы оказалась небольшая (длиной 5 см) четырехгранная пластинка в виде шила. Вместе с тем, на полу землянки были обнаружены шлаковидные куски.

В землянке и непосредственно около нее найдено большое количество (свыше 1000) костей животных. Несмотря на то, что значительная часть находок состоит из трудно-определяемых и мелкодробленых костей, все же определение материала, произведенное Е. И. Беляевой, позволило выявить состав животных, принадлежащих преимущественно домашним видам. Ниже приведенная сводка отчетливо определяет видовой состав животных и их количественное соотношение.

Вторая землянка расположена также на краю берега и находилась на расстоянии 80 м к северу от первой. Никаких внешних признаков она не имела и была обнаружена обвалом размываемого берега. Размеры ее сохранились полностью. В плане землянка имела прямоугольную форму и ориентирована короткими сторонами по линии С-Ю. Длина ее по линии С-Ю—6 м, по линии В-З—8 м, глубина от современной поверхности—90 см. В отличие от первой землянки, стенки имели более оплывший вид. С южной стороны к центру землянки примыкало несколько покатое углубление, служившее входом. Это углубление имело до 2 м ширины. Пол землянки ровный. После тщательной зачистки пола никаких признаков столбов обнаружено не было. Среди вещественных остатков, встреченных в заполнении жилой ямы, преобладают черепки глиняной посуды, кости животных. Насыщенность культурного слоя, по сравнению с первой землянкой, значительно меньше. На всей площади раскопа землянки найдено около 150 черепков глиняной посуды, до 200 костей животных, обломки „тупиков“, сделанных из челюстей коровы (3 экземпляра), глиняные накрывки, несколько простых камней

без всяких следов обработки. Керамика повторяет тот же тип посуды, что и в первой землянке. Судя по количеству обнаруженных остатков, данная землянка по сравнению с первой была обитаема непродолжительно. В целом же комплекс бытовых остатков свидетельствует о сравнительно длительном обитании родовой группы людей на этом поселении, во всяком случае, продолжительность обитания может измеряться не одним десятком лет. Анализ материала позволяет определить время существования данного поселения и отнести его в круг памятников поздне-бронзовой эпохи степной полосы Восточной Европы. Это особенно хорошо подтверждается материалами аналогичного поселения, расположенного у с. Успенки и исследованного нами в 1939 году.

В процессе раскопок жилищ и поселения нами было обращено внимание на тщательный сбор остеологического материала. По определению Е. И. Беляевой, изучавшей материал с данного поселения, установлены следующие виды животных и их процентное соотношение:

Вид животного	Число костей	Число особей не менее	Число остатков в %	Число особей в %
Крупный рогатый скот	503	28	65,8	53,9
Мелкий рогатый скот	202	16	26,4	30,8
Лошадь	39	3	5,1	5,8
Собака	11	2	1,5	3,8
Барсук	5	1	0,7	1,9
Свинья	3	1	0,4	1,9
Тушканчик	1	1	0,1	1,9
Итого	764	52	100,0	100,0

При определении костного материала в сводку и подсчет не включены данные о ребрах, определение которых по фрагментам затруднительно. В общий подсчет также не вошли и „неопределимые“ обломки, которые составляют около 50% общего количества найденных костей.

Данная сводка, составленная на основании сравнительно небольшого, но хорошо изученного материала, позволяет сделать заключения не только о составе домашних животных, но и отметить значение скотоводства в хозяйстве населения конца бронзовой эпохи данного района.

Параллельно с исследованием поселения в районе Максютова, произведены раскопки курганов, расположенных по берегам рр. Камелика и Чалыклы. Раскопки курганов произведены в двух группах. Первая группа (из шести курганных насыпей), расположена на расстоянии 1 км к северо-востоку от поселения. Вторая группа (около 20 курганов) расположена на правом берегу р. Чалыклы, при ее впадении в Камелик. В той и другой группе раскопано по 4 кургана, содержащих погребения бронзовой эпохи, погребения сарматского и более позднего времени.

Наиболее древним оказалось одно погребение ямного типа, хорошо известного на территории Нижнего Поволжья. Оно обнаружено во второй группе (кург. № 1, погр. 1) в грунтовой могильной яме прямоугольной формы. Костяк погребенного положен на спине с поджатыми ногами коленями вверх, руки протянуты вдоль туловища, головой на восток. Ступни ног и череп сильно посыпаны красной краской.

Два погребения в грунтовых ямах (кург. № 1, погр. 1; кург. № 2, погр. 3-е; группа 1) хронологически относятся также к раннему времени бронзовой эпохи (позднеямные погребения). Могильный инвентарь их состоит из глиняных сосудов с „веревочным“ или мелкозубчатым орнаментом, каменных пестов и др. Характерным ритуальным моментом можно отметить присутствие красной краски.

Для характеристики родового общества бронзовой эпохи интересны погребения позднебронзовой эпохи, которые по времени непосредственно связаны с поселением, раскопанным в этом районе. Погребения (всего 6 могил из кург. № 2, № 3, группа 1) имеют однотипные грунтовые могилы. Скелеты положены на левом боку в скорченном положении головой на восток и сопровождалась глиняными сосудами баночной или острореберной формы, украшениями в виде височных подвесок, сделанных из желобчатой тонкой бронзовой пластинки, остатками пищи в виде костей коровы и др. В двух могилах (кург. № 3, погр. 3 и 4) находились парные погребения—мужчины и женщины, в том и другом случае костяки молодого возраста.

Обряд похоронения и характер могильного инвентаря позволяют признать, что данные погребения принадлежат одной родовой группе, жившей на поселении. Материалы курганных погребений и поселения весьма типичны для позднего периода эпохи бронзы и могут быть датированы как памятники конца 2-го и начала 1-го тысячелетий до нашей эры.

Наряду с памятниками эпохи бронзы в районе Максютова раскопано четыре кургана сарматской культуры. По характеру могильных сооружений и могильному инвентарю погребения представляют три типа: в прямоугольно-удлиненных могилах, в широких квадратных могилах и погребения в подбойных катакомбных могилах. Наиболее характерным признаком последнего типа погребений являются в большинстве случаев деформированные черепа.

Все погребения содержат сравнительно однородный могильный инвентарь, хорошо известный из многочисленных сарматских курганных погребений, открытых на территории Нижнего Поволжья. Различия в устройстве могильных сооружений и отягчительные особенности ритуала объясняются, по видимому, этнической принадлежностью погребенных.

В изучении истории Нижнего Поволжья более позднего периода интересно открытое погребение (кург. № 4, группа № 1), имевшее своеобразное надмогильное сооружение в виде квадратной оградки, выложенной из саманного кирпича. Внутри оградки находились две параллельные грунтовые могильные ямы. Над могилами помещалось большое скопление угля, золы, костей животных и птиц. В одной из могил помещался скелет мужчины, в другой—женщины. Скелеты положены на спине, головою на юго-запад. Никаких вещей в могилах не обнаружено. Аналогичные памятники известны в Нижнем Поволжье, в степях Приуралья и Западного Казахстана и хронологически определяются XV—XVI вв.⁶

Район с. Успенки и г. Пугачева, р. Иргиз

В 1939 году археологические работы проведены в районе с. Успенки на правом берегу Иргиза. Начатые в 1938 году раскопки поселения бронзовой эпохи у с. Максютова показали необходимость постановки более широких исследований памятников того времени. Поэтому основные работы 1939 года были сосредоточены на исследовании поселения бронзовой эпохи, расположенного на правом берегу р. Большого Иргиза, около с. Успенки, в 3 км к северо-востоку от г. Пугачева (см. план).

На поверхности поселения отчетливо заметны остатки жилых сооружений-землянок, в виде продолговато-овальных углублений, густо покрытых растительностью. Кроме

внешних признаков, две землянки обнаружены в обвале берега Иргиза. По этим обнажениям еще в 1928 году А. И. Тереножкиным произведены раскопки одной землянки, частично разрушенной обвалом берега.

Рис. 2.

В отчете о раскопках данной землянки указано, что сохранившаяся часть жилища представляет собой четырехугольную яму с вертикальными стенками до 1 м в высоту. Ширина землянки—7,3 м, длина, вследствие ее частичного

разрушения, не определена. Наиболее сохранившаяся северная стенка имела около 13 м. В землянке обнаружено большое количество черепков глиняной посуды, костей животных. На полу найдены бытовые предметы, песты, точила, терки и другие*.

В целях детального изучения жилых комплексов и всего поселения в целом, нами в 1939 году произведены более широкие раскопки, которыми установлены размеры данного поселения. Его протяженность вдоль берега составляет около 80 м. На такое же расстояние прослеживаются культурные остатки от берега в сторону степи. Однако, если принять во внимание, что береговая часть поселения смыта водой не менее чем на 20—30 м, можно признать, что первоначальная площадь поселения имела до 100 м в длину. Культурный слой поселения во всех горизонтах весьма слабо заполнен остатками костей животных, обломками глиняной посуды и другими предметами быта. Изредка культурные остатки встречаются на глубине 30—40 см, местами же они находятся непосредственно на поверхности.

Установлено, что на площади данного поселения было три землянки, приблизительно одинаковой конструкции и размеров. Жилища занимали центральную часть площадки и расположены близко одно от другого. Две землянки расположены ближе к берегу и частично разрушены, в следствие чего полные их размеры не определены.

Вторая землянка расположена рядом с первой**. Она хорошо заметна в обрыве берега, а на поверхности имелось незначительное углубление. В плане землянка имела форму удлиненного прямоугольника, ориентированного длинной осью по линии восток—запад, с незначительным отклонением на юго-восток и северо-запад. Юго-восточная часть землянки разрушена обвалом берега реки.

Сохранившаяся часть землянки имела следующие размеры: длина северной стенки—14 м, южная стенка сохранилась до 9 м в длину. Ширина землянки—9 м и глубина от современной поверхности—1,2 м. Вертикальные стенки имели 60—70 см в высоту. Пол был ровный и только в центре имел незначительное понижение. Отчетливых следов от перекрытия землянки не обнаружено. Не сохранился и вход, который был расположен в восточном конце

* Результаты раскопок А. И. Тереножкина не опубликованы. Отчеты и материалы раскопок хранятся в настоящее время в музее г. Пугачева.

** Первой мы называем землянку, раскопанную А. И. Тереножкиным.

и разрушен обвалом берега. Вдоль южной стенки находилось незначительное возвышение в виде нар до 30 см выше пола. Ширина этого возвышения—около 3 м, длина сохранившейся части—5,5 м.

На всей площади раскопа землянки, начиная с верхних слоев вплоть до пола, в разных местах встречались кости животных, черепки посуды. Такое залегание остатков можно объяснить, видимо, тем, что они в свое время были выброшены на крышу землянки и после ее разрушения оказались на разной глубине завала. На полу сосредоточена большая часть находок и значительное количество зольной массы.

В юго-западном углу землянки сохранились следы очага в виде зольного слоя до 10 см толщиной, около 2 м длиной и до 1 м шириной. Такой же зольный слой расположен в северо-западном углу, а зольные прослойки прослежены вдоль всей северной стенки. Между зольной массой и нарами, на полу землянки встречено значительное скопление черепков посуды, среди которых одна целая (раздавленная землей) корчага, высотой до 30 см. Здесь же найдены три каменные зернотерки (в обломках), два каменных песта терочника, костяные проколки, костяная рукоятка от четырехгранного бронзового шила. Из керамических изделий, помимо черепков посуды баночной и острореберной форм, найдены обломки плоских кружков—накрышек с отверстиями (двумя дырочками) в центре, обломок глиняного цилиндрического пряслица. На полу землянки обнаружено также большое количество створок раковин.

Наиболее полные данные были получены при раскопках третьей землянки, расположенной в центре поселения.

Третья землянка расположена к северу от второй на расстоянии 15 м. На поверхности она имела продолговато-прямоугольное понижение, достигающее в середине 35 см глубины. В плане землянка представляла собой прямоугольник, ориентированный длинными сторонами восток—запад с отклонением по линии юго-восток—северо-запад (рис. 3). Длина землянки—18 м (длина северной стенки достигла 18,5 м), ширина—8,5 м, наибольшая глубина не превышала 110 см от современной поверхности до пола. Стенки вертикальные высотой 50—60 см. Вход в землянку находился в восточном конце, имея вид наклонного спуска. С боковых сторон были расположены пристройки-выемки на одном уровне с полом; стенки их

также вертикальные. Выемка с северной стороны имела размер 5,5×3 м, противоположная ей—6,2×3 м. Эти пристройки, вероятно, служили для помещения скота. Таким

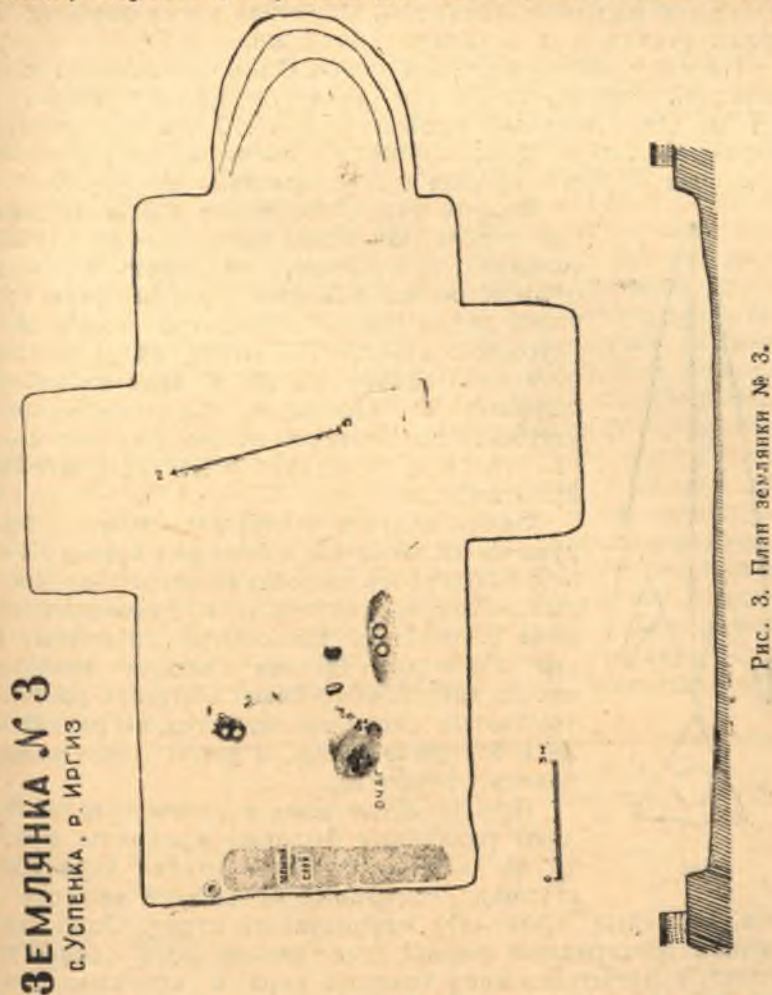

Рис. 3. План землянки № 3.

образом, общая площадь землянки составляла около 190 кв. м.

Центральная часть землянки заполнена черным перегноем, сверху до пола. Ближе к стенкам почва перемешана с золь-

ной массой. Пол на всей площади ровный и только в середине имел незначительное понижение. По всей площади раскопа встречались кости животных, черепки глиняной посуды и бытовые предметы. Основная масса находок сосредотачивалась в западном конце жилища.

На полу обнаружено два очага. Один расположен вдоль западной стенки, занимая в длину до 4,5 м, в ширину до 1,5 м. Этот зольный слой достигал 10 см толщины. В конце зольного слоя, ближе к северному углу, стояла глиняная корчага, врытая в пол землянки на 30 см.

Второй очаг расположен в 3 м от западной стенки. Он представлял собой незначительное углубление, заполненное сильно обожженными камнями. Под камнями грунтовая земля также обожжена докрасна на глубину 5—10 см. На месте очага найдены остатки медного литья в виде небольших шариков и бронзовых обломков металла, утерянных в процессе отливки на месте очага, что свидетельствует о местном литейном производстве.

Около очага и в стороне от него обнаружены остатки двух больших корчаг. В одной находилось несколько заготовок костяных наконечников стрел в различных стадиях обработки, расколотые трубчатые кости животных. Данная находка позволяет предполагать, что в таких корчагах разбитые трубчатые кости предварительно распаривались в горячей воде, а затем уже подвергались обработке.

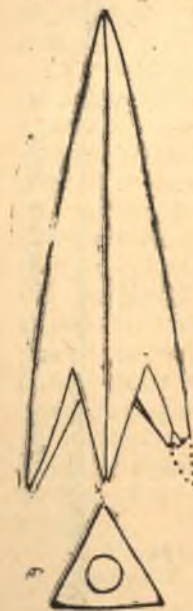

Рис. 4.

При зачистке пола в разных местах найдены различные бытовые предметы, орудия труда. Среди костяных орудий характерны „тупики“, сделанные из нижней челюсти коров, костяные проколки, наконечники стрел. Один наконечник трехгранной формы, так называемого „скифского типа“, с расходящимися концами пера и круглым отверстием (втулкой) для насадки на древко (рис. 4). Аналогичные костяные наконечники стрел хорошо известны в курганных погребениях эпохи бронзы Нижнего Поволжья. Среди предметов из глины следует упомянуть о находках обломков глиняных плоских кружков (крышки от сосудов) и двух глиняных пряслиц цилиндрической формы. Изделия

из камня представлены обломками каменных зернотерок. Среди вещественных остатков, встреченных в заполнении жилища и на полу, обнаружено также большое количество костей животных, створок речных раковин и черепков глиняной посуды.

Керамика Успенского поселения в основном представлена сосудами баночной и острореберной форм. Сосуды баночной формы чаще без всякого орнамента, некоторые имеют бедный орнамент в верхней части сосуда. Орнаментальные мотивы состоят из различных сочетаний треугольников, ромбов, параллельных косых или вертикальных линий. Сосуды острореберной формы отличаются тщательной отделкой поверхности и богатой орнаментацией. Орнамент в большинстве случаев расположен между венчиком и ребром, чаще выполнен гребенчатым или мелкозубчатым штампом. Посуда баночной и острореберной формы наиболее распространена и часто встречается в курганных погребениях срубно-хвалынской культуры Нижнего Поволжья. Особое место занимает посуда в виде крупных толстостенных горшков-корчаг от 30 до 40 см высотой и до 30 см в диаметре. Судя по тому, что корчаги врыты в пол землянки, можно признать, что они служили не только для варки пищи, но и для хранения запасов продовольствия.

Кости оказались принадлежащими преимущественно домашним животным, причем на первом месте стоит крупный рогатый скот. Е. И. Беляева, производившая определение костного материала с данного поселения, установила следующую видовой состав животных и их количественное соотношение:

Виды животного	Число костей	Число особей не менее	Число остатков в %	Число особей в %
Крупный рогатый скот	338	15	62,9	46,9
Мелкий рогатый скот	157	9	29,2	28,1
Лошадь	36	3	6,7	9,4
Собака	2	2	0,4	6,3
Бобр	1	1	0,2	3,1
Заяц	1	1	0,2	3,1
Байбак (сурок)	2	1	0,4	3,1
Итого	537	32	100,0	100,0

Данная сводка показывает, что наибольшее количество костных остатков относится к крупному и мелкому рогатому скоту. Как и на Максюттовском поселении, в общий подсчет также не вошли ребра и трудно определяемые кости. Однако, по замечанию Е. И. Беляевой, „неопределимые“ кости в большей своей массе принадлежат крупному рогатому скоту. Обращает также внимание и возрастной состав животных. Степень стертости зубов и характер некоторых костей указывают, что среди остатков, принадлежащих лошади, имеются такие, которые относятся к молодым животным — жеребят. Это замечание имеет существенное значение при определении роли лошади в хозяйстве населения степных районов Нижнего Поволжья в эпоху бронзы. Небольшой процент костных остатков лошади не может служить доказательством слабой ее роли в хозяйстве того времени. Наоборот, вполне допустимо, что, вследствие возросшей роли лошади как тягловой силы и как средства передвижения, взрослая лошадь не являлась убойным скотом для питания.

На основании полученного материала, характеризующего наличие домашних животных у насельников Нижнего Поволжья в бронзовую эпоху, можно бесспорно признать, что скотоводство было вполне развитым и удовлетворяло различные потребности хозяйственной жизни. Скотоводство, наряду с земледелием, имело преобладающее значение в хозяйстве населения конца бронзовой эпохи и в значительной степени вытеснило охоту и рыболовство. Такое заключение мы можем сделать на основании данных, полученных в результате наших исследований мест поселений. Количество костей диких животных, служивших объектом охоты, в отношении к домашним, составляет ничтожный процент. Такое соотношение костей животных характерно и для других поселений срубно-хвалынской культуры⁷.

В результате исследования мест поселений у с. Максюттова и Успенки мы получили полноценный материал, на основании которого возможно характеризовать не только тип поселений, форму жилищ, основные занятия, но и социально-экономический быт патриархально-родового общества Нижнего Поволжья.

Как показали исследования, поселения в большинстве своем имеют небольшие размеры — от 60 до 100 м в длину и таких же размеров в ширину. На площади такого поселения размещалось от 3 до 6 жилых сооружений-землянок. Жилища по своим размерам представляют два типа: зем-

лянки малых или средних размеров и землянки больших размеров — от 150 до 200 кв. м. Количество жилищ-землянок и их размеры позволяют установить численность населения отдельного поселка. Совершенно очевидно, что поселения типа Максюттова или Успенского принадлежали небольшим группам, едва превышающим численно 50—70 человек того и другого пола. В отдельных случаях эта цифра может изменяться в ту или иную сторону, но, в основном, она отражает реальную картину численного населения отдельных родовых групп, оставивших нам изучаемые поселения. Каждое такое поселение представляло самостоятельную родовую группу, сообща занимающуюся всеми видами производства. Население таких небольших поселков составляло в целом ту патриархально-семейную общину или большую патриархальную семью, которая сложилась здесь в ее ярко выраженных формах. Такая характеристика может быть дана родовым группам, населявшим огромные степные и лесостепные пространства юго-восточной Европы. На этой территории в последние годы М. И. Артамоновым⁸, О. А. Кривцовой-Граковой⁹, Г. В. Подгаецким¹⁰, М. Е. Фосс¹¹ и др. исследованы аналогичные поселения родового общества бронзовой эпохи.

Вторая задача археологических работ в районе с. Успенка заключалась в исследовании курганных памятников, расположенных близ поселения. В этом районе курганы непрерывной цепью тянутся от с. Успенки вплоть до г. Пугачева. Первая группа курганов, насчитывающая до 20 насыпей, расположена к юго-западу от поселения за большим оврагом (рис. 2).

Курганы этой группы представляют собой небольшие насыпи высотой от 10 до 60 см, при диаметре в 8—15 м. Здесь раскопано 6 курганов, давших сарматские погребения. Как по устройству могил и ритуальным особенностям, так и по могильному инвентарю, погребения имеют однотипный характер. Как правило, в центре под курганной насыпью расположено могильное сооружение, представляющее узкую могильную яму, ориентированную с юга на север. В западной или восточной стенке входной ямы устроен подбой. В подбое погребение на спине в вытянутом положении головы на север. В большинстве случаев скелеты имеют деформированные черепа (кольцевая-циркулярная деформация).

Найденный при раскопках погребальный инвентарь также является характерным для погребений этого типа. Наибо-

лее характерны предметы вооружения—длинные без навершия железные мечи, железные наконечники стрел, украшения—бусы, бронзовые фибулы и др. Наряду с посудой высокого качества—лощеной, изготовленной на гончарном круге, часто встречаются грубые, круглодонные горшки, сделанные отруки.

Общий характер описанных погребений широко известен среди сарматских курганных погребений Нижнего Поволжья. Однако, отличительные особенности этой группы подбойных могил выделяют ее из большой серии сарматских курганных погребений первых веков нашей эры.

Во второй курганной группе, расположенной близ с. Успенки, было раскопано два кургана, в которых обнаружены сарматские погребения в широких квадратных могилах.

В кургане № 1 (высота около 50 см, диаметр—10 м) обнаружена квадратная могила 2×2 м в глубину, 75 см от древнего горизонта. На дне могилы скелет женщины, положенный на спине с угла на угол головой на юго-запад. Между ног покойницы лежал скелет младенца. На груди взрослого костяка найдены мелкие бусы—бисер. Такой же бисер обнаружен около кистей рук. У ступней ног—мелкие стеклянные, голубые бусы и кусок мела. В юго-восточном углу стоял глиняный сосуд, сделанный отруки. На внутренних стенках сосуда имеются темные слои „нагара“. Определение такого „нагара“, произведенное палеоботаником В. А. Петровым, показало, что „нагар“ состоит из остатков просяной каши, приготовленной из зерен метельчатого проса *Panicum miliaceum*.

Второй курган этой группы имел высоту 45 см, диаметр—11 м. Курган содержал два погребения. Погребение № 1 обнаружено на глубине 50 см. Могила квадратной формы 1,80×1,80 м, глубина могильной ямы 40 см от уровня древней поверхности. На дне могилы—костяк женщины, на спине, головой на юг. Около черепа с правой стороны круглая подвеска из тонкой бронзовой проволоочки. В головах, с левой стороны—глиняный горшок ручной работы с плохим обжигом. На внутренних стенках горшка темные слои нагара. С левой стороны около плеча обломок бронзового зеркала с широким овальным ободком по краю. Диаметр зеркала—17 см. Ниже кисти левой руки лежало алебастровое круглое пряслице.

Оба погребения данной курганной группы также весьма характерны для сарматских погребений Нижнего Поволжья,

хронологически определяемых I—II вв. н. э. Судя по одинаковому погребальному обряду и могильному инвентарю, все погребения этого типа принадлежат одной этнической группе сарматских племен.

Погребение

№ 2 обнаружено под первым. Могила прямоугольной формы размером 1,60×95 см, глубина—1,4 м. На дне—костяк взрослого мужчины в скорченном положении, на левом боку, руки согнуты и кисти положены перед лицом, голову на север (рис. 5). Перед лицом стоял остроресберный горшок, орнаментированный по плечикам зубчатым чеканом. Судя по форме и орнаментации, данный сосуд совершенно аналогичен сосудам остроресберного типа, обнаруженным на Успенском поселении, поэтому можно с достаточной степенью вероятности считать данное погребение относящимся к той же эпохе, что и поселение.

Подводя общий итог археологических исследований в бассейне Большого Иргиза, можно отметить, что здесь вскрыты новые памятники, относящиеся к основным историческим этапам, имевшим место в Нижнем Поволжье.

Рис. 5.

Исследования поселений родового общества бронзовой эпохи дали наиболее полноценные материалы и позволили наметить более правильные пути изучения истории Нижнего Поволжья. Вместе с памятниками, известными на территории Волго-Донского и Уральского районов, полученный материал является значительным дополнением в изучении истории степной полосы Юго-Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Спицын, А. А. Саратовские древности. Труды Саратов. учен. арх. ком., вып. XXIX, 1912 г. (прибавление).
2. Артамонов, М. И. Донская экспедиция ГАИМК, Пробл. Ист. матер. культ., № 1—2, 1933 г., стр. 54.
3. Кривцова-Гракова, О. А. Памятники бронзовой эпохи у селения Мокшан и Пустынь, Труды Гос. ист. музея, вып. XII 1941 г., стр. 90.
4. Фосс, М. Е. Отчет о раскопках в Курской обл. Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. ИИМК, 1941, стр. 166.
5. Кривцова-Гракова, О. А. Указанная работа, табл. 3, рис. 3, стр. 101.
6. Археологические работы на новостройках. Известия ГАИМК, вып. 110, т. II, 1935 г., стр. 64.
7. Гольмстен, В. В. Археологические памятники Самарской губернии. Труды секции археологии. Т. IV, 1928 г., стр. 131.
8. Артамонов, М. И. Указ. работа (№ 2).
9. Кривцова-Гракова, О. А. Указанная работа.
10. Подгаецкий, Г. В. Отчет о работах в районе г. Воронежа.
11. Фосс, М. Е. Отчет о работах в Валуйском и Старо-Оскольском районах Курской обл. Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., ИИМК, 1941 г.

Л. А. ДЕРБОВ

К ИСТОРИИ ПАДЕНИЯ ЛИВОНСКОГО ОРДЕНА

I

Война Ивана IV с Ливонией (1558—1561), вызванная стремлением растущего русского государства найти свободный выход к Балтийскому морю, явилась в то же время заключительным этапом в истории длительной борьбы русского народа с немецкой агрессией в Прибалтике. Эта война была подготовлена всем предшествующим развитием русско-ливонских отношений.

Непосредственное и активное вмешательство московского правительства в ливонские дела началось еще с конца XV века, когда территория оформляющегося национального русского государства вплотную подошла к границам Ливонии, Литвы, Швеции.

Русскому государству предстояло четко определить свое отношение к балтийской проблеме. К этому побуждали не только возросшие экономические потребности страны, но и интересы русской внешней политики. Балтийский вопрос к концу XV века, в результате крупных изменений, происшедших в европейской экономике и во всей международной обстановке, занял одно из центральных мест в политике сильнейших держав Европы. В ходе борьбы за *dominium maris Baltici* уже к концу XV века сложилась в основном та группировка заинтересованных государств, которая оставалась почти неизменной до конца следующего столетия. Русское государство должно было обеспечить свои интересы в развернувшейся борьбе. Правительство Ивана III положило прочное основание разрешению этой задачи. Враждебной коалиции Польши, Литвы, Швеции, ганзейских городов и Ливонского ордена был противопоставлен русско-датский союз, оформленный нарв-

ским договором 1493 года¹. Завязав дипломатические сношения с германским императором, русское правительство добилось если не союза, то, во всяком случае, некоторого неустойчивого нейтралитета со стороны империи и тем в известной мере развязало себе руки в предстоящей борьбе с Польшей и Литвой.

В столкновениях с русским государством противники Ивана III потерпели неудачу. Европа впервые почувствовала силу и мощь новой восточной державы. В 1495 году, после заключения союза с Данией, Иван III разгромил немецкий двор в Новгороде, освободив этим русскую торговлю от стеснительной монополии Ганзы. Поход шведов, организованный против России „администратором“ Швеции Сванте Стуре в ответ на военные действия русских войск в Финляндии, окончился безрезультатно. Главный в то время противник Ивана III, литовский князь Александр, потерпел полное поражение. В результате войны с Литвой (1500 — 1503) русское государство значительно укрепилось и расширило свою территорию, возвратив часть некогда захваченных литовскими князьями западных русских земель.

В продолжение этой борьбы Ливонский орден неизменно сохранял свое враждебное отношение к русскому государству. Непрекращающиеся нападения немцев на новгородско-псковские земли привели еще в 70—80 гг. к ряду крупных вооруженных столкновений между ливонскими и московскими войсками. Десятилетнее перемирие, заключенное в 1482 г., не смягчило взаимную вражду; к середине 90-х гг. неизбежность нового столкновения была очевидна. Не рассчитывая на свои собственные силы, Орден примкнул к враждебным России державам—Швеции, Литве. В 1501 году ливонский магистр Вальтер фон-Плеттенберг выступил на стороне Литвы против русского государства и на первых порах даже добился некоторых военных успехов. Однако в сражении под Гельмедом немецкие рыцари были наголову разбиты московским войском. „И биша поганых немецъ,—рассказывает псковский летописец,—на 10 верст и не оставиша им ни вестноши, а не саблями светлыми секоша их, но биша их москвичи и татарове аки свиней шестоперы“². По свидетельству ливонской хроники, потери немцев в сражениях с русскими за короткое время составили 40 тысяч человек, считая убитых, умерших от ран и взятых в плен³. Частичные успехи Плеттенберга в 1502 г. не могли уже поправить положение.

Потерявший к этому времени самостоятельность в делах внешней политики и попавший в сферу влияния литовских шведских интересов Орден, вслед за Литвой, в 1503 г. вынужден был заключить с Москвой договор о перемирии и отказаться от своего плана наступления на русские земли. Попытка привлечь внимание римской курии предложением крестового похода против Москвы и учреждения для этой цели нового воинствующего ордена св. Георгия не имела успеха: папа был занят борьбой с турками и не желал обострять отношения с Москвой.

Договор с Орденом 1503 г. сохранял прежнюю границу („из Чудского озера стержем Наровы реки в Соленое море“), обеспечивал свободную торговлю иноземцев с русскими купцами, гарантировал неприкосновенность личности и имущества русских подданных в Ливонии, охрану русских церквей и сооружений. Важным пунктом договора было соглашение об уплате ливонцами старинной дани с Дерптской области, некогда принадлежавшей русским*.

Условия договора отражали соотношение сил, сложившееся к началу XVI века в результате проигранной Литвой и Орденом войны против русского государства. В течение пятидесяти с лишним лет между Москвой и Орденом не было никаких вооруженных стычек и поддерживалось перемирие. Русское государство было в то время занято решением других, более важных и первоочередных внешнеполитических задач (войны с Литвой за национальное воссоединение западнорусских земель, борьба с Крымом и Казанью и т. д.). Для окончательного разрешения ливонско-балтийского вопроса еще не созрели все необходимые условия. Что касается Ордена, то он теперь уже был совершенно неспособен на самостоятельную и серьезную войну против своего могущественного соседа.

Но старая вражда к Москве со стороны немецких хозяев Ливонии вовсе не прекратилась, а лишь приняла иные, скрытые формы. Этот факт, к сожалению, выпал из поля зрения исследователей,—история русско-ливонских отношений в первой половине XVI столетия почти не освещена в литературе. Между тем, этот вопрос представляет несомненный интерес, поскольку выяснение его помогает полнее вскрыть предпосылки русско-ливонского конфликта 1558—1561 гг.

* Текст договора 1503 г. не сохранился; некоторые условия его приводятся у Карамзина, VI, примеч. 551.

В течение всей первой половины XVI столетия ливонские власти систематически и бесцеремонно нарушали свои договоры с Москвой. Поддерживая старые связи с врагами России, они стремились дезорганизовать хозяйственную жизнь русского государства, всячески противодействовали развитию его внешней торговли или навязывали ему свое тягостное посредничество, которое было гораздо более чувствительным, чем посредничество Ганзы в XIV—XV вв. Ливонцы арестовывали и подвергали всяческим насилиям русских агентов и купцов, грабили русские суда, захватывали деньги и товары. О многочисленных фактах подобного рода мы узнаем, например, из ответа новгородских наместников Даниила Щени и Василия Шуйского ливонским послам в 1510 г.⁴ Далее мы встречаем сообщение от 1517 года об убийстве неизвестного русского купца, отважившегося отправиться через Ливонию на Запад⁵. В 1525 г. о грабежах и насилиях, причиняемых русским купцам в Ливонии, говорил ревелскому „рату“ (совету) посланник ивангородского воеводы: „Вы в своем городе в Колывани,—заявил он,—не велите им (русским купцам.—Л. Д.) торговати, а высылаете их из города, а иных соромотите, в Касть метите, а животы их печатаете, а иных ваши люди на море грабят“. Посланник заявил официальный протест против многочисленных и необоснованных арестов русских священников и купцов, против бесчеловечного обращения с русскими узниками, которые сидят в ливонских тюрьмах „без вины, без суда и без истца“. Далее он жаловался на то, что русским послам в Ревеле не дают подворья и не оказывают должного уважения, что его самого „лаяли и камнем шибали“⁶.

Особенно большой материальный ущерб наносили русским купцам разбойничьи нападения ревелских каперов, не пропускавших ни одного судна с русским или идущим в Россию грузом. В 1525 г. некий поп Иосиф жаловался ивангородскому воеводе, что ревелцы захватили его судно с тремя ластами соли и другими товарами, а кроме того отняли у него крупную сумму денег⁷. Около того же времени были ограблены ливонцами на море ивангородский купец Иван Шуйга и новгородский купец Степан Давыдов⁸. В 1547 г. ревелские корсары разграбили у острова Коневца богатое новгородское судно, а спустя немного времени ограбили и убили на море владельца другого русского судна ивангородца Владимира Дымилева⁹.

Русское правительство не раз заявляло свой протест по поводу задержания и ограбления русских купцов в Ливонии, ссылаясь на трактаты и требовало выполнения условий перемирия, однако враждебные акты со стороны ливонских властей продолжали повторяться¹⁰. В конце 50-х годов ивангородский наместник Ив. Ив. Колычев вновь обращался к властям города Ревеля с жалобой на то, что ревелцы ограбили и заточили в темницу без предъявления каких-либо обвинений группу ивангородских купцов, Луку Юдина, Максима Рыбникова и др., причем некоторые из заключенных умерли в тюрьме от жестокого обращения. Купца Алексея Мозгова, известного и влиятельного в Новгороде человека, один из ливонских торговых агентов „бил и рвал за бороду“; у другого новгородца Якова Калашникова отобрали все товары, не заплатив за них деньги¹¹.

После заключения мира между Россией и Швецией, в 1557 г., большое значение для русского рынка приобрело выборгское плавание, где русские встречались с любекскими и шведскими купцами. Ливонские города прилагали все усилия к тому, чтобы сорвать выборгскую торговлю: задерживали русских купцов, ездивших в Выборг, захватывали корабли и товары шведов и любчан¹².

Осуществляя блокаду и бойкот в отношении русского рынка, орденские власти особенно ревниво следили за тем, чтобы в Россию не могли проникнуть оружие, боеприпасы, а также иностранные специалисты и материалы, имеющие отношение к военному делу. Так, в 1519 г. в Нарве было конфисковано большое количество свинца, который везли в Россию; в 1530 г. в Ревеле у новгородского купца Ивана Васильева отняли привезенную из-за моря медь и задержали доставленный из Любека свинец; около того же времени в Нарве у русских купцов Бориса Нотенского и Льва Мальского были отняты свинец и панцири¹³.

В 1535 г. ливонскими городами было принято специальное решение по вопросу о торговле с Россией, в котором говорилось: „Господа духовные епископы, владельцы и сословия обоих городов этой земли, Риги и Дерпта, рассудили, согласились и решили не продавать на деньги и не менять на товары русским ни свинец, ни медь, угрожая конфискацией“¹⁴.

К участию в экономической и культурной блокаде России Орден стремился привлечь все европейские державы, рисуя перед Европой страшные перспективы растущей

военной мощи „московита“. „Уже Россия так опасна,— писал в 1551 г. императору ливонский посол Филипп фон-дер Брюгген,— что все христианские соседние государи склоняют главу перед ее венчосцем... Благоразумно ли будет умножать силы природного врага нашего сообщением ему искусств и снарядов воинских?.. Нет сомнения, что он замышляет овладеть Ливонией и Балтийским морем, дабы удобнее покорить все окрестные земли: Литву, Польшу, Пруссию, Швецию“¹⁵.

О том, что подобные призывы не оставались тщетными, свидетельствует хотя бы нашумевшая в свое время в Европе и хорошо известная в литературе история саксонца Иоганна Шлитте. Когда завербованные Шлитте для поездки в Россию иностранные специалисты были задержаны любекским ратом, имперское правительство заняло двусмысленную позицию. Любопытно отметить, что из числа спутников Шлитте особенно суровым репрессиям со стороны ганзейских и ливонских властей подверглись специалисты по военному делу; один из них, пушечный мастер Ганс, был схвачен на ливонской границе и обезглавлен. Еще до этого, в 1539 г., был подвергнут преследованиям другой пушечный мастер, который, как выяснилось при допросе бежавшего из Москвы Петра Фрязина, намеревался уехать из Дерпта на московскую службу; этот мастер был сослан по приказанию дерптского епископа „неведомо куды“¹⁶.

К середине XVI века разрешение ливонско-балтийской проблемы стало важнейшей и неотложнейшей задачей внешней политики русского государства.

Усиление шведского и в особенности литовско-польского влияния в Ливонии (соглашения Ордена с Густавом Вазой, Позвольский договор 1557 г. с Сигизмундом-Августом и др.) делало для русского правительства ливонскую проблему еще более актуальной: разрешение ее диктовалось теперь, помимо всего прочего, интересами разумной и своевременной самообороны.

II

Программа русских требований в отношении Ливонии была четко изложена еще во время переговоров Алексея Адашева и И. М. Висковатого с ливонским посольством в Москве в 1554 году. Тогда же было сформулировано и историческое обоснование русских прав на Ливонию, в том виде, как оно понималось правительством Ивана IV. Гроз-

ный, ссылаясь на древние взаимоотношения русских князей с племенами Прибалтики до появления там немецких крестоносцев, объявил Ливонию своей „отчиной“, а всех ее жителей исконными данниками русских государей*. Не вдаваясь в детальное рассмотрение этой концепции, пущеной в оборот с определенными дипломатическими целями, следует однако же сказать, что в основе ее лежали вполне реальные и хорошо известные нам исторические факты**.

Во время переговоров 1554 г. русское правительство потребовало от ливонцев уплаты установленной прежними договорами дани с дерптской епископии, а также погашения недоимок за истекшие 50 лет, права свободной торговли русских купцов с иностранцами, свободного проезда в Россию иностранных специалистов и дипломатических представителей, охраны русских церквей и прав русских подданных в Ливонии и т. д. Одним из наиболее важных пунктов русского ультиматума было запрещение Ливонии вступать в какие бы то ни было соглашения с Литвой и Польшей. Этой платформы русское правительство твердо придерживалось и в последующих переговорах, вплоть до начала военных действий. Орденские власти, в конечном счете, не приняли предложенных им условий, которые фактически ставили Ливонию в полуассальное положение, и это само по себе уже было достаточным поводом для начала войны.

Готовясь к войне с Орденом, Иван IV принял все меры к тому, чтобы на время нейтрализовать своих старых соперников в ливонском вопросе. Польского короля Сигизмунда-Августа Грозный долго соблазнял предложениями совместной борьбы против крымских татар и турок, рассчитывая отвлечь этим внимание короля от ливонских дел. Несмотря на крупные разногласия с Литвой и Польшей,

* Интересно отметить, что уже в 1554 г., в письме к английскому королю Эдуарду VI, Грозный называл себя „великим князем лифляндским“ (Карамзин, VIII, примеч. 485).

** Вопрос о первоначальном русском владычестве в Прибалтике и об уплате местными племенами дани Полоцку, Новгороду и Пскову до завоевания края немецкими крестоносцами давно уже положительно решен в нашей исторической литературе. За период с конца XIII до второй половины XV в. упоминаний о дани в источниках не находим. Зато в договоре 1474 г. между Псковом, Новгородом и Дерптом о дани с Юрьевской области говорится, как о „старине“ (Сб. Муханова, № 19, стр. 20). В договоре 1503 г. с Плеттенбергом и во всех последующих перемирных грамотах пункт об уплате дани занимает уже одно из центральных мест.

русскому правительству удалось добиться шестилетнего перемирия, начиная с 1556 года. Другой конкурент, шведский король Густав Ваза, вынужден был отказаться от прямого вмешательства в ливонские дела, проиграв в 1555—1557 гг. войну с Россией. На известное время русскому государству были гарантированы также дружественный нейтралитет Дании и „худой мир“ с империей.

Военные приготовления Грозного выразились не только в ряде внутренних реформ, проведенных с целью укрепления армии, но и в непосредственной концентрации вооруженных сил на северо-западной границе. Ливонские послы, возвращавшиеся из Москвы в 1554 г., встречали по дороге через каждые 4—5 миль новые ямские дворы с множеством лошадей и видели огромные обозы с оружием, порохом и свинцом, направлявшиеся к ливонскому рубежу. В Ивангороде был спешно произведен ремонт укреплений, усилен гарнизон, сосредоточены артиллерия и большое количество боеприпасов; в 1555 г. туда был послан с царским наказом новый воевода Мих. Вас. Годунов, которому предписывалось „дела государьского беречи“ и быть бдительным, ввиду серьезности создавшегося положения¹⁷. В 1557 г. царь послал князя Шестунова строить в нарвском устье, у самого Финского залива, новую крепость с пристанью, чтобы закрыть вход в р. Нарову; к июлю эта крепость была уже готова¹⁸. Осенью того же года огромное московское войско, усиленное отрядами националов из вновь завоеванных областей Поволжья, вплотную придвинулось к ливонской границе и было готово к выступлению.

Военные действия, открывшиеся январским походом московского войска в 1558 г., сразу же обнаружили полную политическую и военную несостоятельность Ливонии. Раздробленная и ослабленная в результате длительного внутреннего разложения, она не могла противостоять стремительному натиску русских войск. Среди ливонских верхов царил деморализация и растерянность, единое военное командование и политическое руководство делами страны фактически отсутствовали, в казне не было денег. Наемное войско, малочисленное и состоявшее из неустойчивых, лишенных всякого патриотического чувства элементов, не представляло надежной силы.

Уже в 1558 г. русские войска овладели Нарвой, Нейшлосом, Нейгаузенем, Дерптом, Везенбергом, Лаисом и подходили к Ревелю. Вся восточная половина Ливонии

оказалась в сфере действия русских отрядов. В следующем году московское войско, не встречая сильного сопротивления, дошло до самой Курляндии и появилось у стен Риги. В 1560 г. пали первоклассные ливонские крепости— Мариенбург и Феллин. Слабые контратаки ливонских войск не имели никакого успеха и лишь увеличивали размеры происходившего разгрома. В результате сокрушительных ударов, нанесенных русской армией, Ливония оказалась на краю гибели.

III

Говоря о причинах политического и военного краха Ливонского ордена, наряду с изучением всей совокупности исторических условий внутреннего и внешнеполитического развития Ливонии, мы должны в первую очередь обратить внимание на тот глубокий антагонизм между коренным населением и немецкими верхами страны, который явился следствием чудовищных насилий немецких крестоносцев над народами Прибалтики в XIII столетии и результатом последующего трехсотпятидесятилетнего хищнического хозяйничанья немцев в крае.

Окончательно закрепощенное еще сто лет назад, обездоленное и обнищавшее, ливонское крестьянство в XVI веке испытывало невыносимый социальный и национальный гнет со стороны рыцарей и баронов. Даже немецкие писатели (Krantz, Hiärn) с возмущением отмечали, что „собаки в Германии живут в лучших условиях, чем эти бедные люди здесь“¹⁹.

На протяжении всего периода немецкого владычества население Прибалтики сохраняло глубокую и жгучую ненависть к своим поработителям. Польский писатель XVI века Бельский рассказывает об одном любопытном обычае туземцев, показывающем их отношение к немцам. Когда умирал кто-нибудь из местных жителей, родственники и друзья покойного клали вместе с ним пищу, деньги и топор для истребления немецких угнетателей, напевая при этом с плачем: „Иди, несчастный, из этого мира печали в лучший мир, где над тобой не будут больше господствовать немцы и где ты сам станешь их господином“²⁰.

Протест угнетенного туземного населения против немецкого владычества, проявлявшийся ранее в виде отдельных стихийных вспышек, в первой половине XVI века принял крупные размеры. Значительное влияние на развитие освободительного движения в Ливонии оказало рас-

пространение реформации; крестьянские выступления в ревальском и дерптском округах грозили принять характер и размеры целой крестьянской войны²¹.

Борьба местного населения Ливонии против своих угнетателей во время русско-ливонской войны 1558—1561 гг. сыграла немаловажную роль в разгроме Ордена. Есть все основания утверждать, что туземное крестьянство и городские низы сочувственно встретили появление русских войск в Ливонии, поскольку с этим связывались перспективы полного освобождения края от немецкого ига. Ненависть к немецким баронам и рыцарям делала ливонских крестьян и горожан естественными союзниками русских; успехи московской армии в значительной степени были достигнуты благодаря помощи со стороны местного населения.

Немногие, но красноречивые, факты позволяют нам более или менее отчетливо вскрыть этот чрезвычайно существенный, но не нашедший достаточного отражения в источниках и литературе момент. Так, например, ливонские летописцы (Рюссов, Ниенштедт) указывают, что в первые годы войны русским войскам почти не приходилось брать ливонские города и замки силой; они сами сдавались царю „вследствие измены“. Кетлер сурово расправлялся с „изменниками“, предавал их жестоким пыткам и колесованию, но это не оказывало должного воздействия²².

Справедливость показаний летописцев о наличии „измены“ в ливонских городах подтверждается хотя бы теми обстоятельствами, при которых произошла сдача русским войскам Нарвы, Дерпта, Феллина. Уже во время артиллерийской дуэли между Ивангородом и Нарвой в апреле 1558 г. обнаружилось серьезное разногласие между нарвскими властями и населением города. Раскол этот усилился еще более, когда начались осада и штурм крепости. Нарвские жители восстали против фохта и рыцарей, настаивая на немедленной сдаче города русским войскам. Представители Нарвы, прибывшие в Ивангород и отправленные затем оттуда в Москву, от имени города согласились присягнуть царю и выдать русскому командованию своего „князьца“ фохта Эрнста фон-Шнелленберга, который „воровал на свою голову“ и являлся главным виновником нарушения перемирия с русскими²³. Однако фохт, рыцарство и наемное войско, в надежде на получение подкреплений от магистра, продолжали сопротивляться до тех пор, пока крепость не была взята штурмом. После взятия

Нарвы богачи и представители власти сбежали из города, а простой народ присягнул русскому царю.

Во время осады Дерпта в городе также возникла „измена“. На одной из городских башен неизвестно кем была вывешена шляпа в знак сдачи крепости русским войскам. Одновременно в городе поднялось сильное волнение среди „черных людей“, закончившееся капитуляцией дерптских властей и въездом русского воеводы П. И. Шуйского в город²⁴. Из показаний дерптского фохта Крузе видно, что „виновниками беспокойствия“ в городе во время осады были жители „ненемецкого происхождения“²⁵.

При наступлении русских войск в тылу у рыцарства повсеместно поднимались ливонские крестьяне, оказывая существенную помощь русским в разгроме неприятельских отрядов. Фохты и дворяне разбежались, а „черные люди“ присягали московскому царю. Так, при взятии Сыренска (Нейшлосса) в 1558 г. „черные люди, латыши и баты, и чюхны, изо всего Сыренского уезду государю приложились и правду дали неотступным им быти от государя и до века“²⁶.

После взятия городка Адежа, в том же году, Алексей Басманов, новый нарвский наместник, сообщал царю о том, что „черные люди многие приложились и Ракоборских волостей, которые тут близко“²⁷. Такие же сведения поступали в Москву после взятия Ракобора (Везенберга), Ланса и других городов²⁸. Целые группы крестьян являлись для принесения присяги Московскому государству не только из занятых русскими войсками земель, но и из других, более отдаленных районов страны²⁹.

Часто крестьяне добровольно несли разведывательную службу и доставляли русскому командованию важные военные сведения о численности и направлении движения отрядов противника. После взятия русскими Новгородка, двое крестьян латышей, пробравшихся в русский лагерь, донесли воеводам об отступлении отрядов магистра и дерптского епископа от соседнего города Киремпе, где остался лишь незначительный гарнизон. Воспользовавшись полученными сведениями о численности противника, русские овладели этим важным в стратегическом отношении пунктом³⁰.

В 1560 г., в связи с наступлением русских войск, грозные размеры приобрело крестьянское восстание в эстонских областях Гарни и Вике. Крестьяне убивали землевладельцев, жгли и уничтожали все, что напоминало им об угне-

тении, грозились, по словам ливонского летописца, истребить все дворянское сословие. Восставшие обратились к жителям города Ревеля с целью установления боевого союза и создания единого фронта борьбы против немецких угнетателей. Но ревелские богачи с ужасом отвергли это предложение, в чем крестьяне опять-таки обвинили дворян. Крупные отряды повстанцев осадили замок Лоде, куда укрылись многие бежавшие дворянские семейства, но здесь были разбиты рыцарским войском под командованием Христофа Мунихгаузена, брата эзельского епископа³¹. Произведенная над повстанцами жестокая расправа не приостановила дальнейшего распространения крестьянского движения, оно продолжалось вплоть до окончательной ликвидации немецкого Ордена.

Нельзя не отметить, что сочувствие широких масс ливонского населения было в значительной степени обусловлено дальновидной и гуманной политикой русского правительства в завоеванных городах и областях Ливонии.

Неизбежные жертвы, которые несли ливонская армия и отчасти гражданское население, были обычным явлением при тогдашних условиях ведения войны. Но Иван IV принимал энергичные меры к тому, чтобы оградить интересы населения завоеванных ливонских областей, сурово наказывая виновных в нарушении дисциплины и не останавливаясь перед привлечением к ответственности даже представителей высшего командования. Известно, что за насилие, причиненные жителям Ливонии отдельными недисциплинированными командирами и отрядами русского войска, был привлечен к ответственности руководитель первого похода в Ливонию воевода Мих. Вас. Глинский. По приказанию царя над ним было назначено следствие, после которого было вынесено решение о том, чтобы удовлетворить за счет имущества воеводы всех тех, кто потерпел материальный ущерб от его солдат³².

При осаде ливонских городов и крепостей русское командование стремилось избежать излишнего кровопролития и разрушений. До начала артиллерийского обстрела или штурма города к гарнизону и жителям посылались специальные грамоты с предложением добровольной сдачи на льготных условиях. Гражданскому населению и войску при условии сдачи гарантировались не только сохранение жизни и имущества, но даже свободный выбор подданства и сохранение всех прежних прав. О том, что эти обещания не являлись только агитационным приемом, но выпол-

нялись со всей последовательностью, свидетельствует хотя бы политика русских властей в Нарве, Дерпте, Нейшлоссе и других завоеванных ливонских городах.

Лишь только русские войска вступили в Нарву (12 мая 1558 г.), они принялись тушить возникший в городе пожар и восстанавливать разрушенные бомбардировкой постройки. Несколько позже было произведено укрепление стен и ворот крепости, построено много новых зданий, сооружен новый мост через р. Нарову. Город стал быстро застраиваться и украшаться. Царь распорядился отпустить на свободу всех пленных, а жителям Нарвы дал жалованную грамоту с перечислением всех их льгот и привилегий. В городе устанавливалась власть русского наместника, однако, сохранялись и прежние городские власти (бургомистры и ратманы); город освобождался от военного постоя; нарвские обыватели получали право беспошлинной торговли по всему Московскому государству, а также право свободно сноситься с Германией и другими зарубежными странами; населению гарантировались полная свобода вероисповедания, неприкосновенность личности и имущества. За обиду, причиненную жителям города, русские солдаты и правительственные агенты подлежали суровому наказанию; все убытки возмещались полностью. Все это быстро сказалось на развитии благосостояния города: он стал богаче, население его сильно выросло, торговые обороты увеличились³³.

От прихода русских выиграло и крестьянство, жившее в окрестностях Нарвы. Даже немецкие источники, несмотря на всю свою тенденциозность, свидетельствуют о том, что крестьяне точно ожили, получив русскую помощь. Им было доставлено продовольствие, даны семена для посева, оказана помощь в обработке полей, для чего русский воевода прислал значительное количество лошадей и быков, и т. д.³⁴

Все это очень мало походило на те ужасы „московских расправ“, которыми немецкая печать пугала Европу. Против приведенного примера могло бы быть сделано лишь одно существенное возражение: Нарва являлась предметом особых забот русского правительства и оказалась поэтому в наиболее привилегированном положении. Действительно, Иван IV, глубоко и трезво оценивая хозяйственное и стратегическое значение Нарвы для России, стремился всеми силами закрепить этот пункт за собой, придать ему блеск и силу. Нарва была для русского государства первым настоя-

щим „окном в Европу“, могущим обеспечить свободное развитие русской внешней торговли и культурное сближение с передовыми странами, она обеспечивала также подступы к Ревелю и Риге и являлась в этом смысле ключом к завоеванию всей восточной Прибалтики. С обладанием нарвской гаванью связывались перспективы строительства русского флота и будущего морского могущества России³⁶. Неудивительно поэтому, что Грозный, стоявший в делах внешней политики на целую голову выше всех своих русских современников, так заботливо оберегал Нарву, „любимое детище свое“, и так активно стремился завоевать симпатии и поддержку со стороны местного населения.

Однако русская политика в Нарве не являлась единичным исключением. Подобные же льготы, может быть лишь в несколько меньших размерах, получали и другие ливонские города, переходившие под власть русского государства. Например, жители Дерпта по царской жалованной грамоте пользовались правом свободной торговли, могли избирать свою администрацию из числа местных бюргеров; всем гражданам гарантировались амнистия, неприкосновенность имущества, свобода вероисповедания. Тем из жителей, которые не желали принимать русское подданство, разрешался свободный выход из города с имуществом и даже с оружием. Русское правительство бдительно следило за поддержанием дисциплины в городе; за обиду, причиненную дерптцу, всякий русский подвергался смертной казни. Личный пример гуманности и заботы о нуждах жителей показывал новый русский воевода в Дерпте П. И. Шуйский, действовавший, впрочем, по прямым указаниям самого царя³⁶. Подобным же образом поступали русские власти в других городах и областях Ливонии.

IV

В связи с начавшимся распадом Ордена, должно было с тем большей отчетливостью выступить общеевропейское значение борьбы в Прибалтике. Орденские власти, неспособные предотвратить надвигающуюся на них катастрофу, металась в поисках иностранной помощи, призывая европейские правительства „дружно ударить на варвара, ставшего одной ногой на берегу моря“³⁷. Старые противники России — Польша, Литва, Швеция, имевшие с давних пор территориальные притязания на Прибалтику, сразу выступили активными участниками конфликта, чтобы получить

свою долю при дележе ливонских владений и стянуть хоть клочок сена с этого „огромного воза без хозяина“. Этими же мотивами руководствовалась и Дания, несмотря на союзный договор с русским государством.

Казалось, что самое активное участие в борьбе должна была принять Германская империя, обороняя Ливонский орден в качестве форпоста своего наступления на Восток. Сами орденские власти обращались к империи с настойчивыми просьбами о помощи. И ни в одном из европейских государств не было поднято такого шума вокруг пресловутой „московской опасности“, как в Германии. Каких только чудовищных замыслов не приписывала русскому царю германская пропаганда! Вопрос об оказании помощи Ливонии и о борьбе против усиливающейся мощи „москвиты“, казалось, серьезно занимал императора Фердинанда I и не сходил с повестки дня имперских „тагов“ (съездов). Но оживленные дебаты германских политиков, бесконечные переговоры, решения, не имевшие силы, процессы и жалобы не привели ни к какому реальному действию. Ослабленная развитием княжеского суверенитета, политически раздробленная, представлявшая собой, по словам Маркса, „жалкую фигуру“ в своих внешних сношениях с границей³⁸, Германская империя оказалась совершенно неспособной на решительные шаги. Вся германская дипломатия этого периода осталась бесплодным политическим толчением воды, „детской игрой“ (Kinderspiel), как выразился один из исследователей этого вопроса³⁹. Эта бездеятельность в ливонском вопросе обуславливалась и особыми внутренними противоречиями. Во-первых, шла борьба между восточными и западными германскими княжествами; западные германские княжества не были заинтересованы в ливонском вопросе и настаивали на том, чтобы сперва урегулировать свои старые противоречия с враждебной Францией, а ганзейские города были заинтересованы в развитии нарвской торговли с Россией. Во-вторых, империя, опасаясь усиления русского государства, не менее боялась усиления Польши и Литвы, которое должно было явиться непосредственным следствием поражения русских в Прибалтике, полавшей в сферу польско-литовского влияния, и стремилась использовать русское государство для борьбы с враждебным империи домом польско-литовских Ягеллонов.

Дальнейшее обострение борьбы за господство на Балтийском море привлекло к Ливонии внимание и более от-

даленных от нее европейских стран. Франция, внимательно следившая за успехами московского царя, вначале серьезно рассчитывала на то, что ливонская война отвлечет на восток силы враждебной Германской империи. Позднее, убедившись в пассивности Габсбургов, французские дипломаты-прожектеры вели даже разговоры о захвате Ливонии и установлении французского владычества над всем скандинавским севером (ливонский проект Дансэ 1575 г.). Испания Филиппа II тогда же выдвигала проект испано-шведско-польской коалиции для борьбы против Дании, Москвы, Голландии и Англии с целью захвата Зунда и установления своей гегемонии в Прибалтике. Англия и Голландия, в связи с развитием нарвской торговли, также оказались втянутыми в ливонские дела. Враждебные России державы прилагали все усилия к тому, чтобы помешать „неслыханным сношениям англичан с москвитами“ и перетянуть Англию на свою сторону. Однако английское правительство, уклоняясь от военно-политического союза с Россией, вовсе не хотело отказываться от своих торговых выгод, и в продолжение всей ливонской войны снабжало через Нарву русскую армию оружием, боеприпасами и всеми необходимыми военными материалами, чем оказывало ей весьма существенную помощь.

В результате, непосредственное участие в разрешении ливонского вопроса приняли лишь ближайшие соседи Ливонии. Стремясь к разделу ливонских владений, Польша, Швеция и Дания вначале пытались добиться этого посредством дипломатического давления на русское правительство. Датский король Христиан III в письме к Ивану IV пытался доказать, что Нарва издавна принадлежала Дании и что ей же искони были подчинены вся Эстония, Гаррия, Вирланд и город Ревель. Однако русское правительство в резкой форме отвергло эти притязания. Такой же решительный ответ был дан польскому послу Мартину Володковичу, пытавшемуся „вступить“ за Ливонию и сослаться на давние права своего короля. От шведского правительства Иван IV потребовал полного невмешательства в его конфликт с Ливонией⁴⁰.

Неудача этих переговоров и перспектива утраты всей Ливонии толкнули соперников Грозного на более решительные шаги. Действия польских, шведских и датских агентов в Ливонии подготовили расчленение страны и переход отдельных частей ее, оставшихся вне сферы влияния России, в руки иностранных правительств. В ликвидации полити-

ческой независимости Ливонии активную роль сыграли сами ливонские феодалы. Стремясь сохранить свои земли и богатства, а также власть над крепостным крестьянством, они распродавали свою собственную страну по частям. Епископ эзельский в 1560 г. продал свои владения за 30 тыс. талеров датскому королю, Ревель в июне 1561 года отдался под власть Швеции, остальная часть Ливонии досталась по акту 28 ноября 1561 г. Польше.

Так бесславно окончилось существование немецкого рыцарского ордена, продержавшегося в Прибалтике в течение трех с половиной столетий. Власть немецких рыцарей, в основе которой всегда лежали произвол и насилия над поработенными эстонским и латышским народами, не могла быть длительной и прочной. Она была уничтожена в результате мощных ударов, нанесенных Ордену русским государством.

Однако русское государство в XVI в. еще не смогло закрепить своих завоеваний в Прибалтике. Место Ордена заняли Польша и Швеция; борьба за Прибалтику вступила в новую фазу.

ЛИТЕРАТУРА

1. С. Г. Г. и Д., V, № 110.
2. П. С. Р. Л., IV, 275; ср. Карамзин, VI, примеч. 518.
3. Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края, II, Рига, 1879, стр. 299.
4. Акты Ревельского арх., изд. А. Барсуковым, РИБ, XV, № 5.
5. Форстен, Балтийский вопрос в XVI—XVII стол., I, 148.
6. Акты Ревельск. арх., РИБ, XV, № 17; о положении русских заключенных в Ревеле, см. также № 40.
7. Там же, № 17.
8. Там же, №№ 20 и 34.
9. Там же, №№ 35 и 61.
10. Там же, № 36; см. также публикации А. Чумикова в „Чтениях об-ва ист. и древн.“, 1888, кн. 1, стр. 1—5; 1898, кн. 4 — 9.
11. Акты Ревельского арх., изд. А. Чумиковым, „Чтения об-ва ист. и древн.“, 1898, кн. 4-я стр. 16—18.
12. Форстен, Ук. соч., I, 161.
13. Акты Ревельского арх., РИБ, XV, №№ 12, 27 и 28.
14. Акты Ревельского арх., изд. А. Чумиковым, „Чтения об-ва ист. и древн.“, 1898, кн. 4-я, № 2, стр. 4.
15. Карамзин, VIII, 162 и примеч. 479.
16. А. И., I, № 140.
17. Доп. к А. И., I, 127, 143 и 431; Петров, Город Нарва, СПб, 1901, стр. 68.
18. Никоновск. лет., П. С. Р. Л., XIII, 280—281; Львовск. лет. П. С. Р. Л., XX, 582.
19. K a t w o w s k i, Wcielenie Infant do Litwy i Polski, Poznan, 1873, стр. 68.

20. Kronika Marcina Bielskiego, wyd. Turowskiego. T. II, Sanok, 1856, str. 1129.
21. Форстен. Ук. Соч., I, примеч. к стр. 66.
22. K a r g o w s k i, op. cit., str. 67.
23. Соловьев. История России, VI, стр. 114; Прибалт. сб., II, 363.
24. Арбузов. Очерк истории Лифл., Эстл. и Кура., СПб, 1912, стр. 155.
25. Бестужев-Рюмин. Ливонская война. Ж. М. Н. П., ч. 211-ая, стр. 179, примеч. 4.
26. Никоновск. лет., 299; Львовск., лет., 596.
27. Никоновск. лет., 299.
28. Доп. к Никоновск. лет., П. С. Р. Л., XIII, 305—306.
29. Прибалт. сб., II, 364.
30. Доп. к Никоновск. лет., 303.
31. Ливонск. хроника Руссова. Прибалт. сб., II, стр. 397; K a r g o w s k i, op. cit., str. 67—68; G o l g b i o w s k i, Czasy Zygmunt Augusta. T. I, Wilno, 1851, str. 107.
32. П. С. Р. Л., IV, 309.
33. Форстен. Ук. соч., I, 96; Петров. Город Нарва, стр. 87; об отпуске на свободу ливонских пленных в Львовск. лет., 594; текст царской жалованной грамоты жителям Нарвы в „Копенгагенских актах“, изд. Ю. Щербачевым („Чтения об-ва ист. и древн.“, 1915, кн. 4-ая № 24).
34. Форстен. Ук. соч., I, 96.
35. Вопрос о торговом и военно-стратегическом значении Нарвы прекрасно исследован Форстеном в цит. работе; см. об этом также ук. ссч. А. Петрова.
36. Форстен. Ук. соч., I, 101.
37. Форстен. Ук. соч., I, 244.
38. Архив М. и Э., Т. VII, стр. 97.
39. Форстен. Ук. соч., I, стр. 126—136.
40. Форстен. Ук. соч., I, 177—178; Доп. к Никоновск. лет., 318, 324; „Копенгагенские акты“, изд. Щербачевым, вып. I, №№ 33, 56 и 57.

Т. Л. МОРОЗОВА

ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ИРАНСКОГО СБЛИЖЕНИЯ В КОНЦЕ 70-х гг. XIX СТОЛЕТИЯ

I

После заключения мирного трактата 1828 года в Туркманчае, между царской Россией и иранским правительством установились прочные экономические и политические взаимоотношения. Особый акт туркманчайского трактата являлся осознанным торговым договором, которого иранское правительство придерживалось на протяжении всего XIX столетия. Эта устойчивость обеспечивалась, главным образом, непосредственной географической близостью России и ее военно-политическим преимуществом перед Ираном. Богатые возможности, таившиеся в природе Ирана, не могли быть реализованы вследствие экономической и политической отсталости этой страны, политического бессилия иранского правительства и отсутствия необходимых отечественных капиталов при обширных потенциальных ресурсах Ирана.

Но в то же время богатства Ирана привлекли к себе взгляды быстро развивавшегося европейского капитализма, опередившего Россию в своем развитии. Этот исключительный интерес к Ирану проявляется особенно ярко с 40-х годов XIX века*. Иран был прекрасным рынком сбыта и рынком сырья для быстро растущей промышленности Запада. Под дипломатическим натиском, иранское

* Наибольшее количество торговых договоров было подписано шахским правительством в середине века. В 1841 г. были заключены договоры с Англией и Бельгией, в 1842 г. — с Испанией, в 1855 г. — с Францией. С 1855 г. по 1875 г. было заключено свыше 10 торговых договоров, в том числе с США, Пруссией, Австро-Венгрией, Нидерландами, Бельгией, Норвегией, Швецией, Данией и др.

правительство распространило все преимущества в торговле, предоставленные ранее только России, на другие страны, главным образом на Великобританию и Францию. Иран превратился в арену торговой конкуренции, в которой принимали участие, кроме России и Англии, Франция, Германия, Австрия и Голландия.

Из всех заинтересованных в иранском рынке стран Европы Россия оказывалась в наиболее выгодном положении, так как граничила с самыми богатыми северными районами Ирана. Но, несмотря на такое преимущество, русская торговля с Ираном до 80-х годов прошлого столетия развивалась весьма слабо и находилась в большинстве случаев в руках иностранных комиссионеров. Развитию русского экспорта в Иран мешало отсутствие прямых железных дорог от Москвы до незамерзающей части Каспийского моря, слабость русской промышленности, не могущей выдерживать конкуренцию с западно-европейскими товарами, и, наконец, наличие беспошлинного закавказского транзита.

Но, с ростом российского капитализма, осложнением международной обстановки к 70-м годам, а главное, в связи с тем значением, которое приобретал восточный вопрос, выросло значение Ирана для царской России. В 70-е годы русско-иранские отношения временно вступили в новую фазу обоюдного активного сближения. Экономические предпосылки сближения дополнялись в это время мотивами политического порядка. Изменение положения на Ближнем Востоке, обострение восточного вопроса, завершившееся русско-турецкой войной 1877—1878 гг., втянуло Иран непосредственно в орбиту русского влияния.

К 70-м годам относится очередное обострение ирано-турецких отношений. Борьба развернулась по пограничному вопросу: ее объектом был Котур. В 1875 г. права Ирана на эту местность были признаны Константинопольской международной комиссией, но Турция продолжала игнорировать ее решение. Иран рассчитывал осуществить свои права при помощи России и поэтому добивался вступления в войну с Турцией на стороне России. Впоследствии это обеспечило Ирану поддержку со стороны России по вопросу о Котуре на Берлинском конгрессе.

Иран готов был поддержать и ахал-текинскую экспедицию царского правительства в 1878 г. для укрепления собственной среднеазиатской границы. Иранские владения в Хоросане неоднократно подвергались набегам туркмен, которые уводили пленных, угоняли скот, уничтожали по-

севы и наносили огромный ущерб краю. Шахское правительство не имело сил для сопротивления, так что в 1877 г. астрабадские поселяне вынуждены были обратиться за помощью к русскому консулу*. Поражение туркмен в результате ахал-текинской экспедиции Скобелева укрепило власть шахского правительства в Хоросане.

Внутренняя слабость шахского правительства создавала фактическую независимость местных правителей в Хоросане, вроде Буджнурского или Кучанского ильханиев, которые использовали сложное положение на туркменской границе для противодействия центральной власти. Та же внутренняя слабость Ирана порождала многочисленные восстания курдских племен на его северо-западной границе. Эти восстания находили поддержку у турецкого правительства, использовавшего курдов в своих интересах. В 1880 г. восстание во главе с шейхом Обейдуллой было подавлено только при активной поддержке русского отряда.

Политическая ориентация Ирана на царскую Россию совпала с такой же заинтересованностью самой России в сближении с Ираном. В условиях обострения международных противоречий и конфликтов за преобладающее влияние на Ближнем Востоке и перед лицом прямого столкновения с Турцией, царское правительство было заинтересовано в том, чтобы обеспечить себе самостоятельную базу на Востоке в лице надежного и верного союзника. Такой базой теперь мог сделаться Иран.

Внешнеполитические противоречия превращали Иран в верного союзника России. В этих условиях выдвигался вопрос об усилении его внутривосточного положения для укрепления его собственных позиций на Ближнем Востоке и обеспечения его независимости от других иностранных воздействий. Так наступило определенное сближение между Ираном и Россией и по внутренним вопросам иранской политики.

Принцип территориальной неприкосновенности Ирана и поддержка централизаторских стремлений шахского правительства во внутренней политике стали тем фундаментом, на котором с конца 70-х годов возникали и крепились дружеские взаимоотношения между обоими государствами.

Укрепление внутривосточных и внешнеполитических позиций Ирана выдвигало в первую очередь вопрос о ре-

* Архив революции и внешней политики, № 812, л. 5—13.

организации военных сил Ирана, об организации иранской армии, которая после времени Аббаса Великого находилась в самом плачевном состоянии. При незначительных размерах регулярная армия в Иране была совершенно не обучена, и большинство ее сержантов не умели не только стрелять, но и правильно держать ружье. Оружие было неисправным и устаревших образцов, а принципы организации артиллерии были так своеобразны, что лишали ее боевых качеств. Отсутствие средств в государственной казне приводило к задержке жалования в течение года и более. Покупка военных званий и право передачи военного чина по наследству отнюдь не способствовали укреплению иранской армии. При такой системе иранские сержанты могли существовать только имея длительные отпуска, иногда свыше пяти лет, и прибегая к различного рода дополнительным источникам заработка—ремеслу, торговле, а иногда—к милостыне.

В связи с этим русское правительство сделало предложение о перестройке иранской армии, встретившее живейший отклик и большую заинтересованность у шахского правительства. Возникает вопрос о создании так называемой „персидской казачьей кавалерии“, явившийся в конце 70-х годов одним из частных моментов в развитии русско-иранского сближения.

II

После предложения шахом Наср-Эддином военной помощи России в предстоящей войне с Турцией* кавказское командование, с целью заключения военного союза и выявления состояния войск иранской армии, выслало в Тегеран своего военного атташе генерала Франшина, который прибыл к шахскому двору в конце мая 1877 года.

Шах ждал с большим нетерпением приезда русского военного представителя в Иран, рассчитывая, что этот приезд приведет к положительному решению вопроса об открытии иранскими войсками военных действий против Турции.

После осмотра, устроенного иранским войскам 28 мая 1877 г., русский военный атташе воочию убедился в том, что армия Ирана находится в исключительно плохом состоянии и не годится для активной помощи царской России в войне**.

* Архив революции и внеш. политики, № 842., л. 5—13.

** Там же, V—Аз. № 25, л. 83.

Подводя итог своим наблюдениям над состоянием иранской армии и сообщая свое мнение по этому вопросу кавказскому командованию, ген. Франшин в донесении от 31 мая 1877 г. писал: „Я прихожу к заключению, что едва ли Персия при настоящей организации и составе ее военных сил может быть для нас серьезной союзницей, и что фактическое участие ее войск в военных действиях составит для нас скорее заботу, нежели подмогу“.*

По решению ген. Франшина и русского посланника в Тегеране Зиновьева, действия иранского правительства в отношении Турции должны были ограничиться лишь враждебной демонстрацией с тем, чтобы создать у турецкого правительства впечатление о возможности вступления Ирана в войну.

Это соображение было продиктовано тем, что слабые иранские войска, выставленные против Турции с востока, сразу же были бы разбиты. Такое поражение, безусловно, могло бы повредить укреплению влияния России в Иране и неблагоприятно отозваться на ее военных операциях. Невозможность непосредственного использования иранской армии приводила к тому, что Россия пока что должна была довольствоваться нейтралитетом Ирана, „стараясь придать этому нейтралитету по возможности приятный оттенок“**.

Все принимаемые иранским правительством меры должны были все больше убеждать Турцию в том, что ей здесь действительно угрожает война. Иранские войска, сосредоточенные в Керманшахе и в Хое, усиливались и снабжались всем необходимым для того, чтобы быть готовым к немедленным военным операциям. В середине мая 1877 г. этим войскам был дан приказ продвигаться ближе к турецкой границе. Одновременно с этим был строго запрещен вывоз всех продуктов из Ирана в Турцию и стала применяться сила, чтобы воспрепятствовать пограничным курдам-суннитам переселяться в пределы Турции для пополнения турецких войск.

Эти меры шахского правительства не были лишены значения для России. Присутствие отряда иранских войск на границе сковывало весь VI корпус и все отдельные боевые части турецкой армии, которые могли бы быть вновь сфор-

* Архив революции и внешней политики, V—Аз. № 25, л. 83.

** Там же, л. 222.

мированы между Багдадом и Баязедом. Даже один этот результат мог считаться для России очень выгодным*.
„...Персия, — писал ген. Франшин в своем донесении, — должна приобрести для нас в будущем, ввиду предстоящего решения восточного вопроса, все большее и большее значение и в политическом, и в стратегическом отношениях“**.

Проблема усиления русского политического влияния в Иране выдвигалась на первое место. Поддерживать слабое иранское государство путем усиления его армии под командованием русских офицеров казалось необходимым и актуальным мероприятием в условиях военной ситуации и изолированности России.

Не случайно ген. Франшин заявлял, что „поставить преграду ослаблению Персии, затормозить ее упадок, — предприятие не невозможное и приступ к нему может быть сделан с некоторой надеждой на успех только преобразованием армии, что, впрочем, — прибавил военный атташе, — должно согласоваться с прямыми нашими интересами в этом районе азиатского материка“***.

Идея усиления Ирана, путем укрепления его армии, была одобрена, и ген. Франшин, получив соответствующие полномочия, сразу же приступил к реализации этого плана.

Первоначальный проект организации иранских войск, составленный русским военным командованием осенью 1877 г., предусматривал создание в Иране 45—50-тысячной армии, обученной на русский лад под командованием русского офицерства.

Содействуя организации иранской армии, Россия могла рассчитывать на двойную выгоду: с одной стороны, это давало ей возможность опереться на новую силу в борьбе с враждебными государствами; с другой стороны, деятельное участие русских офицеров в устройстве военных сил Ирана должно было упрочить влияние России внутри самого иранского государства.

Шах крепко ухватился за идею реорганизации иранских войск при помощи русских офицеров.

Укрепление иранской армии, по мнению русского командования, должно было проводиться постепенно, путем

* После окончания войны стараниями царского правительства на Берлинском конгрессе Ирану была возвращена захваченная Турцией еще до войны с Россией крепость Котур.

** V—Az. № 25, л. 221.

*** Там же, л. 220.

создания на первых порах более надежного и оперативного вида войск — казачьей кавалерии. Шах лично и через своих министров настойчиво просил русское правительство, чтобы назначение русских офицеров для обучения иранской кавалерии было максимально ускорено. Между русским посланником Зиновьевым и Сипехсаяри-Азамом* была установлена договоренность о том, что первоначальный отряд кавалерии не превысит двух тысяч человек. Зиновьев, исходя из этого, в своей секретной телеграмме в министерство иностранных дел от 25 сентября 1878 г., высказал мнение о том, что он считает необходимым назначить одного штаб-офицера, двух обер-офицеров и четырех урядников.

Спустя полгода, 7 февраля 1879 г., между русским посланником в Тегеране и первым министром шаха был подписан договор о поступлении русских офицеров и унтер-офицеров на службу к иранскому правительству и заключен трехгодичный контракт о приеме на службу группы русских офицеров во главе с подполковником генерального штаба Домантовичем.

Еще до заключения контракта, Домантович побывал в Тегеране, где старательно изучил все условия и задачи, предстоящие как ему, так и другим русским офицерам. Он отлично понимал, что успех возложенного на них поручения „будет несомненно иметь весьма благоприятное влияние на будущие отношения России к Персии“**.

Для вооружения вновь формируемых частей, обучение которых было поручено русским офицерам, шах решил приобрести оружие в России. 27 февраля 1879 г. последовало распоряжение Александра II о посылке иранскому правительству 1000 казачьих винтовок и 300 тысяч боевых патронов.

О том, что вооружение иранских войск в конце 70-х годов входило в планы России, свидетельствует также и то, что в марте того же 1879 года русское министерство финансов разрешило иранскому правительству провести транзитом через Россию беспошлинно оружие из Австрии***.

* Первый министр Ирана.

** Архив революции и внешней политики, № 3864, л. 113.

*** 10 тыс. ружей, 5 тыс. карабинов 1500, револьверов и 4 млн. 500 тыс. патронов (Арх. 3664, л. 27).

7 мая 1879 г. группа русских офицеров прибыла в Тегеран*.

Кавказское командование предъявило русским офицерам требование, чтобы их деятельность способствовала поднятию престижа русской армии в Иране. В инструкции от 11 октября 1878 г., данной русским офицерам начальником штаба Кавказского военного округа ген. лейтенантом Павловым, говорилось: "...особое внимание ваше обращается на правильность взаимных отношений как между собою, так и к российскому императорскому посланнику, чего требует достоинство той армии, представителем которой вы являетесь в Персии, дабы между вами и инструкторами из офицеров иных европейских государств, изображающих в большинстве случаев занесенных судьбою искателей приключений, существовало то резкое отличие, которым и должно поддерживаться понятие о достоинстве и могуществе державы российской**".

Заведующим обучением персидской кавалерии был назначен подполковник Домантович. Несмотря на кажущуюся самостоятельность, данную Домантовичу инструкцией от 11 октября 1878 г., он во всех более или менее важных вопросах целиком зависел от русской миссии в Тегеране. Обо всех своих предположениях и планах, касающихся устройства и развития частей персидской кавалерии, Домантович был обязан советоваться с Зиновьевым и приступать к осуществлению тех или иных мер лишь после одобрения и утверждения их посланником. Такой же порядок устанавливался для тех случаев, когда шахское правительство сочло бы нужным обращаться прямо к заведующему обучением казачьей бригады, помимо посланника. Посредством такого ограничения русское правительство предотвратило возможность создания по инициативе военного командования второго самостоятельного центра русской политики в Иране.

Ловкий и энергичный офицер, Домантович правильно понял возложенную на него задачу; он решил своей активной работой сразу же завоевать авторитет и преимущества для русских офицеров в иранской армии. Усиленная деятельность Домантовича с самого начала дала поразительные

* В составе группы были: подполковник генерального штаба Домантович, есаул кубанского казачьего войска Братков, хорунжий Кухаренко, сотник терского казачьего войска Вырубов и пять урядников терского и кубанского войска (Арх. 3864, л. 44).

** Архив революции и внешней политики № 3864, л. 114.

для персидской армии результаты. В короткий срок им был составлен бюджет на сформирование и годовичное содержание кавалерийского полка, а 1 июля 1879 г. в дер. Заргенде, близ Тегерана, уже был поставлен лагерь, и полк начал свое существование. Результаты деятельности русских офицеров были продемонстрированы во время смотра казачьей бригады, устроенного шахом 7 августа 1879 г.*.

Удовлетворение от смотра, которое испытывали шах и его министры, вполне объяснимо. Действительно, порядок и твердая дисциплина, установленные в частях Домантовича, были новыми явлениями, несвойственными другим воинским соединениям Ирана. Шах, привыкший ранее видеть вокруг себя вооруженное сборище, вместо обученных и дисциплинированных солдат, увидел организованные войска с регулярным снабжением, благоустроенными казармами и правильно поставленным обучением. Благодаря неустанным заботам русских офицеров, войска могли даже щегольнуть казачьей выправкой.

Домантович быстро приближался к поставленной перед ним русским правительством цели: энергичной работой по реорганизации иранской кавалерии приобрести влияние на шаха.

„Восторженный отзыв шаха, — писал Зиновьев русскому министру иностранных дел Гирсу 18 декабря 1880 г., — доказывает, что штаб-офицер Домантович сумел снискать доверие его величества. Продолжая находить, что пребывание русского офицера в рядах персидской армии не лишено политического значения, я, со своей стороны, не могу не отдать справедливости усердным трудам г. Домантовича, успевшего оправдать оказанное ему доверие и убедить шахское правительство в пользу, которую он может извлечь, вверяя обучение своей армии русским офицерам“**.

* Архив революции и внешней политики, Аз.—V, № 28, л. 449. См. также рапорт Домантовича от 10 августа 1879 г.: „Результат этого смотра вышел необыкновенно блистательный... Стройность фронта и весьма хорошее равнение показали военному министру поразительными, в особенности принимая во внимание кратковременность обучения. По окончании смотра военный министр весьма много благодарил, на мой же ответ, что сделано все возможное, он сказал: „Non! plus que possible. Vous avez fait un miracle actuel“ И действительно, восторг был полный“ (Аз.—V, № 27, л. 397).

** Там же, № 27 л. 397.

В течение двух лет с 1879 по 1881 г. ядро для создания большой иранской армии было организовано и обучено.

Следуя общему плану реорганизации иранских войск, выработанному еще в 1877 г., Домантович выдвинул перед кавказским командованием проект создания 25-тысячной иранской армии.

По мнению Домантовича, для России было весьма выгодным создание 25-тысячного корпуса персидских войск по образцу уже организованных полков казачьей кавалерии, которые „могут считаться вполне отборным войском, не только в конном, но и в пешем строю, и как стрелки“.

Вновь созданный корпус, образованный на персидские деньги, при создавшемся влиянии России на иранское правительство и преданности шаха и валиата русским интересам, по мнению автора проекта, мог бы явиться даровым русским авангардом в передней Азии. В случае могущих возникнуть столкновений в персидском Курдистане и вблизи русской границы, Россия сможет опираться на этот корпус и будет избавлена от расхода средств на сбор русских отрядов для охраны своих границ. Россия, по мнению Домантовича, не имеет никаких оснований опасаться подобного усиления иранской армии, так как „даже при враждебном отношении к нам Персии, корпус этот по своему типу не может быть опасен нам“*.

Однако, выдвинутый подполковником Домантовичем план практического создания 25-тысячной регулярной армии в Иране, на новом этапе перестал соответствовать реальным интересам царского правительства. Урегулирование русско-турецкого конфликта снимало пока вопрос о возможности нового военного столкновения между Россией и Турцией. Отношения же между Ираном и царской Россией обострились в связи с дележом туркменских земель.

Отказ царского правительства удовлетворить полностью территориальные притязания шаха Наср-Эддина повлек охлаждение шахского правительства к России и резкий крен в сторону Англии. Усиление военной мощи Ирана не могло встретить теперь сочувствия со стороны царской России.

Домантович, добросовестный и исполнительный служака, оказался плохим политиком. В новых, изменившихся условиях он продолжал на практике ту линию, которая была

намечена ранее и теперь уже не соответствовала интересам русского правительства. Между Домантовичем и Зиновьевым начались разногласия. Несмотря на возражения шаха, Домантович был отозван, а на его место прислан полковник Чарковский.

Первоначальный замысел, лежавший в основе организации казачьей кавалерии,—превращение ее в костяк будущей сильной иранской армии—так и не получил своего осуществления.

* Архив революции и внешней политики № 3864, л. 118.

АВСТРИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1768—1774 гг.

Что Франция подстрекала Порту к войне с Россией и, действительно, явилась главной виновницей русско-турецкой войны,—это не вызывает сомнений: сами французские дипломаты этого никогда не отрицали. Иначе дело обстоит с Австрией. Ее роль в возбуждении русско-турецкой войны представляется в другом свете. Несомненно, имевшие место подстрекательства и Австрии в Порте против России не только были менее активны, но и преследовали другую цель. Австрия пыталась, путем запугивания Турции, вернуть Россию в фарватер своей политики и заставить если не порвать, то охладить русско-пруссские отношения. Но затем, убедившись в прочности русско-пруссского союза, в невозможности при данных обстоятельствах нарушить эту связь, австрийцы, повидимому, прекращают антирусскую деятельность в Порте. Тем более, что с этого времени Австрия не возлагала больших надежд на своего формального союзника—Францию и была сама готова, пусть еще нерешительно, искать пути к сближению с Пруссией; не случайно еще в 1766 году предполагалась встреча Фридриха II с Иосифом II.

Единственные свидетельства, объявляющие Австрию наряду с Францией непосредственным возбудителем русско-турецкой войны, исходят из прусского лагеря. Но показания прусских представителей, как лиц, заинтересованных в обострении австро-русских отношений, весьма пристрастны и вряд ли могут быть приняты на веру без других подтверждающих данных. А между тем Обрезков, русский посол в Константинополе, в своих реляциях из Константинополя за вторую половину 1767 года и в 1768 г., неодно-

кратно жалуется на французов, но ни разу не упоминает австрийцев¹ (ГАФКЕ)*.

У Голицына, русского посла в Вене, не было никаких материалов к сомнению в нелояльности австрийской политики в Порте в последнее время по отношению к России.

Кауниц отрицал виновность Австрии в турецком выступлении против России, и Голицын верил ему. По сообщению Голицына, Кауниц ему сказал: „что легко статья может, что при российском императорском дворе принято некоторое подозрение в каких-либо при Оттоманской Порте наущениях; что, однако, двор сей, не взирая на наши прошедшие обстоятельства, не учинил ни малейшего к возмущению турков поступка и отнюдь никакого к тому не подал повода: о чем не инако как партикулярным образом изъяснялся он со мною, уверяя меня в невинности двора сего турецких предприятых с достаточным правдушiem, сколько мне можно было из лица или из речей его приметить“².

Голицын это заявление Кауница, согласное с его собственным мнением, подкрепляет беседой с английским послом в Вене — С. Тормонтом, который, „вступив в откровенный со мною разговор о турецких делах“, сказал, „что здешний двор не имел и не имеет ни малейшего участия в оскорбительных Вашему Императорскому Величеству поступках Оттоманской Порты“³.

Видные исследователи международных отношений этой эпохи Бер и Арнет отрицают какую-либо причастность Австрии к разрыву мирных отношений между Россией и Портой.

И Панин не приписывал Австрийскому двору роли возбудителя турок. В марте 1769 г., спустя 5 месяцев после объявления войны, когда обстоятельства позволили трезво, без горячности, оценить условия, вызвавшие конфликт, Панин писал Голицыну в Вене: „Мы... не сомневаемся отнюдь в прямоте поманутого двора и искреннем его желании видеть скорее пресечение, нежели размножение военного в соседстве своем пламени“⁴.

Поэтому, по крайней мере, точно звучит категорическое заявление в „Истории дипломатии“, что „под непосредственным воздействием австрийского (Р—Г. Г.) и французского послов, Турция в конце 1768 г. объявила войну России“⁵.

Трудно возражать против того, что Австрия, особенно в первое время после окончания семилетней войны, побуждала Порту к выступлению против России, но конкретные события, предшествующие непосредственному объявлению Портой войны России, не приводят нас к австрийскому дому.

Но можно согласиться с тем, что Австрия, не являясь непосредственной причиной турецкого выступления, как это было с Францией, все же оказала Порте косвенную поддержку. Надо полагать, что у Екатерины были достаточно веские основания писать: „Франция есть та держава, которая все свое коварство истощила для упражнения нас сею войной. Она извлекла из венского двора по ее с ним тесному союзу обещание нейтралитета и тем ободрила Порту к настоящему предприятю“⁶. Очевидно, что без гарантии Порте нейтралитета, по меньшей мере, со стороны Вены Турция не решилась бы выступить против России.

Что у Австрии в самом начале войны не было резкой враждебности к России и желания использовать начавшуюся войну против русских, видно из письма Марии-Терезии—австрийской императрицы—от 30 декабря 1768 г. Она писала: „Надеюсь, что мы не будем замешаны в этих польских волнениях. И на старости лет я не буду наказана войной...“⁷

И поступки Австрии зимою 1768—69 гг. свидетельствуют о лояльном и даже дружелюбном отношении австрийского двора к России. И попытка посредничества в Порте, в целях предупреждения военных действий, и участливое отношение по своей собственной инициативе к судьбе арестованного турецким правительством русского посла в Константинополе Обрезкова, подкрепляют уверенность, что та враждебность, которая затем на протяжении всей войны проявлялась венским двором к России, возникла впоследствии. Тогда только австрийцы заняли враждебную России позицию, когда русские одержали ряд крупнейших побед над турками и угрожали тем самым нарушить установившееся на Балканах „политическое равновесие“.

Но было бы наивным думать, что Кауниц испытывал большое огорчение, когда началась война. В Вене надеялись на то, что война побудит Россию вернуться к союзу с Австрией. Но, независимо от этого, в Вене рассуждали, что борьба Порты с Россией, истощив обе стороны, вряд ли даст серьезный перевес одному из противников.

* Государственный архив феодально-крепостной эпохи.

К обоим воюющим странам Австрия не испытывала никаких симпатий. Порты—старый противник Австрии. Еще не был забыт в Вене позорный Белградский мир. Естественно, что, не желая успеха России, Австрия менее всего была также заинтересована в усилении Турции за счет России.

С началом русско-турецкой войны Австрия переживает ажиотаж,—ведь военные действия будут разворачиваться поблизости от венгерской границы! Надо подготовиться ко всяким неожиданностям и возможным благоприятным случаям. Раз уж война началась, рассуждали в Австрии, надо постараться не обидеть себя, не прозевать и извлечь все выгоды, которые смогут открыть драматические события перед Австрией!

Началось с малого,—с установления пограничных кордонов, и попутно уже в начале 1769 года, раньше, чем пришли в соприкосновение воюющие армии, Австрия, расставив пограничные пикеты и уточняя пограничные места, продвинула пограничные столбы за пределы польского пограничного округа Ципс. Позднее Кауниц объяснил, что Ципс, это исконное венгерское владение, в свое время заложено поляками, возвращается своему законному хозяину. И так как Польша переживала тяжелые дни междуусобной борьбы и стонала, придавленная сапогом русских войск, и поэтому не могла доказать силой оружия противоположное, то Кауниц оказался прав. Он действовал по рецепту Фридриха II, который считал, что если имеются плохо лежащие земли, то их можно предварительно взять с тем, чтобы позднее обосновать законность притязания с помощью юристов и архивов.

До начала войны ни одна из сторон, ни Россия, ни Австрия, не заявляли об аннулировании ранее подписанных и формально действовавших между ними договоров по турецкому вопросу. Россия не хотела рвать с Австрией, наоборот, считала целесообразным и важным сотрудничать с австрийским двором по турецким делам, полагая, что принятые ею ранее обязательства в этом отношении остаются в полной силе. Австрия держала за пазухой камень, считая про себя, что поведение России в Семилетней войне развязало ей руки, полностью освободило ее от каких-либо обязательств по отношению к России. Но она не считала разумным прямо об этом России сказать: пусть русские надеются и строят иллюзии, тем скорее они просчитаются. И кроме того, еще неизвестно, как будут раз-

виваться события в дальнейшем: совсем неполитично преждевременно обнародовать свои помыслы.

Но русская дипломатия вскоре после начала войны решила раскрыть австрийские карты, поставив 11 мая 1769 г. перед Кауницем вопросы ребром, чтобы не могло быть двойного толкования; 1) признает ли Австрия обязательства, (союзный трактат 1746 года и секретную статью от 1753 года); о помощи России в случае войны с Портой; 2) намерена ли Австрия напасть на Пруссию, если последняя пошлет войска на основе союзных обязательств в помощь России против Порты, и 3) как Австрия относится к польским делам.

Кауниц ответил, что поскольку Россия первая нарушила свои обязательства по отношению к Австрии, постольку Австрия освобождает себя от обязательств по адресу России, но что она будет сохранять строжайший нейтралитет. Кауниц указал, что Австрия не собирается выступать против Пруссии, если прусские войска не вступят в Польшу. В противном случае Австрия разрешит себе последовать этому примеру. В польские дела,—сказал Кауниц, Австрия не будет вмешиваться⁸.

Уже первые успехи русского оружия летом 1769 г. встревожили Австрию. Теперь, наконец-то, осуществляется, под непосредственную диктовку чрезвычайных обстоятельств, план встречи Фридриха II с Иосифом II. Свидание состоялось в августе 1769 г. в г. Нейссе. Два соперника перед лицом грозящих опасностей обещали забыть взаимные обиды. Главным предметом их переговоров была русско-турецкая война. Иосиф объявил королю, что Австрия приняла ряд мер для мобилизации армии и вдоль всей польской, молдавской и валахской границ установлены пограничные кордоны⁹. Император и король обменялись письмами, заверениями о взаимном стремлении к сохранению мира и о радости примирения между домами, с надеждой на дальнейшее углубление их дружбы. По словам Фридриха, Иосиф сказал ему, что ни он, ни его мать, никогда не допустят, чтобы Молдавия и Валахия остались во владении русских¹⁰.

В начале турецкой войны в лагере русской дипломатии не было единства. Наряду со сторонниками дальнейшего укрепления дружеских связей с Фридрихом, пользовались весом и голоса, настаивавшие на австрийской ориентации, на возвращении к союзным отношениям с Австрией. Влияние приверженцев к союзу с Австрией было тем сильнее, что происходила трудная война с Портой. Не случайно

Фридрих, мобилизовавший все свое искусство, чтобы доказать России преимущества союза с Пруссией перед союзом с Австрией, не сразу убедил Россию продлить с ним договор: начавшаяся в январе 1769 г. переписка о заключении союзного договора закончилась только в октябре. Но, наконец, жребий был брошен. Ориентация России определилась: союз с Пруссией продолжается.

И сильно ошибался Кауниц, когда он рассчитывал, что Фридрих тяготеет к союзу с Россией. Встреча в Нейссе и позднее в Нейштадте не подтвердили прогноза Кауница, который он высказал еще в августе 1768 г. о том, что Фридрих в глубине души устал от союза с Россией и охотно вступит в союз с Австрией, если только убедится, что Австрия может забыть о Силезии.¹¹ Оказалось, что Кауниц не в состоянии забыть Силезию, а Фридрих не пылает желанием стать союзником Австрии.

История показала обратное тому, что думал Кауниц. Фридрих все теснее примыкал к России и все свои надежды возлагал на союз с Петербургом, а не с Веней. Фридрих был достаточно тонким дипломатом, чтобы не отталкивать Австрию, когда она готова была пойти на сближение с Пруссией. Заигрыванием с Австрией он набивал себе цену в России и подавал некоторые надежды Австрии: пускай Австрия строит иллюзии, не Фридрих от этого проиграет. Но все свои реальные расчеты Фридрих строил, исходя из союза с Россией, хотя преследовал свои цели.

С конца 1769 г., после первых значительных успехов России, в Австрии усилилось недовольство петербургским двором. Оно имело двойное основание: с одной стороны, русские солдаты рассеивали австрийские иллюзии о вероятном равновесии сил на театрах военных действий между Россией и Портой, так как Россия успела уже к осени 1769 г. завоевать большую часть Молдавии и Валахии; с другой стороны, подтверждение и расширение союза между Россией и Пруссией означало конец надеждам на поворот русской политики в австрийском направлении.

Кауниц, уже в 1769 г., перепуганный первыми успехами России, волновался и угрожал. Он писал: „Турецкая война, к несчастью, взяла такой дурной оборот и так мало надежды на лучшее будущее“... „будущая кампания не обещает быть более благоприятной для турок“ и „они будут принуждены заключить поспешный мир, поплатившись Азовом, Таганрогом, даже Очаковым и Крымом; а если это случится, что могущество Турции рухнет, то Россия, наоборот, под-

нимается на степень самой страшной державы для всех других континентальных стран. Следовательно, страшный риск заключается в продолжении войны между Россией и Турцией. Честолюбивая душа русской императрицы может быть сдержана только страхом опасности, которой она подвергается, если не положит пределов своим обширным планам: для этого мы собрали в Венгрии и Трансильвании войско, которое сначала не было значительным и представляло только меру, чисто охранительную, но потом мы его достаточно пополнили, чтобы заставить Россию подумать, а в случае нужды и употребим его более серьезным образом“¹².

Убедившись окончательно (на второй год военных действий между Портой и Россией), что ход войны показывает не равновесие сил, а значительный перевес России, когда австрийцы увидели, что русские войска заняли Молдавию и Валахию и Россия может оказаться непосредственно у австрийской границы, Австрия серьезно забеспокоилась и стала всеми силами стараться, где только можно, вредить России. Назначение Россией консула в Триест вызвало резкий гнев Австрии. Она запротестовала и потребовала закрытия консульства, ссылаясь на политику... нейтралитета*.

Екатерина была выведена из себя, когда получила от Голицына из Вены сообщение, что венский двор отказал России в открытии русского консульства в Триесте. Она писала Панину в марте 1770 г.: „Господа австрийцы, если они последовательны, должны после отказа принять нашего консула в Триест из-за опасения турок, выгнать нашего посланника из Вены и объявить нам войну; этот отказ от принятия консула не есть поступок, свойственный нейтралитету“. Далее Екатерина пишет: „Австрия в течение 2-х лет принимает у себя всех польских бандитов... между тем, как они терпят у себя несколько тысяч наших врагов, они отказывают принятию с нашей стороны консула в портовом городе, когда наши корабли в Средиземном море, и когда они нуждаются во всяких необходимых для своего существования вещах... Одним словом, этот отказ не дружественен и не нейтрален“¹³.

* Кауниц объяснял это решение австрийского двора Голицыну тем, что, в связи с нахождением русского флота в Средиземном море, турки „будучи излишком подозрительны, были бы огорчены снисходительным здешнего двора поступком в рассуждении вашего“. ГАФКЕ. Австрийские дела № 501, л. 120, 10/III 1770 г. Голицын—Орлову.

Вскоре до сведения России дошли сообщения о стягивании австрийских войск в Трансильвании. Панин жалуется Голицыну на несправедливость Австрии, которая предоставляет убежище польским конфедератам, разрешает туркам свободно покупать хлеб и фураж в Трансильвании, без чего они бы на Дунае и держаться не могли, и в то же время „нашим армейским комиссионерам такая закупка там точно отказана была“¹⁴.

В сентябре 1770 г. в Нейштадте произошла новая встреча между королем с одной стороны и императором и Кауницем с другой. Свидание в Нейштадте было дальнейшим шагом по пути сближения между Австрией и Пруссией. Но и это свидание, как и встреча в Нейссе, как тесного сближения, так и полной ясности во взаимоотношениях между Австрией и Пруссией не принесло. Принятый в Нейштадте „катехизис“ важен был тем пунктом соглашения, в котором указывалось, что Пруссия не должна идти на сближение с Францией, а Австрия с Россией без обоюдного согласия¹⁵.

В Австрии волна недовольства Россией, в связи с продолжающимися успехами русского оружия, поднималась все выше. А Франция—союзник ненадежный и в финансовом отношении опустошенный: на нее положиться нельзя. И в Австрии волей-неволей усиливались тяготения к Пруссии: оторвать Пруссию от России и изолировать последнюю, тогда можно будет с успехом не только угрожать России, но, если понадобится, и воевать с нею,—таков был план Австрии.

Сближало Австрию с Пруссией то, что обе они с одинаковой боязнью следили за растущей мощью России. Фридрих писал брату Генриху: „Россия—это страшное могущество, от которого через полвека будет трепетать вся Европа“¹⁶.

Еще с большим волнением наблюдала за растущим могуществом Российской империи Австрия. В Нейштадте Кауниц сказал: „Мы не хотим, чтобы русские были нашими соседями“¹⁷.

Успехи русских войск так сильно встревожили венский двор, что Рода писал из Вены: „Составилось общее мнение, что императрица-королева будет на стороне турок, если русские не положат предела своим успехам“¹⁸.

Австрия, недовольная и негодующая, принимает ряд мер, направленных против России, и в то же время стремится к быстрейшему примирению России с Портой, что-

бы Россия не достигла еще больших успехов (мнение о слабости Турции стало теперь всеобщим в Австрии), на основе австрийского посредничества на желательных для Австрии условиях.

В середине 1770 г. Турция согласилась принять посредничество Австрии. Труднее было добиться согласия на это от России. Кауниц, еще направляясь на свидание к Фридриху в Нейштадт, писал: „Турки наконец захотели мира и нашего посредничества; теперь надобно заставить Россию захотеть того и другого: в этом все дело и вся забота“¹⁹.

Но дальнейшие блестящие победы России в 1770 г.—Чесменский бой, о котором Орлов доносил Панину: „Скажу тебе немного о нашем плавании, зажегшем везде огонь: с флотом за неприятелем пошли, до него дошли, к нему подошли, схватились, сразились, разбили, победили, поломали, потопили, сожгли и в пепел обратили“, и Кагульская победа—заставили Россию рассуждать иначе, чем это хотелось Порте и Австрии. Россия могла рассчитывать в соответствии с победой своего оружия на весьма выгодный мир. Она хотела закрепить за собой, или по крайней мере подчинить своему влиянию, те земли, которые были ею завоеваны, что должно было обеспечить России удобное расположение на Черном море и свободу судоходства на Черном и Средиземном морях.

Вскоре после свидания в Нейштадте Австрия присоединила к себе, ранее австрийским кордоном оцепленные, 13 городов графства Цинс. Явился ли этот захват следствием принятого между Фридрихом и Кауницем „катехизиса“, или это было сделано независимо от принятого соглашения, но этот поступок Австрии не ввел новых лавров в дипломатический венок австрийских политиков того времени. Одно из двух: если этим фактом Австрия хотела дать понять, что наступил момент для раздела Польши и чтобы ее примеру следовали другие соседи, то все ее последующее поведение этого не подтверждает. Можно не сомневаться, что Австрия отнюдь не желала создать прецедент для Пруссии или России. Занимая эти земли, Австрия менее всего хотела получить хвалебные (за смелое самоуправство) отзывы от Фридриха. Если же Австрия решила использовать обстановку, чтобы немного поудить рыбу в мутной воде, то игра не стоила свеч. Из-за такого небольшого земельного приращения терять так много в репутации, создать повод для других, скомпрометировать себя перед польскими конфедератами, в которых

Австрия, противодействуя России в Порте, была так заинтересована, вряд ли было целесообразно. Эта политика характерна именно для Австрии—Кауница, которому не всегда удавалось бросать взгляд в будущее, брать более далекий прицел.

Поздней осенью 1770 года Австрия кипела, полная негодования против России. Русские успехи велики, Екатерина фактически отклонила посредничество Австрии. До австрийского двора дошли слухи об огромных претензиях России к Порте. Кауниц пытается внушить Фридриху, чтобы он перестал потакать России, так как позднее, рассуждает он, этому бурному потоку (русским) нельзя будет поставить преграду. В результате полной победы Россия получит дополнительно несколько сот тысяч дисциплинированных солдат и новые источники богатств благодаря свободному плаванию в Черном море,—рассуждает Кауниц. Русский флот окружит всю Европу, а обладание Очаковом и другими пунктами на Черном море подвергает опасности не только Константинополь, но и самое существование Турецкой империи. Все это так усилит перевес России на суше и на море, что никто не будет в состоянии ей противостать. Чтобы не дать России выполнить этот грандиозный план, Кауниц стремится привлечь Фридриха на сторону Австрии, совместно с Пруссией вступить в Польшу с корпусом в 30—40 тысяч человек, помирить Понятовского—польского короля с конфедератами и предписать, в качестве вооруженных посредников, мирвоющим странам.

Но если Фридрих на это не пойдет,—рассуждает Кауниц, из опасения, что это будет связано с большими издержками, то нужно добиться у Фридриха по меньшей мере согласия на полный нейтралитет в случае выступления Австрии против России²⁰.

Россия сформулировала свои требования Порте. Прежде всего она настаивала на освобождении Обрезкова. Остальные ее требования сводились к следующему: Азов и обе Кабарды переходят к России. Устанавливается свободное судоходство по Черному морю. Крым и татары становятся независимыми. России передается один из островов архипелага. Вводится всеобщая амнистия для греков, участвовавших в восстании против Турции. Молдавия и Валахия в течение 25 лет должны остаться в русском управлении в качестве компенсации за военные расходы.

Фридрих в основном был уже знаком с русскими претензиями к Порте и согласен с ними. 12 ноября 1770 г. он

писал: „Умеренность, с какой эта государыня восстанавливает мирные условия с турками, венчает картину стольких великих дел и прибавляет в нее последний блеск, ибо прекрасно прощать врагам своим, но еще прекраснее не утеснять их, когда их можно сокрушить“²¹.

Но через месяц, в декабре 1770 г., Фридрих неожиданно для России отказался поддержать эти требования Екатерины. Он решил, что условия для осуществления его плана раздела Польши созрели, и он был заинтересован, играя на трудностях турецкой войны, возможно скорее осуществить их. Прусский король, формальный союзник России, вместо поддержки русских требований по отношению к Порте, пытался путем запугивания Австрией и крепостью ее связей с Францией (хотя Фридрих превосходно знал, насколько рыхла дружба между Австрией и Францией) заставить Россию ограничиться присоединением Азова и получением права торговли в Черном море: „Если она захочет больше,—пишет Фридрих Сольмсу,—то я предсказываю Вам, что она вступит в войну с Австрией“²².

Екатерина, окончательно убедившись, что Фридрих беспокоится исключительно о своих интересах и не только не поддерживает, но по существу противодействует интересам России, заинтересованная в скорейшем окончании войны с турками, решила сама изъясниться с Австрией.

С Австрийским домом говорят дружелюбно и тепло. Говорят ему, не излагая своих формальных претензий к Порте, не только о своей любви к миру, но и о том, что Россия не помышляет о завоеваниях и расширении: она желает только вознаграждения за понесенные военные издержки и обеспечения границ.

В Вене все же больше верили Фридриху, который говорил австрийцам, что ввиду чрезмерности русских претензий он даже не может сообщить их австрийскому двору. Естественно поэтому, что к заявлению Екатерины отнеслись с большим недоверием²³.

Однако, в Вене не хотели сразу оттолкнуть Россию, тем более, что Австрия не могла в принципе возражать против предварительного условия для приступа к переговорам—русского требования об освобождении своего бывшего посла в Константинополе Обрезкова. Австрийский двор выразил одобрение русским мирным принципам и дал свое согласие на добрые официальные (услуги). Тугуту, австрийскому послу в Константинополе, было поручено хлопотать об освобождении Обрезкова, и убедить Порту не на-

ставать на посредничестве, довольствуясь добрыми услугами²⁴.

Вскоре, в начале мая 1771 г., Австрия, используя свое положение и свой авторитет в Турции, добилась освобождения Обрезкова, внушив Порте, что иначе Россия не начнет мирные переговоры.

Весной 1771 г. Россия, убедившись, что не удастся заставить Порту пойти на соглашение без участия посредников, сообщила свои мирные условия Австрии. Но когда Россия вступила в непосредственный контакт с Австрией, минуя передаточные инстанции в лице Фридриха, то было уже поздно: слаженный механизм австрийской политики продолжал свою деятельность. Только события большого значения или предложения, радикально меняющие позиции России, могли в это время изменить направление австрийской политики. А между тем русские предложения оказались Австрии явно неприемлемыми.

Дальнейшее нарастание враждебности Австрии к России, чума и другие внутренние трудности, выявившиеся в России, ослабление русского влияния в Швеции, наконец, непрерывные и настойчивые притязания Фридриха на часть Польши с угрозой, в случае отказа России благословить его и принять участие в разделе Польши, объявить о своем нейтралитете и таким путем окончательно развязать руки Австрии к выступлению против России,—все эти факты настойчиво побудили Россию принять определенные решения. Абсолютно прав Дункер, утверждая, что хотя Панину очень жаль было отказаться от господства в будущем над всей Польшей, но трудное положение обязывало уплатить Фридриху за помощь²⁵.

Однако, Россия не спешила навстречу Пруссии. Несмотря на холодный ветер из Вены, Россия, отдавая дань щепетильности венского двора, продолжала оказывать Австрии внимание и выражала надежду на возможность сближения с ней, вплоть до готовности порвать с прусским королем. Таким образом прежде чем Панин дал согласие Фридриху пойти на раздел Польши, на этот чреватый огромными последствиями шаг, Россия сделала еще одну попытку договориться с Австрией и привлечь ее на свою сторону²⁶.

В письме Панина Голицыну в Вену от 21 мая 1771 г. проводится мысль о необходимости самым дружественным образом объясниться с венским двором, убеждая его в общности интересов России и Австрии. Одновременно Панин, надеясь на установление тесного контакта с Авст-

рией, просит объяснить Кауницу, что Россия согласна на дружеское обсуждение „объявленных от нас мирных условий, кои по свойству своему могут иногда подать повод ближайшим еще между обоими дворами изъяснениям и постановлениям ко взаимной их пользе“.

Но Австрия в эти дни вела переговоры с Портой. Кауниц, увлеченный тайными переговорами с Турцией и надеждой, что холод Австрии и ее вооружение подействуют лучше на Россию в смысле умерения ее требований, чем новая переориентация Австрии от Порты к России,—продолжал стоять спиной к России.

Австрию охватывает воинственный пыл: в ней проводятся широкие военные демонстрации. Прусский посланник в Вене—Рода, наблюдавший за приготовлениями Австрии к войне, писал: „В случае отказа России уступить Валахию и Молдавию венский двор начнет войну с Россией безотлагательно в будущем же году. Для производства демонстраций все уже кончено, и кроме того здесь продолжают отправлять военные транспорты в Венгрию и покупать там большие запасы овса для магазинов. Русский двор очень бы ошибся, если бы рассчитывал на то, что здесь еще раз подумают прежде, чем вступить с ним в войну“²⁷. По сообщению Гуннинга—английского посла в России Панин ему в то время сказал: „один только польский раздел помешал Австрии обнажить меч“²⁸. Реальность австрийских угроз и опасения вооруженного выступления Австрии подтверждал Голицын, сообщая на протяжении многих месяцев 1771 г. факты австрийских военных приготовлений.

А Фридрих продолжал усиливать свой нажим на Россию и шел на всякие дипломатические фокусы, чтобы скорее добиться согласия России на раздел Польши. Он долгое время старается представить положение так, что Австрия неизбежно в связи с ходом русско-турецкой войны выступит против России.

И в момент, когда обстановка (действительно, не без содействия Фридриха) достаточно накалилась и война оказалась неизбежной,—Фридрих предлагает давно заготовленной им рецепт спасения: раздел Польши.

Острая вражда Австрии к России, сопровождавшаяся угрозами к открытому выступлению, и двойственная позиция Фридриха II вынудили Россию дать согласие прусскому королю на участие в разделе Польши.

Россия надеялась привлечением Австрии к разделу Польши связать австрийский двор, заставить его действовать в интересах России при заключении мира с Портой.

В то самое время, когда Панин дал Фридриху принципиальное согласие на участие в разделе Польши, приближались к концу переговоры, которые велись между Австрией и Портой.

После двух лет неудачных для Порты военных действий Турция тем с большей охотой готова была пойти на соглашение с Австрией, что в стране усиливались внутренние трудности. Армия разлагалась все сильнее, и в стране происходили серьезные волнения. Голицын еще в ноябре 1770 г. извещал Екатерину: „Сведая я, что пришедшее в недавнем времени из Боснии в Белград войско числом до 6 тысяч человек, не хотя следовать к визирской армии, которой оно отправлено, вздумало в этом городе остаться с янычарами, составляющими тамошний гарнизон“²⁹. Турки стало быть, не только убегали с полей сражения, но часто даже до них не доходили, показывая образцы своеволия и анархии. В этой обстановке естественно, что Порта с готовностью вступила в переговоры с Австрией.

Однако турки долгое время категорически возражали против каких бы то ни было территориальных уступок России, в то время как Кауниц понимал, что полный возврат к старому невозможен. Тогда Тугут, который вел переговоры с турками, настоял на компромиссном решении; будущий мир должен быть подписан либо на основе Белградского, либо на других приемлемых для Турции условиях. В результате дальнейших переговоров и взаимных уступок в июле 1771 г. между Австрией и Портой была подписана тайная конвенция:

1) Австрия обязывалась Россию освободить и мирным путем или силой оружия принудить возвратить Порте крепости и территории, принадлежавшие Турции и захваченные Россией.

2) Австрия должна была содействовать ускорению мира без нарушения независимости и прав Польской республики.

3) Порта за содействие, оказываемое ей, уплачивает Австрии субсидию в размере 11¼ млн. флоринов. Из них одну пятую часть — немедленно.

4) Порта соглашается уступить Австрии часть Валахии между Трансильванией, Банатом, Дунаем и Алутой. Договор должен храниться в тайне, особенно относительно Франции³⁰.

Эта конвенция не могла надолго разрешить противоречия, вызванные ходом войны, и показывала, что Австрия не могла решиться в выборе пути своей восточной политики, все продолжая колебаться между миром и войной. Разумеется, эта конвенция была направлена непосредственно против России и ее заключение явилось реальным и формальным нарушением объявленной Австрией политики нейтралитета.

Таким образом Австрия, напуганная огромными успехами России и ее большими претензиями, поспешила заключить соглашение с Портой. Австрия надеялась, в случае удачной конъюнктуры (если Фридрих согласится на полный нейтралитет), получить целый ряд преимуществ. Порта не будет сокрушена и на ее обломках, по соседству с Австрией, не водворится могущественная Россия, и Австрия, избавленная от угроз со стороны обессиленной Порты и истощенной России, получит свободу действий на Западе и на Востоке. Из тактических соображений тоже было целесообразно подписать соглашение с Портой. Австрия вооружается, устраивает демонстрации и даже готова выступить против России — почему же не использовать при этом трудное положение Порты и объяснить, что все эти действия, направленные против России, в которых была кровно заинтересована Турция, предпринимаются в интересах Порты, так пусть Турция за это вознаградит своего союзника, и Австрия с большим энтузиазмом продолжит свою враждебную России активность.

Таким образом почти одновременно были заключены два взаимно противоположных соглашения: Австрии с Портой и России с Пруссией; выполнение одного соглашения исключало другое. Так, по австро-турецкому соглашению Польше гарантировалась целостность ее территории и освобождение от русского вмешательства, тогда как реализация русско-прусского соглашения означала раздел Польши.

Возникал вопрос — кто возьмет верх. История показала, что соотношение сил складывалось благоприятнее для русско-прусского соглашения.

Австрийская дипломатия, увлеченная тайными переговорами с Портой, переоценила значение соглашения с Турцией: реального увеличения сил, противодействующих России, не происходило. А между тем реальная сила заключенного с Портой договора возымела бы огромное действие, если бы Австрии удалось обеспечить по край-

ней мере нейтралитет Пруссии. Правда, Кауниц придавал огромное значение поведению Пруссии и для переговоров ездил к Фридриху фон-Свитен, чтобы вырвать у короля согласие на нейтралитет в случае выступления Австрии на стороне Турции против России.

Однако, несмотря на то, что Свитен никаких обязательств от Фридриха в Вену не привез, венский двор с большим рвением продолжал переговоры с Портой, полагая, что союз с Турцией спасет Австрию от всех неприятностей.

Но если „стратегически“ Кауниц и Тугут, авторы австро-турецкого соглашения, потерпели поражение, то фактически они остались в выигрыше. Порта прониклась доверием к Австрии и затем продолжала упорствовать в конфликте с Россией, лелея надежду на Австрию. Австрии также пригодились миллионные субсидии, которые она получила в виде первого взноса.

Теперь, после подписания соглашения с Турцией, Кауниц открыто объявил русские требования к Порте абсолютно неприемлемыми, что они не могут послужить даже базой для дальнейших переговоров, и поэтому Австрия отказывается „от принятия на себя добрых официальных отношений к восстановлению мира“³¹.

Россия с самого начала 1771 г. приходит к мысли, что независимый от Порты Крым для нее важнее, чем дунайские княжества. И политически, учитывая крайнее нежелание Австрии, чтобы русские под тем или иным предлогом, в той или иной форме хозяйничали или покровительствовали молдаванам и валахам, Россия постепенно отходит от намерения утвердить за собой Молдавию и Валахию; раньше она требовала аннексий княжеств на 25 лет, затем в середине 1771 г. настаивала только на независимости их, а в декабре 1771 г. согласилась вернуть их Порте. Зато петербургский двор до самого конца категорически настаивал на независимости Крыма: сюда австрийцам трудно притти. Но чтобы требовать его независимости, надо его завоевать. Поэтому главные усилия русских в 1771 году были направлены к прорыву укреплений на перешейке и к взятию Крыма. Эта задача была разрешена командованием русской армии летом 1771 г., Крым был завоеван Россией.

Захват русскими Крыма был фактом большой значимости. Новая тяжелая гиря легла на чашу весов в пользу России, увеличивая обоснованность русских претензий.

Получилась любопытная картина. Летом 1771 г. появились сразу три победителя: Австрия, заключившая, казалось, весьма выгодную конвенцию с Портой; Пруссия, добившаяся согласия России на участие в разделе Польши, что не только увеличивало территориальную протяженность прусского королевства, но и соединяло в целое разорванные части Пруссии; Россия, одержавшая новые победы над турками и татарами завоеванием Крыма, и в пользу „независимости“ Крыма теперь действовали не только русские дипломаты, но и русские солдаты.

Ранней осенью 1771 г. в России ощущали опасность грозы—ожидали разрыва между Веной и Петербургом, а вслед за ним—между Пруссией и Австрией. В связи с этим армию приводили в такое состояние, чтобы она была способна сопротивляться Австрии.

Французы рассчитывали на большую решительность Австрии: они полагали, что поскольку Екатерина продолжает настаивать на таких условиях мира, которые Австрия признала недопустимыми, то австрийский двор примет решительные меры (выступит против России) и тогда проявится истинное намерение прусского короля. Однако, проверить подлинные планы короля можно было лишь путем выступления против России, но тогда уже поздно было бы (если Пруссия поддержит Россию всей своей военной силой) бить отбой. Вот этой пробы оружия и опасалась Австрия, не имея заверения о нейтралитете со стороны Пруссии.

Русско-пруссские переговоры, посвященные конкретным вопросам раздела Польши, были одним фактором, который отрезвил воинственный пыл австрийцев, а другим—были серьезные внутренние трудности, переживавшиеся в это время Австрией. Военные приготовления и маневры резко усиливали финансовое напряжение страны: Австрии пришлось сделать ряд займов. Моровая болезнь и другие болезни, появившиеся в Белграде, вскоре перебросились и на австрийские земли и стали поражать солдат. 1771 год оказался очень неурожайным для Богемии и Моравии. Все эти факты в совокупности поставили Австрию в весьма тяжелое положение. А в это время пришло сообщение из России: Екатерина продолжала настаивать на своих требованиях. Иосиф растерялся, он писал матери, что возможностей много, но он не видит ни одной благоприятной. Если объявить войну России, то надо быть готовым вести ее на два фронта, или же выступить посредником русских

предложений Порте и посмотреть, что она скажет, или отказаться от всяких услуг и посредничества и, не ратифицируя договор с Портой, держать армию наготове, чтобы в нужный момент иметь свободу выбора. Главный свой вывод Иосиф сформулировал в конце письма: „Против русских никогда ничего нельзя будет сделать без прусского короля. Я каждый день в этом все больше убеждаюсь. Вести одновременно войну в Валахии, Богемии и Моравии было бы разорительно, бесплодно и привело бы только к гибели армии“³².

Австрия через Порту и Свитена стремится узнать намерения Пруссии, ее подлинную позицию в случае войны Австрии с Россией. Она хочет вырвать у Пруссии обещание полного нейтралитета. Но Фридрих лавирует, он не хочет запугать Австрию прямым заявлением, что Пруссия будет на стороне России. Это может заставить Австрию пойти на серьезные уступки. Тогда нельзя будет шантажировать Россию угрозой австрийского наступления, поэтому он на прямо поставленные Свитеном вопросы дает такие уклончивые и неопределенные ответы, что австрийский посол в Берлине так ничего определенного и не мог сообщить своему двору.

В эти дни состоялась встреча Кауница с Голицыным, в беседе с которым Кауниц настаивал на возвращении Порте не только Молдавии и Валахии, но и Крыма. Он убеждал русского посла в Вене, что все европейские страны не могут согласиться с переходом Крыма к России. Эта беседа с Кауницем несколько неожиданно для Голицына закончилась таким резким заявлением канцлера, которое звучало как угроза: „дела наши весьма серьезны становятся для здешнего двора и что сей двор не может долго спокойно быть зрителем“³³.

В следующей беседе Кауниц предложил от имени Австрии Голицыну такие условия мира: к России отходит Азов с областью, обе Кабарды, она получает право на свободную торговлю и мореплавание в Черном море и денежное вознаграждение, а также право на постройку пограничных крепостей. Из Польши Россия должна уйти, польский государственный строй остается без изменения, а Австрия оставляет за собой графство Ципс³⁴.

Политика Австрии была исключительно „своеобразной“: она знала одно — нельзя допустить, чтобы другие страны, в особенности соседние, обогащались (землей и людьми) более, чем Австрия. В особенности это относилось к

австрийской политике на Востоке, собственных целей у Австрии здесь не было. Кауниц знал лишь, что нельзя разрешать другим брать, в то время как Австрия будет созерцать. Россия преследовала определенные цели — выход к Черному морю и завоевание черноморских степей и Крыма. Пруссия разрешала давно поставленные перед собой задачи: соединение разрозненных частей королевства в одно целое, путем одновременного увеличения своей территории приобретением польской Пруссии.

У Кауница задача другая: или никто ничего не должен взять, или, если возьмут другие, то Австрия должна получить во всяком случае не меньше, чтобы не нарушился пресловутый принцип политического равновесия. Не подлежит сомнению, что эта позиция венского двора питала воинственное настроение в Турции почти на всем протяжении войны. Австрия своим враждебным России поведением несомненно стимулировала активность польских конфедератов, получавших у нее моральную и материальную поддержку. В значительной мере венскому двору обязана Россия неуступчивостью Турции. Это вынуждало Россию пойти на значительные уступки по сравнению со своими первоначальными намерениями, согласившись даже на возвращение Порте дунайских княжеств.

В декабре 1771 года Россия оформила с Пруссией соглашение об участии в разделе Польши. Теперь было решено добиться присоединения к заключенному соглашению Австрии. Ее официально пригласили принять участие в разделе Польши. Согласие Австрии на участие в разделе Польши должно было разрядить напряженную обстановку и содействовать русским видам на мир в Порте.

Несмотря на все негодование, которое было в душе у Панина против Австрии, когда он узнал о субсидной конвенции, подписанной между Австрией и Портой, он советует Голицыну не показывать вида, что Россия об этом знает и негодует.

И вместе с тем Россия не могла не затаить обиды против такого враждебного поведения Австрии, которое вылилось в Тугутовскую конвенцию. Не подавая вида, Россия была готова отомстить Австрии за ее поведение.

Однако вскоре на австро-турецкую конвенцию стали в России смотреть иначе. Если вначале эта конвенция произвела впечатление взорвавшейся бомбы, то через некоторое время Панин спокойнее оценивал это соглашение между Портой и Австрией. Как передает Каскарт (англий-

ский посланник в Москве), Панин 20 марта 1771 года сказал ему, что чем более он обсуждает конвенцию, производшую на него первоначально глубокое впечатление, тем более он убеждается в том, что венский двор оставил за собой право сделать для Порты то небольшое, что окажется для него удобным³⁵.

Фридрих был прав, считая, что Кауниц не развяжет войны, если будет уверен, что пламя ее может охватить австрийские земли. В Австрии уже назревал перелом. Не сразу, а медленно, отступая с боями, приходили в Австрию к мысли о принятии участия в разделе Польши, чтобы не остаться совсем с пустыми руками.

После официального предложения России примкнуть к разделу Польши, Австрии стало ясно, что ей следует уступить. Другого выхода не было. Кауниц был достаточно благоразумен, чтобы не вступать в войну одновременно с Пруссией и Россией, имея такого жалкого союзника, как разгромленная Порта.

Таким образом, Австрия дала, наконец, согласие на раздел Польши. Голицын доносил из Вены: „Князь Кауниц переменял свою систему и не только не хочет более противиться нашим видам, но ныне токмо того и желает, чтобы подружески войти во все распоряжения с нами и королю прусским“³⁶.

Так образовался тройственный союз в целях раздела Польши. Тем самым казалось неизбежным тесное сближение между Австрией и Россией. Надо было ожидать перемены ориентации Австрии в русско-турецком вопросе и полного содействия австрийского двора видам России в деле заключения мира с Портой. Эта задача тем более облегчалась, что уже к этому времени Россия не настаивала на отторжении от Порты завоеванных ею территорий Молдавии и Валахии: русское соседство Австрии более не угрожало.

И действительно, из Вены пришли радостные вести о полной готовности венского двора вступить в тесный контакт с Россией.

Присоединившись к русско-прусскому соглашению по польскому вопросу, Австрия, связанная новой обстановкой и новыми интересами, вынуждена была согласиться помочь России заключить мир. И в первый момент — в медовый месяц новых дружественных связей, возникших на почве совместного дележа Польши, — Австрия обещала России содействовать заключению мира с Портой в русских инте-

ресах. Те же условия мира, которые ранее казались неприемлемыми, теперь, когда Кауниц получил „необходимые объяснения о подробностях и обстоятельствах, которых у него до сих пор не было“³⁷, стали вполне естественными.

Австрия обещает активно содействовать России. Тугуту даются венским двором указания убедить Порту заключить перемирие и вступить в мирные переговоры с Россией.

В этот момент Австрия, возможно и искренне, была готова России „облегчить ход мирных переговоров с Портой, поручив ныне же своему министру в Константинополе вместе с королевским министром расположить Порту к перемирию и конгрессу, в котором бы открыты переговоры согласно последнему плану русского двора“³⁸.

Австрия, после соглашения с Россией и Пруссией о разделе Польши, поскольку теперь уже нельзя было воевать с Россией из-за Турции, стояла перед дилеммой: продолжать придерживаться, обманывая Россию, тугутовской конвенции, что сулило, реально учитывая перевес русского оружия, малый успех, или же открыто изменить Порте и вступить в соглашение с Россией на предмет совместного раздела Турции.

Из этих двух тенденций, правда, может быть не сразу, но победила первая: лучше отказаться от совместных с Россией приобретений в Порте, с тем, чтобы Россия как можно меньше получила от Турции.

Россия верила, что у нее с Австрией, несмотря на формальный разрыв союза и имевшие место враждебные выпады Австрии в ходе русско-турецкой войны, — единство цели: ослабление и вытеснение общего врага — Порты. Это мнение имело и некоторое основание: внутри венского двора существовали руссофильские настроения — итти вместе с Россией против Турции. Это подтверждается и колебанием австрийской политики в 1772 г.: ведь был момент, когда австрийский двор хотел в союзе с Россией поживиться за счет турецких земель. Об этом свидетельствуют и последовавшие в недалеком будущем события, когда русский и австрийский дворы совместно, правда не до конца, воевали против Порты (вторая русско-турецкая война при Екатерине, 1787—1791 гг.).

Но все же это мнение было ложным. Исторически противоречия по турецкому вопросу между этими странами должны были нарастать. Хотя во второй русско-турецкой войне при Екатерине II Австрия и воевала на стороне

России, но это было нарушением основной линии внешне-политических отношений между Австрией и Россией. Австро-русские отношения в период первой русско-турецкой войны как бы в миниатюре отразили всю настороженность и враждебность Австрии к России, что так убедительно проиллюстрировала Австрия в русско-турецких войнах и взаимоотношениях XIX века.

Дальнейшие взаимоотношения после заключения субсидной конвенции между Австрией и Портой приняли любопытный характер: Тугут приобрел в Порте такое сильное влияние, что все попытки России вести переговоры непосредственно с Турцией отвергались турками. Турция видела перед собой только ограниченное поле. В первое время после заключения соглашения ей казалось, что Австрия самая надежная защита. А то, что Австрию можно перевести или переманить на другой берег силою угроз или заманчивыми обещаниями, этого не учитывали недалекновидные турецкие дипломаты.

Австрия, используя такое действенное орудие, как конвенция о субсидиях, связала по рукам и ногам турецкое правительство и до января 1772 года даже противодействовала заключению перемирия между Россией и Портой. На крайний случай Тугут мог снизойти до согласия Австрии на перемирие между воюющими странами, но при условии, что окончательное решение не будет принято без привлечения Австрии.

Кауниц поручает Тугуту узнать, каковы будут намерения Турции в результате новых фактов, которые предстали перед Портой. Тугуту поручалось объяснить Порте и то, что Австрия сочувствует и понимает интересы Турции, но, в силу изменившихся обстоятельств, австрийский представитель на предстоящей мирной конференции сможет возражать русским уполномоченным очень сдержанно. И пусть турки не беспокоятся, — если он (Тугут) внешне будет принимать беспристрастный вид, то в действительности он будет делать все возможное, чтобы благоприятствовать Порте.

Следовательно, в этих последних указаниях Кауница содержалась и программа будущего поведения Тугута, предвосхищалась его позиция на фокшанском конгрессе и все его дальнейшее поведение.

В начале мая 1772 г. Тугут посвятил турецких министров в новые решения австрийского двора. Он поставил перед Турцией в упор вопрос, считает ли теперь Порта

обязанной соблюдать конвенцию, а если нет, то предложил аннулировать ее.

6 июня султан ответил Австрии, что он не хочет требовать у Вены невозможного и готов отказаться от всех преимуществ, представляемых конвенцией, но если Австрия добьется для Порты мира, при котором княжества и Крым вернутся под власть турок, то Турция выполнит все обязательства, вытекающие из конвенции. Если России не удастся убедить согласиться на мир на этих условиях, то конвенция сама собой отпадет, но султан и не будет требовать назад сделанного первого взноса в количестве 3 миллионов пиастров.

Вена осталась вполне удовлетворена таким ответом Порты. С этого момента Австрия вступает на путь двойной игры. Она решила находиться в дружеских отношениях одновременно с двумя врагами: с Россией и с Турцией. Для Австрии создалось любопытное и оригинальное положение: обе враждующие стороны (Россия и Порта) имели основание ожидать содействия от Австрии.

Россия в значительной мере потому и согласилась на раздел Польши, что ожидала таким путем втянуть Австрию в фарватер своих интересов в Порте, оторвать Австрию от Турции и заставить Кауница потребовать от Порты согласия на русские условия мира. Но Панин ошибался, когда он в беседе с Сольмсом сказал, что тесное согласие между Пруссией и Россией „заставило венский двор подчиниться нашим целям“³⁹. Уже в скором времени посылались сигналы о подозрительном поведении Австрии. Из Берлина от имени короля писали Сольмсу, что „господин Тугут продолжает делать в Порте намеки, более способные восстановить ее против мира, чем довести ее до заключения желаемых нами результатов“⁴⁰. Это мнение, что Австрия не спешит навстречу интересам России по турецкому вопросу, а скорей противодействует им, перекликается и с сообщением Сольмса Фридриху: „Всего удивительнее то, что князь Кауниц в своих инструкциях князю Лобковичу ни слова не упоминает о том, каким способом он надеялся помочь России содействием своего двора для ускорения мира с Портой“⁴⁰.

Согласившись на участие в разделе Польши, Австрия, как „дружественная“ России страна, дала указания Тугуту убедить турок заключить с Россией перемирие и приступить к мирным переговорам. С этой задачей Тугут справился.

Летом 1772 г. открылся в Фокшанах мирный конгресс. К открытию и в начале работы Фокшанского конгресса между тремя странами, представители которых участвовали на этом конгрессе (Австрии, Пруссии и России) происходили трения. Спор шел, главным образом, между Австрией, с одной стороны, и Пруссией и Россией—с другой, по вопросу о размерах польской доли каждого участника.

Естественно, что такая обстановка дала Австрии возможность маневрировать и по русско-турецкому вопросу. У России могло создаться впечатление, что подобная неблагоприятная позиция определяется не системой отношения Австрии к русско-турецкому конфликту, а желанием использовать затруднительное положение России в целях приобретения большей доли в Польше. Это обстоятельство побуждало Россию уступить Австрии в польском вопросе, в надежде, что полное урегулирование споров при разделе Польши ускорит и благоприятное для России разрешение русско-турецкого вопроса.

Поэтому большой интерес представляет позиция Австрии, когда споры, связанные с территориальным распределением Польши между тремя ее соседями были закончены. Характерно, что когда оставался только формальный момент—подписание конвенции об участии в разделе Польши, то естественно, поскольку речь об этом шла заблаговременно, в конвенцию предполагалось вписать статью о содействии Австрии России в целях заключения мира на русских условиях. Но, оказывается, венский двор и теперь старался освободиться от всяких обязательств по адресу России в отношении Порты. Как сообщает Сольмс, „Князь Лобкович дал мне понять, что князь Кауниц пропустил в контр-проекте конвенции статью 4, по которой венский двор обязывался бы содействовать на конгрессе миру с Портой“. И далее... „Двор его (австрийский.—Г.Г.)... не может допустить, чтобы в трактате заключалось положительное с его стороны обещание“⁴¹.

Только под сильнейшим нажимом России была включена в конвенцию ст. 4. Так, из-под палки, под большим давлением русского двора Австрия шла на уступки России.

Но Австрия продолжает проводить свой план—не рвать с Портой. Тем более, что, как уже известно, Турция была готова, не желая превратить Австрию в своего врага, довольствоваться меньшим (пусть Австрия занимается польскими делами в союзе с Россией и Пруссией, но если

Австрия выговорит сносные условия мира с возвращением Порте Крыма, то Турция не будет в претензии на поведение Австрии и полностью выполнит условия субсидного трактата 1771 г.).

Почему же, спрашивается, при таких условиях Австрии не поддержать Порту? Если это неудобно делать официально, то можно об этом договориться так, чтобы Россия не узнала.

Австрия таким путем рассчитывала убить сразу двух зайцев: Россия была бы вынуждена довольствоваться значительно меньшим от Порты, а Австрия получила бы выговоренный по договору 1771 г. важный участок земли в Валахии, большую денежную сумму и другие выгоды.

Но вот конвенция между Австрией, Пруссией и Россией подписана. У Панина появилась надежда, что теперь Австрия, официально и формально себя связавшая с Россией по разделу Польши, действительно выступит в русских интересах. Тем более, что 4-я статья конвенции предусматривает „искренно содействовать к достижению желаемого успеха в переговорах на Конгрессе, согласно дружеским услугам“⁴².

Казалось, что Панин имел серьезные основания так расуждать. По словам Голицына, Кауниц заверил его, „что венский двор ни о чем так не помышляет, как о содействии России“⁴³.

В действительности Кауниц продолжал вести двойную игру. Он хочет расположить к себе Россию, но ни в коем случае не отталкивать Порту. Кауниц писал Тугуту, что теперь для Австрии очень важно расположить Россию настолько, насколько это можно согласовать с интересами Порты. Кауниц и сейчас, и в дальнейшем выступает не столько в роли арбитра между двумя воюющими странами, сколько в роли „друга“ обоих врагов, ставя себя в весьма двусмысленное положение.

С Фокшанского конгресса пришли сообщения о нелояльном поведении австрийского представителя. Обрезков 6 августа 1772 г. писал Панину о представителе кабинета: „Венского же, напротив того, оказывается в сем пункте не только холодным по претекстам исключения его от присутствия на публичных конференциях, но чтобы только без погрешения сказать, едва ли по сие время и не поощрял турок и неподатливости настоять“; по словам Обрезкова, австрийский представитель „у турецких министров бывает и через долгое время с ними прoderживается, но он

сам ничего не сообщает, коли что и говорит, то более в подкрепление турецкому упрямству в помянутом деле о татарах“⁴⁴.

Кауниц объяснял Голицыну, что „холодность“ Тугута возможно объясняется „от первоначальной его к нашим на конгрессе находящимся полномочным холодности“, а это явилось результатом исключения Тугута с публичной конференции. И Кауниц сообщал Голицыну, что ввиду этого, „чтобы не умалилось его (Тугута. — Г. Г.) усердие“, он послал Тугуту копию ответной австрийской декларации. Это обяжет Тугута „со возможной резвостью способствовать полномочиям нашим в их негоциации“. Кауниц просил уверить русский двор „в наисильнейших терминах, что он в мирной нашей негоциации... поступит и до конца ее поступать будет, как доброжелательный двору нашему министр, чистосердечно желая, дабы мир восстановлен был сходственно с нашими намерениями“⁴⁵.

В этом заявлении Кауница ряд обязательств: и до конца содействовать русским мирным переговорам, и, что особенно важно, новое подтверждение своего согласия на русские условия мира. Кауниц уверял Голицына „в честности Тугута“⁴⁵.

Однако дальнейший ход событий показал, что и Кауниц и Тугут отнюдь не стремились содействовать русским интересам, а скорее, наоборот, продолжали побуждать Турцию к дальнейшему сопротивлению русским требованиям.

Австрия, несмотря на подписанную с Россией конвенцию, не спешила и не хотела изменить свою линию поведения в отношении русско-турецкой войны. Но Россия теперь требует от Австрии содействия: обнародования декларации в пользу мира в русских интересах.

Только через некоторое время, когда Фокшанский конгресс уже прекратил свою деятельность, прибыла из Австрии декларация, в которой говорилось, что австрийский двор откажется от посредничества, если турки сорвут конгресс. Но конгресс был уже к этому сорван, и Тугут только под большим нажимом Обрезкова согласился довести до сведения Турции эту декларацию австрийского двора.

Австрийская декларация могла бы возыметь некоторое действие (если бы одновременно Тугуту не были посланы секретные предписания противоположного характера) на позицию Порты, при условии, если бы конгресс продолжал свою работу: Турция могла ожидать, что подписание сов-

местной конвенции трех государств, связывает Австрию и заставляет ее вновь переориентироваться. На деле эта запоздалая декларация не могла в данной обстановке оказать на Порту реальное воздействие, так как переговоры были уже прерваны. А ко времени открытия нового конгресса в Бухаресте между союзниками по польским делам вновь усилились трения на почве уже реального распределения польских земель. Тугут, получив соответствующие тайные указания от своего двора, сумел объяснить туркам, что сделанная им декларация после срыва Фокшанского конгресса была вынужденной: на деле Австрия не думает принимать близко к сердцу интересы России.

В конце октября 1772 г. открылся в Бухаресте новый мирный конгресс, а перемирие было продлено до марта 1773 г.

Камнем преткновения и на Бухарестском конгрессе оставался крымский вопрос. Согласившись на инвеституру крымского хана султаном, Россия потребовала реального залога, обеспечивающего независимость Крыма — уступки ей Керчи и Еникале (Крымских крепостей). Переговоры тянулись многие месяцы — с октября 1772 г. до марта 1773 г. — и вновь закончились безрезультатно.

На Бухарестском конгрессе представители Австрии и Пруссии не участвовали — так поступили, желая предупредить нарекания обеих сторон, памятные в связи с Фокшанским конгрессом.

В связи со срывом Бухарестского конгресса Кауниц в беседе с Голицыным сказал, что России не следовало настаивать на занятии Керчи и Еникале. В ответ Голицын указал, что его удивляет „почему Порты, несмотря на учиненные ей от господина Тугута новые представления и данные от нея ему обнадеживания... сделала такой поступок, который не согласен с сим ее обнадеживанием“. „Выслушав сие, не сказал мне Кауниц ничего“ — сообщает Голицын, „и перешел к другой теме“⁴⁶.

Кауниц, несмотря на данные со стороны Австрии заверения, что она окажет России содействие для заключения мира на русских условиях, которые отнюдь не превышали требований, предъявленных Россией к туркам на Бухарестском конгрессе, вскоре вновь выступает, фактически, в роли турецкого адвоката, как это было еще до вступления Австрии в контакт с Россией в связи с разделом Польши.

Австрийская дипломатия исходила из того расчета, что с Польшей в основном вопрос уже решен, а успехи России

в дальнейших схватках с турками не могут быть настолько значительными, чтобы опасаться больших неприятностей. Кауниц ожидал и, казалось, не без оснований, что требования России к Порте по мере нарастания переживаемых Россией трудностей, будут снижаться, так зачем нажимать на Порту в интересах России? При этом можно делать вид, что Австрия старается в пользу России, но все ее старания, в связи с чрезмерностью русских требований (Россия виновата), становятся безрезультатными.

Как мы видели, новый мирный конгресс в Бухаресте также закончился безрезультатно, как и Фокшанский. По мнению Обрезкова, одной из причин срыва Бухарестского конгресса было двусмысленное поведение Тугута. Кауниц стоял за продолжение русско-турецкой войны в надежде к польским приобретениям присовокупить и турецкие. И хотя Кауниц, вследствие настойчивых просьб России, официально объявил Голицыну, что он предписал Тугуту понуждать Порту к уступкам, но вместе с тем Кауниц дал секретное указание не настаивать перед Портой на русских требованиях⁴⁷. Так Австрия продолжала обманывать Россию, последовательно проводя политику поощрения Турции к отклонению русских требований и тем самым содействовала затягиванию русско-турецкой войны.

Не вызывает сомнений, и это подтверждается всей линией поведения австрийского двора, начиная с Фокшан и кончая Кучук-Кайнарджи, что после согласия, данного султаном выполнить обязательства по субсидной конвенции, при условии возвращения Порте княжеств и Крыма, австрийский двор делал все возможное, чтобы удовлетворить эти желания Порты, разумеется, исходя из своих собственных интересов.

Россия поняла, наконец, что Австрию в целях получения от нее реальной помощи для заключения, в интересах России, мира с Турцией, надо чем-то вознаградить. В октябре 1773 года Панин в беседе с Лобковичем сказал, что венскому двору не будет отказано в тех выгодах, которые Австрия сумеет, оказывая содействие России, получить для себя в Порте.

Вскоре в ответ на новые очередные просьбы России о помощи Кауниц выразил согласие сообщить Порте совет в пользу мира, но при этом он настаивал на том, чтобы Россия отказалась от Керчи, Еникале и от военного судоходства на Черном море. При этом Кауниц руководствовался желанием не выставить Австрию перед Турцией в

качестве сторонника русских требований. Даже больше—он предупредил Порту о предстоящем заявлении со стороны Австрии и Пруссии, извиняясь, что Австрия вынуждена к этому требованиями России, и объясняя, что это может быть даже полезно Порте, так как Россия увидит, что Турция не уступает, несмотря на энергичные требования Австрии и Пруссии⁴⁸.

Если в феврале 1773 г. Австрия учила Порту, чтобы она не опасалась австрийских деклараций в пользу России, сообщив по секрету, что они вынужденные, то теперь Австрия идет еще дальше и указывает на те выгоды, которые Порта может извлечь из вынужденных предписаний Австрии.

Таким образом венский двор, несмотря на все колебания, остался верен себе до конца — мешать заключению мира на тех условиях, на которых он обещал России.

Австрия, уверяя Россию в желании ей содействовать, вместе с тем требует от петербургского двора уступки в решающих пунктах: „Русский двор должен решиться отказаться от уступки двух вышеупомянутых крымских крепостей (Керчи и Еникале.—Г. Г.) и от неограниченной навигации на Черном Море“⁴⁹.

Следовательно, венский двор теперь уже официально отказывается защищать те русские требования, которые Австрия в свое время согласилась поддержать.

Упорство Турции, переворот в Швеции, по существу, противодействие Австрии и тяжелое внутреннее положение, переживаемое Россией, заставили ее пойти на дальнейшие уступки Порте. Россия уже была согласна взамен крепостей Керчи и Еникале, — которые должны были в дальнейшем закрепить Крым за Россией, довольствоваться Кинбурном. Россия готова была уступить и в области судоходства: она идет на некоторые ограничения и в отношении плавания русских военных судов в Черном море.

Идя на такие уступки, Россия потребовала от Австрии, чтобы она теперь угрожающим тоном разговаривала с Портой. И за эти услуги Россия обещала помочь Австрии получить отрезок земли в Молдавии⁵⁰.

В ответ Кауниц заявил петербургскому двору, что Австрия не может идти на враждебные действия против Порты, но даст Тугуту указания, что венский двор не намерен больше терпеть продолжения войны.

В действительности, однако, Кауниц не соглашался настаивать на русских условиях мира, так как считал, что

трудности, переживаемые Россией, в особенности в связи с восстанием Пугачева, так велики, что Россия пойдет на дальнейшие уступки⁵¹.

Наступил 1774 год, 6-й год войны. Война затянулась. Финансовые ресурсы России были сильно истощены. Чума оставила тяжелый след. На Урале разворачивалось, под руководством Пугачева, казачье и крестьянское восстание. Настойчивые обращения России к Кауницу, с просьбой о содействии миру, и весенние неудачи русских войск в 1744 году создали в австрийском лагере впечатление, что Россия изнемогает под тяжестью войны. В Вене и в Берлине были довольны сложившейся ситуацией, на смену нервному возбуждению последних лет пришло успокоение. Кауницу казалось: как прекрасны плоды его деятельности. За турками перестали внимательно следить, их опекал. Очевидно, в Вене решили, что поскольку ни одна из сторон не имеет шансов добиться решающего перевеса, можно спокойно и не без радости наблюдать за истощением соседей.

Но вскоре все изменилось. Не учел Кауниц ряда факторов. Турция, истощенная до крайности и раздраемая внутренней распрей, как никогда жаждала мира. Авторитет Австрии у турок, благодаря зигзагообразной, если не сказать прямо двуличной и по отношению к Порте—ее политике, был серьезно подорван. А армии Румянцева при Шумле и Суворова при Козлуджах нанесли туркам непоправимые удары. Силы великого визиря быстро таяли. Визирь просил у Румянцева перемирия, но Румянцев продолжал наступление, требуя немедленного заключения мира. Визирь уступил. Фельдмаршал почти продиктовал в деревне Кучук-Кайнарджи мир обескураженному противнику. История, таким образом, показала, что сопротивление Порты заключению мира с Россией и потворство этому со стороны Австрии не имели достаточно реальной почвы. Австрийская дипломатия не учитывала, что путем дипломатических интриг и ухищрений можно многого добиться, но все же решающим моментом является соотношение сил, в первую очередь военных. Сам факт заключения мира именно фельдмаршалом Румянцевым—очевидное свидетельство, что не столько дипломатия, сколько военная сила решила исход этого длительного военно-дипломатического состязания между Россией, с одной стороны, и Турцией, поддерживаемой рядом европейских стран и в первую очередь Австрией,—с другой стороны.

В соответствии с условиями мира, подписанного в Кучук-Кайнарджи, к России переходили Азов с округом, обе Кабарды и Кинбурн с прилегающими к нему землями. Крым и татары южно-черноморских степей становились независимыми, а Россия получала в Крыму две важнейших крепости—Керчь и Еникале, те самые крепости, которые Россия до подписания мира готова была вернуть татарам—Турции. Россия приобретала также право свободного судоходства на Черном море и торговые привилегии, равные наиболее благоприятствуемым со стороны Порты державам. Русские купцы получали право беспрепятственного передвижения по турецкой территории. Россия брала под свою защиту православные церкви на территории Порты. России предоставлялось право, наряду с полномочным министром—послом, иметь в разных городах Турции, по собственному усмотрению, консулов и вице-консулов. Таковы были главные условия мирного трактата.

Заключение мира в Кучук-Кайнарджи не могло не вызвать резкого недовольства, в первую очередь в Австрии. Тугут негодовал: он так много сделал, чтобы парализовать дипломатической игрой военный успех России. Увидев же подписанный трактат, он понял, что проиграл главное сражение—последнее. Тугут называл Кучук-Кайнарджикский договор образцом искусства русских дипломатов и редким примером тупости турецкой дипломатии⁵².

Возмущен был не в меньшей мере этим соглашением Россия с Портой автор политики неуступок России князь Кауниц. Кауниц сказал в эти дни, что турки вполне заслужили свое бедствие как слабостью на войне, так и недостатком доверия к тем державам, которые, подобно Австрии, были готовы помогать им в их затруднениях⁵³. Кауниц открыто выдал себя, заявив, что на условиях заключенного мира в Кучук-Кайнарджи Австрия никогда бы не согласилась видеть примирение между Россией и Портой.

Подписанный мир был встречен со скрежетом зубовым почти всеми странами Европы. Барону Штакельбергу Екатерина писала: „Я видела в Ораниенбауме весь дипломатический корпус, а заметила искреннюю радость в одном английском и датском министре; в австрийском и прусском менее. Ваш друг Броницкий смотрел сентябрем. Гишпания ужасалась; Франция, печальная, безмолвная ходила одна, сложив руки; Швеция не может ни спать, ни есть. Впрочем мы были скромны в рассуждении их и не сказали им почти ни слова о мире; да и какая нужда говорить о нем! Он сам за себя говорит“⁵⁴.

Маркс несомненно имел в виду и Кучук-Кайнарджикский договор, высоко оценивая искусство русской дипломатии. Он писал: «Если посмотреть самые знаменитые документы русской дипломатии, то невольно приходишь к заключению, что... она... в высшей степени умно, лукаво и ловко умела отыскивать слабые стороны европейских королей, министров и дворов»⁵⁵.

Маркс считал, что договор, подписанный в Кучук-Кайнарджи, был так умело составлен русскими, что давал России возможность его расширительно толковать. Маркс указывал: «...Когда в 1774 году Россия подписывала этот договор, она уже знала, что наступит день, когда она начнет истолковывать его в смысле 1853 г.»⁵⁶.

Несомненно, что Кучук-Кайнарджикский мир был крупной победой России. Этот мир, наконец, разрешил уже давно назревшую задачу выхода России к Черному морю, что соответствовало и историческим правам, и экономическим потребностям русского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАФКЭ. Австрийские дела за 1767—68 гг.
2. Там же, № 475, 57—58, 26 ноября, ст. ст. 1768 г.
3. Там же, л. 73, 26 ноября, ст. ст. 1768 г.
4. Там же, № 496, л. 10, 16 марта, ст. ст. 1769 г.
5. ГАФКЭ. История дипломатии. Т. I, стр. 288.
6. Сб. Русского исторического общества. Т. 87, стр. 225.
7. Arneth. Briefe der k. M. Theresia an ihre Kinder und Freunde. B. 2, S. 272. 30 Dec. 1768 г.
8. Сб. Русского исторического общества. Т. 37, стр. 232—234. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных с Австрией Т. II.
9. Фридрих II. Мемуары. Перев. кн. Вяземского в кн. «О политике Фридриха Великого с 1763—1775 гг.», стр. 18.
10. Nasinich und Wiener. Kaiser Josef II als Staatsmann und Feldherr. S. 38. Wien. 1885.
11. Duncker. Aus der Zeit Friedrichs des Grossen. S. 168—169. Leipzig. 1776.
12. Соловьев. История России. Кн. 6-ая. Т. 28, стр. 627.
13. Сб. Русского историч. общества. Т. 97, стр. 39—40.
14. Там же, стр. 58—61. Панин-Голицыну 9 апреля ст. ст. 1770 г.
15. Nasinich und Wiener. Kaiser Josef II als Staatsmann und Feldherr. S. 44. Wien 1885.
16. Соловьев. История России. Кн. 6-ая. Т. 28, стр. 677.
17. Петров. Война России с Турцией и польскими конфедератами. Т. IV, стр. 49.
18. Сб. Русского исторического общества. Т. 87, стр. 296.
19. Уляницкий. Черное море, Босфор и Дарданеллы. Стр. 349.
20. Arneth. Geschichte M. Theresias. B. 8, S. 245—248. Wien. 1877.
21. Соловьев. История России. Кн. 6-ая. Т. 28, стр. 695.
22. Сб. Русского исторического общества. Т. 37, стр. 359, Фридрих-Сольмсу. Янв. 1771 г.
23. Arneth. Geschichte M. Theresias. B. 8, S. 280—281.
24. Там же, B. 8, S. 282.
25. ГАФКЭ. Австрийские дела № 519, л. 23. Панин—Голицыну, 21 мая 1771 г.
26. Duncker. Aus der Zeit Friedrichs des Grossen. S. 240.
27. Сб. Русского исторического общества. Т. 37, стр. 517—518.
28. Там же, стр. 459.
29. ГАФКЭ. Австрийские дела. № 507, л. 5, 17 ноября н. ст. 1770 г. Голицын—Екатерине.
30. Уляницкий. Черное море, Босфор и Дарданеллы. Стр. 376—377.
31. ГАФКЭ. Австрийские дела, Л. 32—34. От 1 июля н. ст. 1771 г. Голицын—Панину.
32. Arneth. Briefe der k. Theresia. 4 Sept. 1771.

33. ГАФКЭ. Австрийские дела № 518. Л. 20—29 от 7 окт. и. ст. 1771 г. Голицын—Панину.
34. Там же, л. 62—79, от 25 окт. и. ст. 1771 г. Голицын—Панину.
35. Сб. Русского исторического общества. Т. 19, стр. 261—262.
36. Там же, т. I, стр. 152, от 29 янв. и. ст. 1772 г. Голицын—Панину.
37. У л я н и ц к и й. Черное море, Босфор и Дарданеллы. Стр. 391
38. Сб. Русского исторического общества. Т. 72, стр. 32.
39. Там же, стр. 168.
40. Там же, стр. 91—92.
41. Там же, стр. 165—166.
42. Там же, стр. 198—199.
43. ГАФКЭ. Австрийские дела № 532, л. 65, от 30 авг. и. ст. 1772 г. Голицын—Панину.
44. У л я н и ц к и й. Черное море, Босфор и Дарданеллы. Стр. 393—394.
45. ГАФКЭ. Австрийские дела № 532. Л. 70—72, от 2 сент. 1772 г. Голицын—Панину.
46. Там же, № 543 л. 26—27, 20 фев. и. ст. 1773 г., Т. 2, стр. 176.
47. Beer. Die erste Theilung Polens. вВ. II, S. 176.
48. У л я н и ц к и й. Черное море, Босфор и Дарданеллы. Стр. 456, 457.
49. Сб. Русского исторического общества. Т. 72, стр. 405—406.
50. A g n e t h. Geschichte. В. 8, S. 465—466.
51. Там же, стр. 468.
52. Marriot. The Eastern Question. p. 153.
53. Там же, p. 154.
54. Сб. Русского исторического общества. Т. I, стр. 100. Екатерина—Штакельбергу.
55. Маркс и Энгельс. Т. 9, стр. 439 (Традиционная политика России).
56. Там же, стр. 437—438.

А. М. ШАПИРО

БОРЬБА АНГЛИЙСКИХ РАБОЧИХ ЗА ПРОГРЕССИВНУЮ ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ в 60-х гг. XIX века

В предлагаемой статье речь идет о прогрессивной внешней политике, за которую организованные в тред-юнионы рабочие Англии упорно боролись в 60-х годах прошлого века. Речь идет об их отношении к национально-освободительной войне в Италии и гражданской войне в США.

К концу 50-х годов чартизм — это первое массовое политическое движение рабочего класса — сошел со сцены. Зато именно с этого времени сильно возросла политическая роль тред-юнионов. „По мере того, как распадалась чисто политическая или чартистская организация, в той же мере организация тред-юнионов становилась все сильнее и сильнее... Несколько крупных тред-юнионов, охватывающих от одного до двух миллионов рабочих и подкрепленных меньшими или местными союзами, представляют силу, с которою вынуждено считаться всякое правительство господствующего класса, будь то виги или тори“¹.

Тред-юнионы в 60-х годах крепили и росли, они становились значительным фактором не только в рабочем движении, но и во внутривнутриполитической и внешнеполитической жизни Англии. Рабочие массы Англии, объединенные в тред-юнионы, заняли активную демократическую позицию в вопросах справедливых войн 60-х годов прошлого века.

Так, война за независимость Италии от немецко-австрийских угнетателей вызвала горячие симпатии и активную поддержку английских рабочих. Это выразилось в их

отношении к герою итальянского национально-освободительного движения — Джузеппе Гарибальди.

Как известно, итальянский король Виктор-Эммануил, получивший в 1861 г. корону из рук Гарибальди, объявил последнего мятежником во время его знаменитого похода в 1861 г. на Рим. Итальянские королевские войска были направлены против волонтерских частей Гарибальди. 29 августа 1862 г. на горе Аспромонте, произошло кровавое столкновение.

Беликодушный Гарибальди отдал приказ не стрелять по солдатам итальянской армии. Но генералы короля Виктора-Эммануила приказали своим солдатам открыть стрельбу. Гарибальди был ранен, взят в плен и доставлен как пленник в Специю.

Гарибальди вызвал исключительное сочувствие в среде рабочих Англии. Они восхищались „великим львом, побежденным стадом лисиц“. В течение сентября и октября 1862 г. в ряде городов Англии (Лондон, Бирмингам, Манчестер, Глазго и др.) состоялись рабочие митинги в честь Гарибальди, происходили массовые демонстрации с требованием освобождения великого борца за независимость Италии от немецко-австрийских захватчиков. Английский врач Патридж был специально отправлен в Специю для оказания медицинской помощи раненому Гарибальди.

Лондонский совет тред-юнионов организовал 28 сентября 1862 года гарибальдийский митинг в Гайд-Парке, куда собралось 20 тысяч человек. В воскресенье, 5 октября, на рабочем митинге в Гайд-Парке собралось 50 тысяч человек. По окончании речей ораторов раздались тысячные возгласы: „Да здравствует Гарибальди!“.

Делегация лондонского совета тред-юнионов была направлена к итальянскому консулу в Лондоне с заявлением протеста против ареста Гарибальди.

Среди рабочих распространялись подписные листы по сбору средств в фонд Гарибальди. В Лондоне был объявлен сбор (пенни) в фонд Гарибальди. Рабочие жертвовали последние гроши. Вся Англия покрылась рабочими гарибальдийскими комитетами. Гарибальдийский лондонский комитет возглавлялся председателем лондонского совета тред-юнионов Оджером и членом парламента Тейлором.

Страна была охвачена массовым движением за амнистию Гарибальди. При таких обстоятельствах итальянский король вынужден был освободить Гарибальди из-под ареста.

Рабочие приглашали Гарибальди приехать на жительство в Англию. 22 октября 1862 года на собрании представителей лондонских тред-юнионов был организован „Временный Профсоюзный Комитет по организации демонстрации — встречи Гарибальди“. В состав этого комитета были избраны: Гартвель (либерал), редактор лондонской тред-юнионистской газеты „Beehive“ Джордж Поттер и др.².

Во второй половине марта 1864 года, накануне предстоявшего приезда Гарибальди в Лондон, газета „Beehive“ посвятила ряд статей величию Гарибальди.

„Гарибальди великий итальянский патриот, — читаем мы в одной из этих статей, — несмотря на то, что он герой сотен битв, вся его симпатия на стороне сынов труда и индустрии, бедных и угнетенных не только своего, но и всех народов.. Да пусть долго живет Joseph Garibaldi — человек народа и друг рабочего класса“³.

Делегатское собрание лондонских тред-юнионов, состоявшееся во второй половине марта 1864 г., специально обсуждало вопрос, как встретить приезд Гарибальди в столицу Англии. В начале апреля 1864 г. был организован Комитет рабочих по организации торжественной демонстрации по случаю приезда Гарибальди. Председателем этого Комитета, составленного на собрании делегатов тред-юнионов и ассоциаций, был избран Оджер. Большая часть газеты „Beehive“ от 9 апреля 1864 г. была посвящена опубликованию материалов о Гарибальди и официальной программе его приема.

10 апреля 1864 г., в 2 часа 30 мин. пополудни, Гарибальди прибыл в Лондон. Его встречало больше народу „...чем принца Уэльского“⁴.

„В день приезда Гарибальди в Лондон, — пишет А. И. Герцен, — я ...видел море народа, реки народа, запруженные им улицы в несколько верст... С криками „ура“ народ облепил коляску; все, что могло прodrаться, жало руку, целовало края плаща Гарибальди, кричало „Welcome“ (добро пожаловать!). С каким-то упоением любясь на великого плебей, народ хотел отложить лошадей и везти на себе, но его уговорили... Одна народная волна передавала гостя другой“⁵. По всей стране состоялись грандиозные народные манифестации по случаю приезда Гарибальди. Особенно отличились гарибальдийские торжества в Лондоне, Манчестере, Бирмингаме, Ливерпуле, Глазго и Эдинбурге.

Торжественная встреча Гарибальди не обошлась без отдельных конфликтов рабочих с предпринимателями.

В газете "Beehive" от 23 апреля 1864 года мы читаем: „Тирания предпринимателей: м-р Давис в Лондоне выгнал рабочих, потому что они захотели иметь свободный день для встречи Гарибальди... Оуэн и Клинтон прогнали 18 человек рабочих на целый месяц за то, что они пошли встречать Гарибальди“.

Каждый день депутации от рабочих являлись к Гарибальди с приветствиями.

В обращении „Рабочим Франции от рабочих Англии“, составленном в 1863 году и подписанном вождями английских тред-юнионов Оджером, Кремером, Фейси и др., говорилось о „великих деяниях итальянских борцов за свободу, руководимых выходцем из их же собственной среды“.

Рабочие, а с ними вся демократическая Англия, желали видеть Италию демократической, независимой от немецко-австрийского гнета

Но особенно ярко рабочий класс Англии проявил свое свободолюбие в период гражданской войны в Америке и связанного с нею ланкаширского кризиса. В ответ на избрание в 1860 году на пост президента США верного республиканца и активного борца за уничтожение рабства Авраама Линкольна, — южные, рабовладельческие штаты подняли вооруженный мятеж против Севера, написав на своем знамени слова: „Рабство благодетельное учреждение“.

11 апреля 1861 года нападением южан на правительственный форт Семтер (около Чарльстона) начались военные действия между Севером и Югом, началась гражданская война в Америке.

Не надеясь одержать верх над Севером собственными силами, руководители южной конфедерации послали в Англию двух богатых плантаторов Мэзона и Слайделя со специальной дипломатической миссией. Мэзон был инициатором издания известного закона о беглых рабах (1850 г.). И Мэзон и Слайдель являлись активными сторонниками рабства.

Эти посланцы Юга стремились вызвать интервенцию Англии против Севера. Они рассчитывали достигнуть этой цели путем разжигания эгоистических интересов промышленников и рабочих Англии, в особенности Ланкашира, куда поступает дешевый южный хлопок, добываемый за счет рабского труда.

Это была самая позорная миссия XIX века с целью раздуть войну между двумя народами.

Облеченные широкими полномочиями послы Юга направились в Европу на английском почтовом пароходе „Trent“. 8 ноября 1861 г. капитан крейсера северного правительства „San Jacinto“ Уилкс остановил „Trent“, произвел на его борту обыск, причем послы южной конфедерации были арестованы. Так возник англо-американский конфликт.

Правительство Пальмерстона сразу же, не дожидаясь дипломатического разрешения вопроса, „на всякий случай“ переправило в Канаду 8 тыс. солдат.

Пламя войны между Англией и США уже готово было разгореться.

Реакционные круги Англии в задержке капитаном свободного Севера Уилксом английского парохода „Trent“, в „оскорблении британского флага“ искали повод для объявления войны Соединенным Штатам Америки.

Английские реакционеры толкали свою страну, которая отменила рабство в своих колониях еще в 1830-х годах, на войну, которая должна была обеспечить торжество рабовладения, так торжественно осужденного Англией в первую четверть XIX века.

Заслуживает внимания такой факт: вскоре после разрыва между Севером и Югом британский флаг был жестоко оскорблен южанами в порте Саванна. Капитан английского корабля Вофан, виновный в глазах рабовладельческого Юга в том, что угостил обедом укладчика-негра, был схвачен на борту своего корабля, вырван из рук своей жены, обмазан весь смолой и потом обкатын в перьях.

„Уже если где, — пишет в своих „Письмах об Англии“ известный французский историк, находившийся в это время в эмиграции в Лондоне, Луи Блан, — то именно в этом случае следовало показать, что значит обидчивость великого народа. Но почему же британская гордость была менее чувствительна к этой обиде, исходившей от Юга, чем к обиде, нанесенной Севером?“.

Исходя из узких своекорыстных интересов (хлопок) реакционные элементы Англии, не считаясь с национальной честью, с общенациональными интересами, толкали свою страну на войну со свободным демократическим Севером.

Опасность войны оставалась реальной и после того, как правительство Севера в лице государственного секретаря

Сюарда удовлетворило требования Англии и освободило Мэзона и Слайделя.

Англия переживала национальный кризис. Страна находилась в возбужденном состоянии. Все пришло в движение. Клубы переполнялись посетителями.

В глазах подавляющей части английской нации, в первую очередь рабочего класса, — хлопок ничего не значил в сравнении с эмансипацией черной расы, в сравнении с историческим значением победы свободы над рабством по ту сторону океана.

Рабочий класс Англии и все ее демократические элементы хотели во что бы то ни стало сохранить дружбу между двумя народами (Англии и Америки).

Рабочий класс Англии и истиннопатриотические, национальные элементы страны мужественно служили делу свободы. Они расстроили позорные планы интервенции во имя дешевого хлопка, в защиту рабства по ту сторону океана.

Как известно, еще в 1807 году в Англии был опубликован билль, запрещающий торговлю людьми под страхом денежной пени. В 1811 году это наказание было заменено 14 годами ссылки. В 1824 году закон относительно Slave trade (торговли невольниками) приравнял это преступление к пиратству. И, наконец, билль 1834 года уничтожил рабство, ассигновав на вознаграждение владельцев сумму в 20 млн. ф. с.

Терпя жестокие лишения и суровую нужду, рабочие Англии активно поддержали дело свободного Севера. Гражданская война в Америке, приостановив доставку дешевого хлопка в Англию, вызвала в 1862—63 гг. кризис в хлопчатобумажном районе Ланкашира, который резко ухудшил положение текстильных рабочих. Тяжелые лишения выпали на долю полумиллиона рабочих прядильщиков хлопка и ткачей. 60% веретен и 58% ткацких станков совсем не работали, остальные же работали только 2—3 дня в неделю. В связи с массовой безработицей произошло снижение зарплаты на 10—20%. „В конце ноября (1862 г.—А. Ш.) пауперы составляли по отношению к населению в Эшtone 25%, Престоне—20%, Манчестере—20%, Блекбурне—19% и т. д.*”

Газета „Beehive“ развернула в стране агитацию в пользу общенациональной организации помощи бедствующим рабочим Ланкашира. Газета „Beehive“ писала: „Необходимо оказать помощь двум миллионам людей. Закон о бедных дал 300 тысяч ф. с. в год, что в среднем составляет 1 шил.

и 2 пени на человека. Но больше всего дал рабочий класс: как это ни странно, беднейший класс дал всего больше*”¹⁰.

На плечи трудящихся масс, на плечи всей нации легла забота по оказанию помощи ланкаширцам. „Нация ассигновала больше одного миллиона ф. ст. в фонд помощи (Relief fund)”¹¹.

Церковные приходы по всей стране были также привлечены к сбору пожертвований в пользу ланкаширцев. „В стране существуют 20 тыс. приходов, — писала газета „Beehive“, — если даже только 10 тыс. могут оказать помощь и если каждый приход возьмет по 4 семейства, в среднем по 5 человек, то они могут оказать помощь 200 000 чел.”¹².

Среди рабочих были распространены подписные листы по сбору пожертвований в пользу ланкаширских рабочих. Так, подписчики рабочего журнала „The British Workman“ внесли 20 тыс. франков. Если бы каждый читатель „Beehive“ — писала эта газета, — дал бы один пенни, то сумма была бы очень большой и много страдающих могли бы получить помощь”¹³.

И все же, несмотря на все свои страдания, рабочие Ланкашира обнаружили мужество и терпение во имя героической борьбы против рабства по ту сторону океана. Рабочий класс Англии стал на сторону демократического Севера, который вел справедливую войну против мятежного рабовладельческого Юга.

Напрасно агенты Юга и реакционные элементы внутри Англии неустанно повторяли, что источник бедствия рабочих заключается в жестоком упорстве Севера, что все зло произошло от того, что нет хлопка, а хлопка нет от того, что Север хочет покорить Юг, — рабочие отвечали: „Мы не можем стоять за невольный труд, мы люди свободного труда”.

Напрасно американские рабовладельцы подкупали отдельных ораторов публичных митингов и отдельные органы печати с целью оказать влияние на общественное мнение Англии и добиться крестового похода против свободного Севера. „Единственный крупный орган, которым они (рабочие.—А. Ш.) еще располагают, — „Weekly Newspaper“ негодая Райнольдса, — писал Маркс, — подкупили южане, также как и наиболее влиятельных из лекторов. Но все напрасно”¹⁴.

Реакционные круги Англии тайным образом всячески пытались оказать помощь рабовладельцам Юга. Для южной

конфедерации строились военные суда. Это вызвало исключительно резкий протест со стороны английских рабочих. „7 апреля 1863 г., — писала „Beehive“ — в Манчестере состоялось собрание для выражения протеста против строительства военных судов для Южных Штатов“¹⁵.

Реакционные, антинародные, антипатриотические элементы Англии делали все для того, чтобы вызвать интервенцию на стороне Юга против Севера. Но общественное мнение широких кругов английского народа, в первую очередь рабочего класса, оказалось решающей силой, которая помешала интервенции*. Большая часть низшего и среднего слоя населения, в силу старинной и неистребимой ненависти к рабству, стоит за Северные Штаты“, — писал в 1863 г. „The Annual Register“¹⁶.

Недаром Опдайк, майор из Нью-Йорка и экономист, заявил на одном митинге в Нью-Йорке: „Мы знаем, что английский рабочий класс с нами“¹⁷.

На протяжении всей войны в Англии происходили рабочие митинги, на которых выражалось горячее сочувствие Северу.

Крупный митинг происходил 30 декабря 1861 г. в Брайтоне. В то время, как реакционные элементы жаждали войны, рабочие на своем митинге приняли резолюцию, где говорилось: „Война с Америкой была бы несправедливой и заслужила бы неодобрение английского народа“. Выступившие на этом митинге два члена палаты общин, представители Брайтона, Конлигам и Вайт, были встречены громкими аплодисментами. „Если только английский народ, — заявил Вайт, — перед лицом всего мира решится официально и торжественно признать рабство после всех жертв, принесенных им для его уничтожения, то этим самым он собственными руками разорвет одну из самых лучших страниц своей истории“¹⁸.

27 января 1862 г. в связи с предстоящим прибытием в Англию упомянутых двух эмиссаров Юга (Mason и Slidell) состоялся бурный митинг в Мэрилебоне (один из самых населенных рабочих районов Лондона). Вот как описывает этот митинг Маркс:

„Председатель Стедман открыл собрание заявлением, что существует намерение устроить гг. Мэзону и Слайделю встречу от имени английского народа. Мы должны разобрать вопрос, приезжают ли эти господа для того, чтобы освободить рабов от их цепей, или же для того,

чтобы приковать к этим цепям еще одно новое звено.— Ясно, что рабочий класс не может молчать в такую минуту. Два джентльмена, направляющиеся через Атлантический океан в нашу страну, являются агентами рабовладельческих и тиранических штатов... Долг рабочего класса высказать свое мнение, чтобы английское правительство не думало, будто мы являемся равнодушными зрителями его внешней политики“.

Оратор предложил следующую резолюцию:

„Настоящее собрание установило, что агенты мятежников Мэзон и Слайдель, находящиеся теперь на пути из Америки в Англию, совершенно недостойны моральных симпатий со стороны английского рабочего класса, ибо они являются рабовладельцами, открытыми агентами тиранической партии, которая поднимает мятеж против американской республики и является заклятым врагом социальных и политических прав рабочего класса во всех странах“.

...Г. Биль... предложил затем вторую резолюцию:

...„Выразить свои симпатии Соединенным Штатам в их гигантской борьбе за сохранение союза“...

Эта резолюция была принята единогласно, равно как и заключительное предложение „о передаче американскому правительству через г. Адамса (американский посол в Лондоне. — А. Ш.) копии принятых решений, как выражение чувств и взглядов рабочего класса Англии“¹⁹.

1 ноября 1862 г. рабочий митинг состоялся в Рачдэле, где с блестящей речью и выражением симпатии к Северу выступил знаменитый радикал Кобден. 20 декабря на рабочем митинге в Бирмингеме выступили представители Лондонского Совета тред-юнионов и радикал Брайт.

В начале 1863 года рабочие митинги происходили в Лондоне, Ливерпуле, Бристоле и других городах Англии.

Заслуживает внимания крупный рабочий митинг, состоявшийся 29 января 1863 года в Лондоне, в Экзетер-голле. Собралось так много народу, что зал не мог вместить всех желающих. Тут же в зале нижнего этажа был организован второй митинг и третий на открытом воздухе в Экзетер-стрите, при свете луны и газовых рожков.

Едва только было произнесено имя Линкольна, как поднялся гром рукоплесканий, продолжавшийся несколько минут. Рабочие приветствовали эмансипацию негров, высказывались за победу демократического Севера и восстановление Союза. Была принята следующая резолюция:

„Так как восстание Южных Американских Штатов против федерального правительства имело причиной твердую решимость южан не только поддержать, но и распространить рабство, и так как это восстание имело результатом устройство конфедерации, основывающейся на отрицании человеческих прав в лице негров, то настоящий митинг объявляет, что он с негодованием отвергает предположение, будто Англия сочувствует мятежу, нарушившему все принципы политической справедливости, будто бы она сочувствует учреждениям, с одной стороны оскорбляющим нравственное чувство цивилизованного мира, с другой — религию, на санкцию которой они ссылаются“²⁰.

Специальная делегация тред-юнионов, в составе председателя Лондонского Совета Тред-юнионов Оджера, видного деятеля амальгамированного союза плотников Кремера, редактора газеты „Beehive“ Поттера, профессора политической экономии известного радикала Бизли, Брайта и др., была послана к американскому послу в Лондоне Адамсу, чтобы отметить величие дела, за которое борется Линкольн и выразить сочувствие Северу“²¹.

В свою очередь Линкольн обратился к рабочим Манчестера с письмом, в котором говорилось:

„Ваши выступления за свободный Север являются актом героизма, ибо Ваши страдания — результат нашей войны“²².

В связи с переизбранием в 1864 г. Авраама Линкольна на пост президента, рабочий класс Англии и всего мира, в лице „Международного Товарищества Рабочих“, приветствовал американского президента, как руководителя борьбы, имевшей „целью решить: будет ли девственная почва необозримых пространств предоставлена труду переселенцев, или опозорена поступью надсмотрщиков над рабами?“

„...В тех самых местах, — говорилось в этом приветствии президенту Соединенных Штатов, — где возникла впервые, около ста лет назад, идея единой великой демократической республики, где была провозглашена первая декларация прав человека... в тех самых местах контр-революция... цинично провозглашала, что собственность на человека, это краеугольный камень нового здания, — ...рабочий класс Европы понял сразу..., что судьба трудящихся, их надежды на будущее и даже их прошлые завоевания поставлены на карту в этой грандиозной войне по ту сторону Атлантического океана.

Поэтому рабочий класс в большинстве стран Европы внес свою дань крови за правое дело.

...на Авраама Линкольна, честного сына рабочего класса, пал жребий провести свою страну сквозь беспримерные бои за освобождение расы и перестройку всего общества“²³.

Автором этого замечательного документа был Маркс.

Важно в заключение еще раз подчеркнуть, что представители южных рабовладельцев неустанно сулили переживавшему тогда муки голода (в связи с хлопковым кризисом) английскому рабочему большие блага: дешевый хлопок, добытый рабским трудом, а значит работу и высокую заработную плату. Но рабочие Англии с презрением отвернулись от кичливых и самонадеянных представителей Юга. Они поставили выше всего интересы прогресса в целом. „Героическое сопротивление рабочего класса Англии... спасло Западную Европу от авантюры позорного крестового похода в целях увековечения и распространения рабства по ту сторону Атлантического океана“²⁴.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энгельс, Ф. Тред-юнионы. Соч. Т. XV, стр. 568.
2. Газета „Beehive“ от 25 октября 1862 г., № 54.
3. Там же, от 26 марта 1864 г., № 128.
4. Там же, от 16 апреля 1864 г., № 131.
5. Герцен, А. И. Былое и Думы. Т. IV, стр. 417—418. Государственное издательство художественной литературы.
6. Газета „Beehive“ от 23 апреля 1864 г., № 62.
7. Там же, от 5 декабря 1863 г., № 112.
8. Луи Блан. Письма об Англии. Т. 1, стр. 275 — 276, СПб, 1866.
9. Arnold R. The History of the Cotton Famine, London, 1864, p. 298.
(Цитирую по Туган-Барановскому Периодические промышленные кризисы, СПб, изд. 3-е, стр. 422).
10. Газета „Beehive“ от 29 ноября 1862 г., № 59.
11. Royal History of England, p. 496.
12. Газета „Beehive“ от 15 ноября 1862 г., № 57.
13. Там же, от 25 октября 1862 г., № 51.
14. Письмо Маркса к Лассалю от 28 апреля 1862 г. Соч., Т. XXV, стр. 400.

15. Газета „Beehive“ от 14 апреля 1863 г.
16. The Annual Register за 1863 г., Ч. 1, стр. 4—5.
17. Письмо Маркса к Энгельсу от 2 января 1863 г. Соч. Т. XXIII, стр. 122.
18. Луи Блан. Письма об Англии. Т. I, стр. 308, СПб, 1866.
19. Маркс, К. Рабочий митинг в Лондоне. Соч. Т. XII, Ч. II стр. 309—311.
20. Луи Блан. Назв. соч., Т. II, стр. 359.
21. Газета „Beehive“ от 9 мая 1863 г., № 82.
22. Там же, от 14 февраля 1863 г., № 70.
23. Маркс, К. Соч., т. XIII, Ч. I, стр. 21—22.
24. Там же, стр. 13.

С. М. ПУМЯНСКИЙ

ВОССТАНИЕ ЭТЬЕНА МАРСЕЛЯ ПО ДАННЫМ НОРМАНДСКОЙ ХРОНИКИ XIV В.¹

Маркс и Энгельс придавали огромное методологическое значение изучению таких мощных революционных движений средневековья, как восстание Уота Тайлера или гуситские войны в Чехии². К числу наиболее ярких и значительных социальных движений этой эпохи принадлежат, также, парижское восстание 1358 года и происходившая в том же году крестьянская война в северной Франции (жакерия). В западной историографии, вообще мало уделявшей внимания революционному движению в средние века, восстанию Этьена Марселя сравнительно „повезло“ еще, повидимому в связи с тем, что это движение рассматривалось обычно, как прелюдия французской революции конца XVIII века. Во всей исторической литературе, посвященной этой теме, мы не найдем, однако, понимания истинных движущих сил „парижской революции“. Мы находим здесь лишь грубые аналогии с французской революцией, сплошь и рядом резкую модернизацию, а порой—и прямую фальсификацию событий.

Эта позиция буржуазных историков определила и их отношение к источникам, в частности—почти полное игнорирование одного из важнейших для нашей темы источника—„Нормандской Хроники“. Судьба „Нормандской Хроники XIV века“ в самом деле изумительна. Хроника, которая имела такое большое влияние на дальнейшую летописную традицию средневековья³, почти полностью выпала из поля зрения специальной историографии. В то время, как „певца рыцарства“ Фруассара издавали множество раз в каждом веке, начиная с конца XV столетия, и переводили на многие языки, в то время, как официальная лето-

пись французской монархии „Большие Французские Хроники“ тоже издавалась неоднократно⁴, — „Нормандская Хроника“ была напечатана только однажды и то лишь в 1882 году⁵. Ее издатели — известные французские историки-исследователи братья Молинье использовали 17 рукописей этой хроники, найденных ими в различных библиотеках Западной Европы, из коих шесть в Париже⁶, четыре — в Брюсселе⁷, две — в Берне⁸, остальные пять в Тулузе⁹, в Лилле¹⁰, в Лейдене¹¹, в Лахэй¹² и в Англии, в библиотеке известного коллекционера сэра Томаса Филиппса¹³. Мне посчастливилось найти еще одну рукопись „Нормандской Хроники“, которая осталась неизвестной ее издателям¹⁴. В богатейшей коллекции западных рукописей Ленинградской публичной библиотеки хранятся два экземпляра „Больших хроник“. Один из этих экземпляров (под шифром F. v. IV № 1) является обычным списком названной официальной Хроники. Другой (рук. Э. Фр. 88) представляет собой книгу в зеленоватом бархатном переплете, украшенную замечательными миниатюрами работы фландрского мастера Симона Мармиона и великолепно выполненными заставками, написанную в середине XV века для герцога Бургундского Филиппа Доброго. Однако, эта книга лишь в своем начале совпадает с „Большими Хрониками“. Для времен Иоанна II и Карла V она оказывается списком с Нормандской Хроники. Впрочем, такое механическое объединение различных источников переписчиками — обычное явление в Средние века.

Мне не удалось произвести детальной и тщательной колляции рукописи Э. Фр. 88 с печатным текстом. Но уже беглое сравнение позволило установить ряд мелких различий. Судя по текстам и комментариям, опубликованным бр. Молинье, наша рукопись представляет собой тип сокращенной нормандской хроники (*Chronique normande abrégé*, — по терминологии Молинье) и ближе всего подходит к парижской рукописи, хранящейся в Национальной библиотеке под № 5610.

Нельзя не отметить это полное игнорирование Ленинградской рукописи французскими археографами и историками тем более что рукописные сокровища Ленинградской Публичной Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина пользуются всемирной известностью¹⁵.

Отношение к „Нормандской Хронике“ сказалось на исторических работах, относящихся к данному периоду. Так, историк Перренс, не работавший по рукописным ма-

териалам, вовсе не смог ею воспользоваться. Люс, крупнейший палеограф, автор лучшего издания Фруассара и единственной до сих пор монографии по истории жакерии¹⁶, знал эту хронику, но не обратил на нее должного внимания в своих работах. Наконец, Делашеналь, автор монументальной, чуть ли не исчерпывающей, по мнению буржуазных исследователей, истории Карла V, первый том которой посвящен парижскому восстанию 1356—58 гг., мог пользоваться „Нормандской Хроникой“ (и ее латинским двойником) уже в печатном виде, но и он почти игнорирует ее — и игнорирует, конечно, сознательно, а не по незнанию или непониманию.

А между тем „Нормандская Хроника“ при всей ее сжатости и лаконичности дает целый ряд таких сведений по истории парижского восстания XIV века, которых мы не находим ни в одном другом нарративном или официальном документе эпохи, и, что еще интереснее, — дает ряд таких оценок событий и объяснений их причин, которые исходят от современника, приобретают особое значение для историка. Целому ряду важнейших моментов парижского восстания и жакерии эта хроника дает совершенно оригинальное освещение.

После битвы при Пуатье 19 сентября 1356 года, когда король Иоанн Добрый и вся верхушка французского рыцарства попали в плен к англичанам, создалась благоприятнейшая политическая конъюнктура для французского (прежде всего, парижского) патрициата. На сессиях, генеральных штатов, часто созываемых в это время, буржуазия, предводительствуемая энергичным, смелым и умным купеческим старшиной Парижа Этьеном Марселем, настойчиво требовали своего участия в государственной власти, требовала ряда насущных реформ государственного аппарата. В лице молодого дофина Карла (будущего Карла V), оставшегося после плена короля его заместителем по Франции¹⁷, генеральные штаты встретили упрямого, изворотливого и хитрого врага. После утомительной, почти полуторалетней борьбы с дофином, Этьен Марсель решил прибегнуть к насилию. Нападение на дворец 22 февраля 1358 года и убийство по приказу купеческого старшины обоих маршалов (Нормандского и Шампанского), главных советников дофина, было, несомненно, центральным пунктом парижского восстания. С этого момента высшего своего торжества, когда над трупами своих политических противников Этьен Марсель надел на голову перепуганного дофина свою

купеческую шапочку, а сам надел шляпу герцога¹⁸, — началась в Париже диктатура купеческого старшины, окончившаяся только с его смертью.

Каковы были, однако, непосредственные причины этого выступления? На этот вопрос тщетно стали бы мы искать сколько-нибудь конкретный ответ в существующей исторической литературе. Кроме общих фраз об обострении вражды между парижскими руководителями и дофином, о нарастании политического кризиса и т. д. — мы ничего тут не найдем.

Между тем, в источниках имеются интереснейшие указания. Прежде всего чрезвычайно любопытно послушать, как сам Этьен Марсель объясняет свой поступок. В письме к фландрским коммунам от 11 июля того же года купеческий старшина писал: "...герцог пытался поднять в добром городе Париже большое возмущение низов против нас! (des menus contre nous) за это и за некоторые другие вещи были справедливо преданы смерти в очень небольшом числе некоторые из его дурных советников, которые поддерживали его и руководили им в этих и во многих других очень злых делах"¹⁹. — Этьен Марсель намекает здесь прежде всего, на сцену, имевшую место 11 января 1358 года, когда дофин на Рыночной площади обратился с речью к народу, в которой инсинуировал всячески против купеческого старшины²⁰. И эта речь, и самый факт непосредственного обращения к народным массам возбудили большое недовольство в парижском патрициате²¹. Нельзя отказать Этьену Марселю в классовом чутье. Приводимая им, причина в самом деле была серьезной предпосылкой событий 22 февраля 1358 года. Но она не была единственной.

В январе 1358 года пленный король Иоанн Добрый — заключил уже в Лондоне мирный трактат. Согласно этому трактату Франция должна была уплатить 4 миллиона золотых экю, т. е. на один миллион больше, чем она фактически потом уплатила по миру в Бретиньи в 1360 году. Этот лондонский трактат был привезен в Париж в самом конце января и принят в штыки парижской буржуазией. Дело заключалось здесь не только в огромном выкупе, но и в том, что в результате этой жертвы во Францию должен был вернуться Иоанн Добрый, от которого парижские руководители давно старались как-нибудь отделаться. Отношение руководителей парижского патрициата к Иоанну Доброму и к этому трактату хорошо иллюстрирует сообщение „Больших Хроник“ о том, что когда в июле того же года дофин предложил парижанам уплатить в виде первого

взноса по этому трактату 600 флоринов, то парижские руководители ответили, что они не дадут для этой цели (курсив мой.—С. П.) ни одного деньга²².

И вот в „Нормандской Хронике“ в связи с событиями 1356—1358 гг. мы читаем: „В это время король Иоанн был отправлен из Бордо в Англию, и там был составлен один трактат, который был послан регенту Карлу. Об этом послании представители трех сословий ничего не могли узнать ни от регента, ни от кого-либо из его совета; они беспокоились по этому поводу и совместно решили убить совет регента²³“.

В этом сообщении есть, разумеется, преувеличения и явные несообразности. Хроника сообщает, будто бы решили убить весь совет (на самом деле были убиты только три советника). Точно также невероятно, чтобы парижские руководители не могли узнать содержание трактата „от кого-либо из членов совета“, в то время, как в совете этом заседали несколько ближайших друзей и соратников Этьена Марселя (например, епископ Ланский Робер Лекок). Нет, они прекрасно знали в чем дело и именно потому решили действовать. В данном сообщении „Нормандской Хроники“ заключается, однако, драгоценное зерно истины: лондонский трактат был тем последним и решающим толчком, который вынудил купеческого старшину к решительному революционному действию.

Цель восстания 22 февраля заключалась в захвате власти парижской купеческой верхушкой и в превращении дофина в послушное орудие этой верхушки. Первая задача удалась вполне, чего нельзя сказать, однако о второй. В течение месяца дофин выражал, правда, полную покорность по отношению к новым властителям Парижа, но затем, в конце марта того же 1358 года, он внезапно исчез из столицы. Каким образом это произошло, об этом самая подробная летопись этих событий „Большие Хроники“ — хранит упорное молчание. Они лишь внезапно констатируют, что 25 марта герцог „был в Сенлисе, куда он и король Наваррский приказали съехаться дворянам Пикардии и Бовези“²⁴. Любопытно, что Делашеналь, этот апологет Карла V, рабски следует здесь за официозом дофина „Большими Хрониками“, ни словом не упоминая о других источниках, приводящих, как мы сейчас увидим, совсем другие данные.

В самом деле, сразу возникает вопрос, мог ли дофин в той обстановке, которая создалась в Париже после вос-

ставия 22 февраля, открыто и свободно уехать из города, другими словами: получить на это согласие диктаторов Парижа—Этьена Марселя и его соратников? Делашеналь делает вид, что это именно так и было. Но этому противоречат прямые или косвенные указания источников.

Сами „Большие Хроники“ проговорились в одном месте, сообщая, что 17 марта в Сен-Клу был арестован некто Филиппот де Репанти, который признался, что он с группой лиц собирался похитить герцога Нормандского. „Но многие говорили“, прибавляют тут „Большие Хроники“, „что это замышлялось не ради зла, а для того, чтобы вырвать его из-под власти и из рук парижских руководителей“²⁵. Желая тут „очернить“ купеческого старшину и его товарищей, „Большие Хроники“ не заметили, однако, как они тем самым свидетельствуют, что дофин находился в это время всецело во власти Этьена Марселя и что, для того, чтобы освободить его от этой власти, необходимо было его похитить. Таково косвенное свидетельство „Больших Хроник“. В „Нормандской Хронике“ мы находим этому прямое подтверждение. Там говорится: „эти парижане его держали и охраняли так тщательно, что он не мог уехать“²⁶. И далее, „Нормандская Хроника“ сообщает, каким образом дофину удалось все-таки уехать,—конечно, без ведома парижских руководителей:²⁷ „Тогда он (т. е. герцог.—С. П.) тайно отдал распоряжение начальнику плотничьих работ и начальнику мостов, и эти устроили так по его приказу, что увезли его ночью из Парижа на небольшом корабле, и он отправился в Мо“²⁸. Сообщение „Нормандской Хроник“ вполне правдоподобно после всего, что мы знаем о положении дофина в Париже: он не мог уехать явно, а мог только бежать. И понятно, что официозу дофина—„Большим Хроникам“—неудобно было сообщать как их повелитель бежал тайно из Парижа, ночью, крадучись как вор. Но любопытно, что умолчал об этом и историк XX века—Рауль Делашеналь.

„Большие Хроники“, помимо своего желания, дают косвенное подтверждение этого рассказа „Нормандской Хроник“. Они сообщают о казни начальника плотничьих работ Перрэ и начальника мостов Метрэ по распоряжению купеческого старшины. Разумеется, „Большие Хроники“ не могли удержаться, чтобы не сообщить о новых актах „террора“ со стороны Этьена Марселя. Но о причинах казни обоих магистратов „Большие Хроники“ говорят только, что купеческий старшина, несомненно ложно, обвинил их в измене,

в том, что они, якобы, хотели открыть ворота Парижа дофину²⁹, который в это время с войском осаждал город (дело происходило уже в мае 1358 года). В свете рассказа „Нормандской Хроник“ становится ясно, что оба эти должностных лица были казнены именно за то, что они помогли бежать дофину из Парижа,—и там прямо так это и говорится³⁰. Чрезвычайно любопытно, что „Большие Хроники“ смогли указать только на эти три жертвы террора Этьена Марселя, причем все трое связаны так или иначе с историей бегства дофина.

Это бегство имело большие последствия: на дворянских штатах в Шампани дофин получил поддержку, собрал там войско, захватил затем важнейшие стратегические пункты на Марне, Сене и Ионне и организовал блокаду Парижа, которая и привела вскоре к гибели парижское восстание и самого вожака этого движения.

Значение и смысл блокады, организованной герцогом Нормандским, ускользнули почти полностью от понимания буржуазных историков. Они видят в этом только голодную блокаду Парижа (на самом деле, именно как голодная блокада, она была далеко не полной) и совершенно не замечают конкретных особенностей этой блокады, направленной в первую голову против жизненных интересов парижского патрициата. Блокада эта была организована таким образом, что она порывала коммуникации Парижа с шампанскими ярмарками, с Бургундией и с Фландрией,—со всеми теми областями, с которыми парижский патрициат был связан давними экономическими узами. Не говоря уже об экономических данных этой эпохи, можно найти в непосредственных нарративных источниках,—в тех же „Больших Хрониках“,—кое-какие косвенные указания на этот счет. Так, например, они сообщают, что в соглашении 19 июля, заключенном между парижанами и регентом, говорится о том, чтобы „герцог открыл все проходы по рекам и другие, чтобы продовольствие и товары (курсив мой.—С. П.) могли доставляться в Париж“³¹. Это место чрезвычайно любопытно сопоставить с соответствующим сообщением „Нормандской хроники“. Оно указывает, во-первых, место и время, где был составлен план блокады. После рассказа о бегстве дофина из Парижа „Нормандская Хроника“ продолжает следующим образом: „В то время регент Карл находился в Мо и собрал всех своих верных рыцарей и жаловался на жестокость, которая была причинена ему и его людям. Тогда регенту посоветовали,

чтобы он приказал рыцарям Франции и Бовези, чтобы они устроили укрепленные пункты с вооруженными гарнизоном для того, чтобы окружить город Париж таким образом, чтобы продовольствие и товары не могли попасть туда (курсив мой.—С. П.), чтобы поддерживать город"³². Тут замечательно это, почти текстуальное совпадение конца данной цитаты с только что приведенным сообщением „Больших Хроник“.

Рассказ „Нормандской Хроники“ в этом месте подтверждается официальным документом—ордонансом от 14 мая, изданным Компьенскими штатами, параграф 5-й которого предписывал дворянам привести в боевую готовность их замки на Сене, Марне и Уазе. Выполнение этого приказа сеньорами и послужило поводом к взрыву жакерии, ибо многие из дворян для снабжения крепостей или под предлогом этого снабжения взимали подати со своих крестьян „неумеренно и обижая их“ (outrageusement)³³. В связи с этим, как рассказывает далее „Нормандская Хроника“, среди крестьян распространяются панические слухи, нечто вроде Grande Peur 1789 года: „Многие крестьяне говорили, что дворяне, которые должны их охранять, решили совершенно отнять у них все имущество и по этой причине восстали крестьяне Бовези“³⁴. Какая разница между этим лаконичным сообщением „Нормандской Хроники“, так ярко характеризующим классовый смысл восстания, и возмущенной риторикой Фруассара, который описывает восстание жаков, как бессмысленный бунт „бешеных собак“³⁵.

Связь между компьенским ордонансом и жакерией в самом деле несомненна. Бросается в глаза, прежде всего, тесная хронологическая связь: компьенский ордонанс подписан 14 мая, восстание началось (согласно „Большим Хроникам“) 25 мая. Дело, конечно, не только в хронологическом совпадении, а в существе вопроса, так верно подмечено „Нормандской Хроникой“.

Для истории жакерии эта хроника дает также несколько драгоценных штрихов. По другим источникам очень неясно и непонятно, каким образом смысленный и ловкий Гильом Каль, главный капитан жаков, дал Карлу Наваррскому завлечь себя в ловушку. Согласно „Нормандской Хронике“, король Наваррский заявил о своем желании перейти на сторону восставших крестьян и пригласил Каля для переговоров именно на эту тему³⁶. Конечно, если бы такого рода заявление последовало от любого другого феодала, то поверить ему было бы очень наивно. Но с Карлом На-

варским дело обстояло иначе и сложнее. Известно было, что этот союзник купеческого старшины, этот отщепенец среди феодального класса, готов на любой союз для того, чтобы только досадить династии Валуа. Союзник он был, конечно, ненадежный, но временно он мог им стать. Такое предположение было рискованным, но отнюдь не фантастичным. И в том чрезвычайно трудном положении, в котором в этот момент оказалось уже крестьянское восстание, Каль не счел возможным пренебречь этим шансом. Смелый и героический, Гильом Каль пошел на этот риск и погиб. Карл Наваррский, который всю жизнь изменял всем и всему, остался верен только своей классовой сущности и предательски казнил капитана жаков.

Сообщение „Нормандской Хроники“, таким образом, поиному, чем другие источники, освещает последний, роковой шаг крестьянского вождя.

После разгрома жакерии наступила агония парижского восстания. В этот последний его этап вспыхивают противоречия внутри города, поднимается народное, плебейское движение против руководителей патрициата. Эта последняя, заключительная часть парижского восстания 1358 года, — несомненно, самая замечательная черта этого восстания, мимо которой прошли все буржуазные исследователи его, — для историка-марксиста представляет как раз наиболее жгучий интерес.

Движение было заострено прежде всего против союзника купеческого старшины, короля Наваррского. Когда-то любимец парижского народа, Наваррец, после своей свирепой расправы с жаками, потерял всю свою популярность. Когда он вернулся в Париж, он был встречен ледяным молчанием народа³⁷. Вражда к Наваррцу непрерывно росла в связи с тем, что его англо-нормандские наемники нагло вели себя и бесчинствовали в городе. В результате вспыхнуло открытое восстание. „Простолюдины города Парижа заволновались“, читаем мы в „Больших Хрониках“, — „и бросились на англичан, находившихся в городе; около 34 из них было убито; 47 человек главарей были арестованы в доме Несль, где они обедали с королем Наваррским, более 400 человек были схвачены в разных других концах города и посажены в Луврский замок“³⁸. Последние слова этого сообщения создают впечатление, что „простолюдины“, т. е. народные массы Парижа, стали господами положения в городе, если они могли арестовать сотни своих врагов и посадить их в Лувр. Следовательно, они овладе-

ли и этой сильнейшей тогда крепостью Парижа? Но тот, кто владел тогда Лувром, владел и городом. Однако весь дальнейший ход событий опровергает это предположение. Мы знаем, что купеческий старшина и его товарищи вовсе не потеряли власти в Париже в ближайшие дни. К сообщению „Больших Хроник“ „Нормандская Хроника“ вносит корректив, который существенно изменяет всю картину. Оказывается, что изменников Карла Наваррского посадил в Лувр не народ, а Этьен Марсель, причем посадил их с провокационной целью—для того, чтобы как можно скорее освободить их. „Но купеческий старшина,—пишет „Нормандская хроника“, добился у горожан, которые схватили англичан, чтобы они отдали их ему и он их поместил посредством обмана (par souverture) в Лувр“³⁹.

В чем же заключался обман купеческого старшины в данном случае? Почему парижане отдали ему, уже потерявшему над ними бывшее обаяние, свою добычу? „Нормандская Хроника“ и этот вопрос не оставляет без ответа: „И говорил (купеческий старшина.—С. П.), что в виде выкупа за них можно получить большое количество французских пленных, которые были в Англии. Но он приказал коменданту Лувра ночью освободить их“⁴⁰. Этот факт освобождения наемников из Лувра именно купеческим старшиной подтверждается также и „Большими Хрониками“⁴¹.

Мы переходим к последнему акту восстания—смерти Этьена Марселя. И здесь, в этой темной истории, в которой так трудно разобраться до конца, „Нормандская Хроника“ бросает несколько ярких лучей, пронизывающих глубокую тьму, в которой мелькают мрачные тени участников этого события. То, что среди самого парижского патрициата составил заговор против Этьена Марселя,—факт, не вызывающий никакого сомнения. Убийцы купеческого старшины принадлежали к его ближайшему окружению⁴².

Раскол среди парижского патрициата, приведший к убийству его шефа, был вызван блокадой Парижа, которая была так чувствительна для интересов парижского купечества, о чем уже упоминалось выше. К этому присоединились еще конфискации земель парижских патрициев, предпринятые в это время герцогом Нормандским. Тогда в Париже среди ближайших сотрудников купеческого старшины составила группа заговорщиков. И вот в „Нормандской Хронике“ мы находим (и это опять единственное указание) интереснейшие данные о переговорах между этой

группой и герцогом. Предоставим снова слово нашему источнику: „Тогда некоторые горожане Парижа обратились к регенту с просьбой, чтобы ему угодно было явиться в город, где он будет принят с покорностью. Но он ответил и поклялся, что он не войдет никогда (в Париж), пока жив купеческий старшина. И повелел написать письма, которые и отправил парижанам“⁴³. Далее „Нормандская Хроника“ рассказывает, что эти письма попали в руки купеческого старшины⁴⁴. Этот последний штрих тоже очень важен. Этьен Марсель в таком случае совершенно точно знал, чего он может ожидать от дофина. Психологически эти письма могли оказаться той последней каплей, которая перевесила чашу колебаний купеческого старшины и толкнула его окончательно в объятия короля Наваррского. Такое впечатление создается в особенности при чтении „Нормандской Хроники, которая непосредственно после „этого“ переходит к событиям 31 июля. В „Нормандской Хронике“ мы находим прямое обвинение Марселя в намерении открыть ворота Парижа бандам Карла Наваррского: „Тогда король Наварры и его люди потребовали, чтобы он (купеческий старшина) явился следующей ночью и открыл бы им все ворота и тогда можно было бы убить всех недовольных... Купеческий старшина и его сообщники сделали свои приготовления и не хотели, чтобы в эту ночь охранялись ворота и стены города“⁴⁵.

И вот, наконец, последний заключительный аккорд, который гармонично завершает все повествование „Нормандской Хроники“. Это—вопрос о письмах, которые нес с собой купеческий старшина перед своей смертью. Тут мы встречаем в одном пункте единодушие между „Большими Хрониками“ и „Нормандской Хроникой“. Оба источника говорят, что роковая ссора у Сант-Антуанских ворот произошла именно из-за этих писем. У Этьена Марселя требовали, чтобы он их показал, на что он не соглашался⁴⁶. Что же это были за письма? „Большие Хроники“ не очень уверенно говорят, что это были письма короля Наваррского к купеческому старшине, „как говорили“, добавляет Хроника⁴⁷. Странно, однако, что в такой момент, и собираясь как будто скоро встретиться с королем Наваррским, купеческий старшина носит с собой его письма. В „Нормандской Хронике“ мы находим иной ответ, чем в „Больших Хрониках“. Там говорится, что это были письма не Наваррца, а дофина, те самые, в которых он требовал смерти Этьена Марселя и которые были перехвачены купеческим старши-

именем мы часто встречаем его в Хрониках и официальных документах, этой эпохи.

¹⁸ Gr. Chr., éd. Delachenal, I, pp. 149—150.

¹⁹ Lettres d'Et. Marcel, publ. par Kervyn de Lettenhove (Bull. de l'Acad. Belgique, 1853, XX, p. 97).

²⁰ Gr. Chr., I, pp. 135—136.

²¹ Согласно „Большим Хроникам“ парижские руководители усиленно отговаривали дофина от этой затеи и пугали его тем, что он подвергнет себя опасности, отправляясь к „такому народу“ (tel peuple) Ср. Gr. Chr. I, p. 136.

²² Gr. Chr. I, p. 195.

²³ Chr. normande, p. 123. Лен. рук. ГПБ., Э. Фр. 88, стр. 435.

²⁴ Gr. Chr., I p. 163.

²⁵ Gr. Chr., I, pp. 162—163.

²⁶ Chr. normande, p. 125. Лен. рук. Г.П.Б., Э. Фр. 88, стр. 435.

²⁷ Между прочим и Фруассар уверен, что дофин уехал „без ведом-парижан“ (Froissart, Chroniques, éd. Luce, V, 102).

²⁸ Chr. normande, loc. cit. Лен. рук. ГПБ., Э. Фр. 88, стр. 435—436.

²⁹ Gr. Chr., I, p. 178.

³⁰ Chronique normande, p. 126, Лен. рук. ГПБ. Э, фр. 88 стр. 435.

³¹ Gr. Chr., I, p. 199.

³² Chr. normande, p. 127. Лен. рук. ГПБ. Э фр. 88, стр. 436.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Froissart, op. cit., éd. Kervyn de Lettenhove, T. VI, pp. 44 et Suiv.

³⁶ Chr. normande, p. 128. Лен. рук. ГПБ., Э. фр. 88, стр. 436.

³⁷ Gr. Chr., I, pp. 185—186.

³⁸ Ibidem, p. 201.

³⁹ Chr. normande p. 132. Лен. рук. ГПБ.—Э. фр. 88, стр. 437.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Gr. Chr., I, pp. 204—205.

⁴² Главный из них—Жан Мальяр—был даже его кумом.

⁴³ Chr. normande, p. 134. Лен. рук. ГПБ. Э. фр. 88, стр. 437.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibidem, p. 135. Лен. рук. ГПБ. Э. фр. 88, стр. 437.

⁴⁷ Gr. Chr., I, p. 208.

⁴⁸ Chr. normande, p. 135. Лен. рук. ГПБ.—Э. фр. 88, стр. 437.

⁴⁹ Delachenal, Charles V, I, 456, n. 2.

⁵⁰ Chr. normande, p. 135. Лен.рук. ГПБ. Э. фр. 88, стр. 437.

Э. К. ПУТНЫЙ

ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРОВ ДИНАСТИИ ЮЛИЕВ-КЛАВДИЕВ В ОБЛАСТИ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

По экономической политике императоров династии Юлиев-Клавдиев, в частности—по аграрной политике, до сих пор нет ни одного специального исследования. Хотя вообще по ранней Римской империи буржуазная историография дала немало работ, однако, они посвящены большей частью дворцовой истории, бытовой истории Рима и рассмотрению развития государственных учреждений с точки зрения римского права. Социально-экономическая сторона деятельности правительств этой эпохи, а в частности, аграрный вопрос, не нашла должного освещения, а отмечалась лишь отдельными замечаниями в общих трудах.

Древне-римские авторы отмечают огромную роль, которую играет сельское хозяйство в общей системе производственной деятельности античного населения. Колумелла и Плиний Старший утверждают, что только сельское хозяйство является единственно благородным и подобающим чести лучших людей занятием.

Принимая эти замечания как подтверждение господствующей истины о большом значении сельского хозяйства в общей экономике древности, следует заметить, что аграрные отношения в течение всей римской истории изменялись в соответствии с развитием рабского способа производства. Кроме рабов и их владельцев, в Римском государстве находилась многочисленная масса крестьян общинников, свободных производителей, которые подвергались в процессе исторического развития резкому расслоению. Немногим из земледельцев удавалось присоединиться к числу магнатов римского рабовладения и землевладения. В подавляющем большинстве сельское население влачило жал-

кое существование на крошечных земельных участках или же совершенно теряло их и попадало в ряды люмпен-пролетариев.

Такая дифференциация сопровождалась борьбой как между основными классами, так и между самими свободными, причем у последних, в основном, борьба шла из-за владения землей. „Не требуется обладать особенно глубокими познаниями,—говорит Маркс,—например, по истории Римской республики, что бы знать, что за этой историей скрывается история земельной собственности“¹.

Ту же мысль проводит Маркс в письме к Энгельсу, где он говорит, что „несколько времени тому назад я снова прошел Римскую древнюю историю до эпохи Августа. Внутреннюю историю можно *plainly* свести к борьбе мелкого землевладения с крупным, разумеется вводя те модификации, которые обуславливаются с существованием рабства“².

Высказывания Маркса относятся к периоду Римской республики, ко времени острых социальных конфликтов в виде аграрного движения крестьянства под руководством братьев Гракхов. Но острота аграрного вопроса нисколько не притупилась и в период Римской империи, так как революция рабов и гражданские войны, ликвидировав республику, не устранили противоречий, которые породили это аграрное движение, а только заменили республику открытой военной диктатурой рабовладельцев в лице императорской власти. Социальные противоречия в империи стали еще более острыми и глубокими.

Затишье, наступившее в Италии после гражданских войн, оказало влияние на римское хозяйство и прежде всего на италийское. Частная предпринимательская инициатива получила всестороннее развитие. Все ранее установленные законы, регулировавшие до некоторой степени аграрные отношения, пришли в забвение. Богачи Римской империи боролись за расширение своих владений не только ради экономической выгоды, но также и ради поднятия своего удельного веса в политической жизни государства. Ювенал, современник ранней Римской империи, в одной из своих сатир восклицает:

Спросят сперва про ценз (про нравы—после всего лишь)
Сколько имеет рабов, да сколько земельных угодий,
Сколько съедает он блюд за столом и какого размера.
Рим доверяет тому, кто хранит в ларце своем деньги:
Больше монет—больше и веры...³

Земля, рабы и деньги—вот комплекс, в котором воплотились сила, богатство и римская мудрость. Кто владел этими элементами, тот считался наилучшим и самым достойным из граждан. Кто не располагал этим богатством, тот обречался на презрение и посмешище холеной знати

... бедняк, говорят, презирает
Божи Перуны, его не карают за это и боги.
Чтож, когда этот бедняк действительно служит предлогом
К шуткам для всех: накидка его и худа и дырява,
Тогда уже не чиста, башмак запросил уже каши,
Много заплат на заштопанной рвани открыто для взоров
С нитками новыми здесь, а там уж покрытыми салом...
Хуже всего эта бедность несчастная тем, что смешными
Делает бедных людей. „Уходи,—говорят,—коли стыд есть,
Кресла очисти для всадников, раз у тебя нехватает ценза...“⁴

Этот контраст богатства и бедности характерен не только для Рима, но и для многих центров Римской империи.

* * *

Обращаясь к литературным памятникам античности, мы можем представить довольно полную картину процесса концентрации земель и связанных с нею изменений социально-экономической жизни римского общества.

Тацит указывает на одного знатного римлянина Л. Волузия, прожившего 93 года и нажившего „огромное богатство“⁵.

Возьмем философа Сенеку, сумевшего за непродолжительное время приобрести большое состояние, несмотря на свою философию бедности. Сенека заявляет Перону: „Ты меня осыпал столькими почестями и таким богатством, что для счастья моего нет недостатка ни в чем, кроме того, что нужно умерить его... Где же этот дух, довольный немногим? Не он ли соорудил такие парки и выступает среди этих подгородных вилл и изобилует огромными доходами“⁶.

Основным содержанием богатства Волузия, а также Сенеки, безусловно, были крупные земельные владения. Если в приведенных отрывках Тацита непосредственно это не сказано с должной четкостью, то из высказываний самого Сенеки мы это видим вполне отчетливо. В одном из писем к Луцилию Сенека описывает состояние своей загородной виллы, потребовавшей больших расходов на ее поддержание и, по всей вероятности, редко посещаемой Сенекой⁷. На близко расположенную загородную виллу Сенеки указы-

вает и Тацит. Эта вилла была расположена у 4-го камня по Аппиевой дороге⁸.

На просьбы Сенеки к Нерону об освобождении его от государственной службы и от принадлежащего ему лично имущества, Нерон ответил отказом и заметил ему: „Те, какие ты получил от меня парки, доходы, виллы, подвержены случайностям, хотя их и может казаться много, но очень многие, которые не могут сравняться с тобой хорошими качествами, владели большим состоянием. Стыдно сказать, что есть вольноотпущенники, которые богаче тебя, поэтому я должен даже краснеть от того, что тот, который мне всех дороже, еще не превосходит всех богатством“⁹.

Этим заявлением Нерон подтверждает, что кроме Сенеки в Риме есть немало крупных богачей, даже превосходящих своим богатством, своими владениями общепризнанного богача времен Нерона—Сенеку. Повидимому, близко к истине сообщение сатирика Петрония, что „Седьмой день Секстильских календ (26 июля) в поместье Тримальхиона, что близ Кум, свезено из гумна в амбар пшеницы 500 тысяч модиев зерна (модий равен 8,73 л), пригнано 500 быков“¹⁰.

Осторий, римский богач и знаток военного дела, тоже имел много поместий в Италии. Такое заключение мы можем сделать из слов Тацита, когда он рассказывает о преследовании Остория Нероном. В момент вручения приказа о смерти „Осторий находился в своем дальнем поместье на краю Лигурии“¹¹. Очевидно у него были поместья и в других местах, расположенных более близко к Риму.

Рассмотренные данные говорят нам о том, что социальное происхождение (свободнорожденные или вольноотпущенники) не играло существенной роли в деле пользования правом владения землей и в целом богатством. Владельцами богатств могли быть как свободнорожденные, так и вольноотпущенники.

Римская знать имела земельные владения не только в Италии, но также и в провинциях. Нерон, например, из-за боязни быть свергнутым с престола, согласно предзнаменованию и народной молве, „пишет письмо Плавту, в котором велит ему позаботиться о спокойствии Рима и удалиться от людей, распространяющих ложные слухи, говоря, что у него есть дедовские владения в Азии, в которых он мог бы провести свою юность в безопасности и тишине“¹². Сенека в полемике со своими противниками сам добавляет

к тем упрекам, которые бросаются по адресу его богатства: „Можно, мол, говорить не только о моих изысканных привычках, но также и о моих земельных владениях. Почему у тебя есть заморские владения? Почему их так много, что ты даже не знаешь об их существовании?“¹³.

Плиний Старший, отражающий интересы средних землевладельцев Италии, заявлял: „Говоря по правде, латифундии погубили Италию, а также и провинции“¹⁴. Причем, он ссылается на факт, что „половина Африки принадлежала шестерым владельцам“¹⁴. Конечно, что в Африке были крупные земельные владения, это бесспорно*.

Таковую же картину с некоторыми особенностями мы наблюдаем и в других римских провинциях**.

Следовательно, весь рассмотренный нами исторический материал свидетельствует о наличии крупного земельного владения не только в Италии, но также и в провинциях. Если обратиться к сообщению Петрония (конечно преувеличенному), что в один день в одно имение было свезено 500 тысяч модиев зерна, то не остается ни малейшего основания отрицать обширность земельных владений Тримальхиона и огромного возделываемого поля в его итальянском имении.

Установив наличие частного крупного землевладения в период династии Юлиев-Клавдиев, мы должны обратиться к рассмотрению этого вопроса с точки зрения его развития, т. е. имел ли процесс концентрации земель тенденцию к дальнейшему распространению или же он остановился.

Дессау в своей „Римской истории“ признает крупное землевладение, но наряду с этим он считает, что процесс дальнейшего укрупнения существующих поместий приостановился. Он говорит: „Излюбленное и манящее стремление к округлению своих владений не привело к слиянию различных, первоначально отдельно лежащих поместий. Для этого теперь у господ отсутствовала сила и мощь. Так на-

* На это указывают многие историки, напр.: Белоруссов „Колонизм“. Варшавские Университетские Известия. 1903, 1, стр. 21. Пригоровский, Развитие колонатных отношений в римской Африке. 1909, г. стр. 22 и другие.

** Не говоря о Египте как провинции, безраздельно находящейся в ведении принцепса, мы можем сказать, что в Галлии огромные массивы земель находились в руках крупных богачей, только с той разницей, как это подметил Дессау, что в Галлии землей владела больше местная знать, а не итало-римская (Dessau. Geschichte der Römischen Kaiserzeit. B. II, Ab. 2, 1930. S. 510).

зываемые латифундии в Италии в существенных чертах относятся к прошлому¹⁵.

Следовательно, Дессау вопрос о концентрации земель в период Юлиев-Клавдиев решает отрицательно. Он считает, что этот процесс уже отжил свое время. Итальянские землевладельцы, по его убеждению, экономически не в состоянии производить захват новых земель.

Прежде чем дать наше суждение по этому вопросу, мы должны обратиться к тем немногочисленным источникам, на основании изучения которых попытаемся дать правильное решение в полном соответствии с памятниками античности.

Обладая большим богатством, Сенека тем не менее строго порицал жадность своих коллег, недовольствующих тем, что они уже имеют, а стремящихся все еще к большему увеличению своих владений. „До каких же пределов, — восклицает Сенека, — вы будете расширять границы ваших владений?! Поле, которым раньше владел целый народ, теперь мало для одного владельца. До каких же пор вы намереваетесь простирать ваши пашни, если не удовлетворяетесь имением даже в размере провинции. В ваших частных владениях имеется много ручьев со светлыми водами и большие реки с верховьев и вплоть до устья, — все это ваши владения, но вам кажется, что и это все мало, поскольку вы еще не окружили своими латифундиями моря, поскольку ваш виллик не распоряжается за Адриатическим, Ионийским и Эгейским морями, покуда острова, местопребывание главных вождей не считаются в числе ваших владений“¹⁶.

Ювенал в своих сатирах едко высмеивает стяжателей крупных богатств и земельных владений, употребляющих всякие средства для достижения поставленной цели. Он пишет:

Жадность к монете растет соответственно росту богатства,
Тот, кто без денег, и жаждет их меньше. Поэтому строишь
Новую виллу себе, коль деревни одной тебе мало
Хочется шире границ, представляется большей и лучшей
Нива соседа, ее ты торгуешь и рощу, и склоны
Гор, где сплошь серебрится оливковых заросль деревьев.
Если ж хозяин земель не сдается на плату любую,
Ночью ты выпускаешь скот—коров и волов утомленной
Шеей, голодных на поле соседу зеленых колосьев.
И не загонишь домой, пока не поглотятся всходы.
Брюхом их лютым как будто бы все это сжато серпами,
Трудно бы было сказать сколь многим от этого слезы,
Сделано сколько полей продажными несправедливо...

Рок благосклонный к тебе наградит, особенно если
Ты завладеешь такими поместьями, сколько
В царстве Татия было запахано римским народом¹⁷.

Тримальхион, согласно словам Петрония, изъявил желание купить всю Сицилию, чтобы путешествовать из Европы в Африку по территории, принадлежащей лично ему. „Им уже мало крупных имений, они стремятся завладеть целыми провинциями“¹⁸, негодует Петроний.

Из 9-ой сатиры Ювенала мы узнаем, с какой жадностью и с какой цепкостью владельцы латифундий держались за свои захваченные земли.

Ну, для кого бережешь ты, голубчик, холмистые земли
Столько в Апулии вилл и пастбищ, что коршуи устанет
Их облетать. Грифолни в презбытке несет тебе лозы
Также как Кумский хребет и склоны пустынного Гавра,
Больше, чем нужно, ты бочек смолишь с молодым еще суслом,
Что тебе стоит клиента усталого бедра утешить
Малым участком земли...¹⁹

Пусть сказанное Ювеналом и Петронием является преувеличением, что свойственно сатирикам, но освещаемые им явления, конечно, имели место в римской действительности.

Приведенные документы доказывают, что в среде римских землевладельцев были экономически настолько состоятельные, что они с неослабевающей силой продолжали захват земель, принадлежащих более слабым хозяйствам*.

Быстрый рост латифундий — явление не случайное, он вытекает из самого хода социально-экономического развития Римской империи с ее резко контрастными полюсами богатства и бедности. Обогащение римских землевладельцев за счет разорения мелких и средних слоев деревни было настолько велико, что Сенека нашел необходимым выступить с обвинением по их адресу, о стремлении окружить моря лично им принадлежащими латифундиями. Высказанное Сенекой положение не является пустым риторическим упражнением, как мы видели из предыдущего. Такие владения действительно были, по собственному признанию Сенеки. Ювенал и Петроний в своих сатирах представили нам общую линию развития землевладений. Кроме того, Ювенал раскрыл и некоторые методы осуществления этой концентрации. Так, если более слабый сосед не выражает

*Ювенал в 4-й сатире указывает на богатого Криспина, который купил много домов „и соседних с базаром участков“ (Juven., sat., IV, 7).

своего согласия на продажу земельного участка магнату, то последний уничтожает его посевами потравой, доводит это хозяйство до полного разорения и затем захватывает землю в свои руки.

Следовательно, утверждение Дессау, что рост крупного землевладения приостановился, не соответствует действительности. Такие выводы можно сделать лишь вопреки всем сообщениям древних авторов по этому вопросу, так как на самом деле крупные владения с каждым годом все больше и больше увеличивались за счет поглощения земель своих соседей, слабых в хозяйственном отношении. И этот процесс достиг таких размеров, что в римском обществе могло возникнуть рассуждение о купле одним лицом всей Сицилии. О непрерывном поглощении мелкого землевладения крупным говорят также велейская и беневентская надписи, данные которых за первое столетие нашей эры приведены Тюменевым²⁰.

После изложения общего хода развития роста частных земельных владений нам остается выяснить самое существенное в связи с нашей темой, — это вопрос о политике, проводимой императорами династии Юлиев-Клавдиев в области концентрации крупных земельных владений в руках отдельных граждан государства, ибо владения эти использовались далеко не с должной экономической выгодой, а порой превращались в особый вид роскоши.

Если в наших источниках не встречаются непосредственные распоряжения правительства по этому поводу, то это, конечно, не значит, что столь важный вопрос оставался без внимания правящих лиц государства при решении ряда проблем, стоящих перед правительством.

В 22 году нашей эры в консульстве Г. Сульпиция и Д. Гатерия эдилами был поднят вопрос о нарушении римскими гражданами законов против роскоши*. Однако сена-

* Закон против роскоши первоначально был издан Юлием Цезарем, а затем пересмотрен в 22 году до н. э. В последующие годы, как мы видим из сообщений Тацита, развивающаяся роскошь не только была прекращена, но получила свое дальнейшее развитие. Римские императоры из дома Юлиев-Клавдиев не выступили против роскоши. Утверждение В. С. Сергеева в «Очерках по Истории Древнего Рима», что Тиберий в 22 году н. э. выступил с предложением в сенате о необходимости борьбы против роскоши, является ошибочным (Сергеев, В. С. Очерки по Истории Древнего Рима. Изд. 1938 г. ч. 2-я, стр. 419—420). Инициатива в поднятии вопроса в сенате принадлежала не Тиберию, а эдилам 22 года н. э. Что же касается Тиберия, то он, наоборот, письменно выступил против данного предложения и добился снятия его с обсуждения в сенате.

торы отказались обсуждать это предложение и выносить какое-либо решение, передав дело целиком на усмотрение Тиберия. Отказ сенаторов от решения поставленного перед ними вопроса может быть объяснен лишь тем, что закон о роскоши, в первую очередь, нарушался самими членами сената²¹.

Не в меньшем затруднении оказался и император, который должен был вынести решение. Тацит говорит: «Тиберий много раз взвесил в своем уме, можно ли обуздать столь распространенные страсти, не принесет ли обуздание более вреда государству, как нехорошо затрагивать то, что нельзя достигнуть или достижение чего повлекло бы за собою бесчестие и бесславие знатных людей»²².

Взвесив все стороны и всю сложность вопроса, Тиберий написал в сенат письмо, где, между прочим, заявил: «Если бы отважные мужи эдилы раньше переговорили со мною, я скорее посоветовал бы им лучше оставить без внимания вошедшие в большую силу и укоренившиеся пороки, чем достигнуть того только, чтобы сделалось явным, с какими дурными делами мы не можем справиться»²³. И затем Тиберий спрашивает, что ему «прежде всего запретить, что ограничить и привести к прежним нравам. Бесконечную величину вилл? Число ли рабов и различные их национальности? Вес ли серебра и золота?»²⁴. В заключение письма Тиберий заявляет: «Если кто из правительственных лиц обещает проявить такую деятельность и строгость, что будет в состоянии сопротивляться злу, то я хвалю и признаю избавляющим меня от части трудов моих. Если же хотя бы обвинить пороки, а затем получить за это славу, создать вражду и оставляют ее мне, то, поверьте, почтенные сенаторы, что я и не любитель возбуждать к себе неудовольствие. Принимая на себя в интересах республики серьезные неудовольствия, большею частью несправедливые, я по праву прошу избавить меня от пустых и напрасных, не могущих быть полезными ни для меня, ни для вас»²⁵.

Как мы видим, Тиберий прежде всего был озабочен, как бы в этой связи не постигло «бесславие знатных людей». И опасаясь этого, он готов был посоветовать эдилам не возбуждать того, в чем повинна вся римская знать. Однако поскольку это дело было поднято в сенате эдилами, то нужно было в нем и разобраться. При конкретном анализе явлений, нарушающих закон о роскоши, перед Тиберием, в первую очередь, стал вопрос о крупном зем-

левлении, о количестве и национальности рабов, принадлежащих рабовладельцам, и только потом другие стороны дела, связанные с роскошью.

Мог ли Тиберий урезать размеры земельных владений у крупных магнатов? Мог ли он уменьшить число рабов, находящихся в их собственности? Это те вопросы, которые непосредственно затрагивали не только большую часть сенаторов, но также и самого императора. По собственному выражению Тиберия, запрет роскоши не мог быть полезным „ни для меня, ни для вас“ (т. е. сенаторов). Все это вынудило Тиберия оставить вопрос открытым и не выносить какого-либо решения*.

Следовательно, в вопросе о крупном землепользовании и его дальнейшем росте Тиберий, а также и его приемники** стояли на стороне магнатов, серьезно учитывая и оберегая их интересы.

Процесс концентрации земель, разорение мелких и средних слоев римского крестьянства, тесно связано с ростом ростовщичества. Спекуляция и ростовщичество пышно процветали не только в среде всаднического сословия, но и на форуме, среди первостепенных римских сенаторов и государственных мужей, которые не отставали от других дельцов в деле закабаления и ограбления более слабых экономически граждан.

Для иллюстрации этого процесса мы остановимся на одном факте, имевшем место в период правления Тиберия. Тацит в „Анналах“ рассказывает, как широко развернули свою деятельность ростовщики и что этим делом с большим усердием занимались сенаторы, помышляющие больше о личной пользе, чем об общественном благе. Когда же было поручено расследовать эти действия претору Гракку, так как народ возмущался, то в результате следствия им было установлено огромное количество виновных. Все сенаторы оказались к этому делу причастны, что и заставило их обратиться с просьбой о прощении к императору Тиберию. Далее Тацит говорит, что Тиберий, „снисходя на эту прось-

* Из последующей истории династии Юлиев-Клавдиев мы знаем, что судебные процессы по обвинению в злоупотреблении роскошью имели место, но они устраивались, главным образом, не с целью серьезной борьбы с этим злом, но, пожалуй, в большинстве случаев, с целью захвата имущества осужденных императором.

** Не изменилось отношение к этому вопросу и других императоров этой династии. Тацит нам дальше повествует, что после того, как эдилы были освобождены от такой заботы, роскошь дошла до безумной расточительности (Tacit. Annales, III, 55).

бу, дал им год и 6 месяцев времени, в течение которого всякий должен был уладить свои денежные дела сообразно с законом²⁴.

Но уладить дело было нелегко, так как слишком широкий круг лиц был вовлечен в эту скандальную историю. Принятые же меры вызвали денежные затруднения, что заставило сенат вынести специальное решение, которым предписывалось, чтобы „каждые две трети отданных займы денег поместили в поземельное владение в Италии“²⁵. А „должники должны были такую же сумму долга уплатить немедленно“²⁶.

Займодавцы предписанное решение выполняли с большими оттяжками и уклонениями. Они настаивали на сто-процентной уплате долга деньгами. Деньги же можно было найти только в результате продажи имущества или своих земельных владений. По этому поводу Тацит говорит: „Так как обилие продаваемых земель вызвало их дешевизну, то тем, кто был более в долгу, тем труднее для того было пустить в продажу свои земли. Поэтому многие лишились состояния“²⁶.

В качестве государственной помощи должникам Тиберий роздал кредит меняльным конторам в размере 100 млн. сестерций (Disposito per mensas millies sestertio) для кредитования должников без процента и на три года²⁵. Но ссуду предоставлять при том условии, если должник даст народу в залог полевыми угодьями на двойную сумму (Sidelitior populo in duplum praediis cavisset*).

И в заключение Тацит замечает, что „продажа земли совершалась не по форме сенатского постановления. Строги были требования вначале, как почти всегда бывает в подобных случаях, а в конце на них не обращали внимания“²⁶.

Однако кредит Тиберия (кредит для должников) тоже не достиг поставленной цели, а, наоборот, принес пользу лишь крупным землевладельцам и ростовщикам, в среде которых солидное место занимали „отцы государства“— сенаторы. Это нетрудно заключить из того, что нам сообщили Тацит и Светоний. Для более полного представления мы допустим некоторые вероятные предположения и

* Общественное поле, существовавшее в провинциях в период Юлиев-Клавдиев, сократилось еще и в Италии (это отмечено М. Вебером „Аграрная история Древнего мира“ 1923 г., стр. 349, Белоруссовым— „Колонат“, 1903 г., стр. 11 и др., причем Тиберий, используя государственный кредит, стремился его расширить).

на основе их постараемся воспроизвести всю ту обстановку, в которой протекали эти действия и возможные размеры долга, подлежащие погашению по предусмотренной процедуре.

Размер общей суммы задолженности нам не известен. Количество закупленной и проданной земли (согласно постановлению сената) (см. стр. 257), также не может быть с точностью установлено. Во всяком случае количество закупленной и проданной земли должно было выразиться в довольно внушительной цифре.

Предположим, что из общей массы должников 20% были такие лица, которые смогли справиться самостоятельно с долгами (уплатив две трети своего долга) без особого ущерба для хозяйства*.

Другие 20% должников погашали свой долг в результате некоторой распродажи своего движимого имущества и части земель. Предположим далее, что оставшиеся 60% должников пользовались кредитом, предоставленным Тиберием в сумме 100 млн. сестерций для погашения $\frac{2}{3}$ своего долга** согласно постановлению сената (см. стр. 257), тогда мы получим следующие данные для определения суммы долга: 100 000 000 сестерций сумма кредита, равняющаяся $\frac{2}{3}$ долга для 60% должников. 33.333.333 сестерций сумма, составляющая $\frac{1}{3}$ долга, не покрытого кредитом у 60% должников. 133.333.333 сестерций общая сумма долга 60% должников, пользовавшихся кредитом Тиберия.

* Предположение о 20% лиц этой категории является вполне вероятным, ибо кредитом пользуются не только при случае крайней нужды, но также для расширения своего предприятия или какого нибудь другого нововведения. Эта категория должников, уплачивая долг без посторонней помощи, ставила перед собой цель в дальнейшем пользоваться кредитом не в меньших размерах. Кроме того, такое предположение вполне согласуется с сообщением Тацита. Он говорил, что землевладельцы требовали уплаты денег в целости, а должникам было невыгодно подрывать свой кредит неустойкой (Tacit., Annales VI, 17). Следовательно, они рассчитывались самостоятельно со своими долгами без особого напряжения.

** То, что 100-миллионный фонд, отпущенный Тиберием, целиком использован, — в этом мы не имеем оснований сомневаться. Косвенно это подтверждает и Тацит, говоря: «Этим путем кредит был восстанвлен и мало-помалу отысканы и частные землевладельцы» (Tacit., Annales, VI, 17). Следовательно, спрос на кредит для погашения долга был так велик, что пускались в ход и деньги частных лиц, конечно, с соответствующими процентами.

Если мы не увеличим сумму долга у остальной части должников (40%), а их сумма, очевидно, была выше, так как доверием у кредиторов они пользовались большим, объем их производства также был большим. Но предположим, что за ними числилось тоже 100.000.000 сестерций, то в общем итоге мы будем иметь 266.666.666 сестерций долга, который должен быть уплачен в течение полутора лет (см. стр. 257). Однако и эту сумму нельзя признать окончательной. Кроме кредита, отпущенного Тиберием, параллельно существовал еще кредит и частных лиц. Поэтому к общей сумме долга, о которой шла у нас речь, должна быть прибавлена еще некоторая сумма долга тех должников, которые погасили свой долг при помощи частного кредита, плюс ко всему этому надо прибавить долг разорившихся хозяйств, вследствие выполнения постановления сената о долгах (см. стр. 257), и не дождавшихся 100-миллионного кредита Тиберия.

Все это, вместе взятое, позволяет нам сделать вывод, что указанная нами общая сумма долга в 266.666.666 сестерций является минимальной, а не максимальной.

Из общей суммы долга $\frac{2}{3}$ должны были быть потрачены на приобретение земли в Италии землевладельцами, что составляло 177.777.777 сестерций. И если принять во внимание ту дешевизну земли, о которой говорит Тацит (см. стр. 257), то земельная площадь, отнятая у крестьянской массы, предстанет перед нами в весьма значительном количестве.

К сожалению, нам неизвестна стоимость югера земли при Тиберии, при помощи которой мы имели бы возможность определить более точно размеры купленной и проданной земли. Если же мы примем установленную профессором Сергиенко, на основании сообщений Колумеллы, стоимость югера земли за 1000 сестерций²⁷, то получится, что всего было продано и куплено земель 177.778 югеров.

Следовательно, в конечном итоге сенат, не без согласия Тиберия* провел мероприятие, обратившееся по своему

* Сергиенко М. Два типа сельских хозяйств в Италии в I веке нашей эры* Известия Акад. наук, — 6, ИОН, 1935).

Если мы говорим «не без согласия Тиберия», то имеем в виду, что с начала и до конца за всем этим мероприятием наблюдал Тиберий и в случае надобности активно вмешивался в дело. Одним из таких вмешательств является предоставленный кредит без процентов, но под залог полезных угодий в пользу народа в размере двойной стоимости кредита в случае неустойки плательщика.

существо против хозяйственно слабой части населения Италии, оно разорило крестьянскую бедноту, подорвало экономические устои средних землевладельцев и сконцентрировало еще больше земельные массивы в руках отдельных крупных землевладельцев-рабовладельцев и прежде всего сенаторов, имевших поместья во всей Италии*, почти целиком занимающихся ростовщичеством. (См. Tacit., Annales, VI, 16).

Это, конечно, не значит, что все сенаторы являлись первостепенными богачами и крупными владельцами латифундий. Известная группа в их среде по той или иной причине потеряла свое имущество, а для сохранения себя в сенате была вынуждена прибегать к подаяниям императора. Такие явления мы наблюдаем не только в конце правления Юлиев-Клавдиев, но и в начале. Тацит, например, говорит, что Тиберий «Проперцию Целеру, бывшему претору, просившему позволение оставить сенатское звание по причине бедности, выдал миллион сестерций»²⁸. А некоторые сенаторы окончательно разорились и были вынуждены покинуть сенаторское сословие²⁹.

* * *

Для выяснения проводимой правительством политики о землевладении нам необходимо еще рассмотреть вопрос о личном землевладении императоров, так как это должно было оказывать сильное влияние на их аграрную политику.

Размеры земельных владений, находящихся во владении императоров, не являлись постоянной и неизменной величиной. Тацит говорит, что «немного было у цезаря (Тиберия) полевых угодий в Италии»³⁰.

Но это «немного» относительно императоров, для римских граждан могло быть довольно солидным состоянием. Тот же Тацит рассказывает, что Тиберий занял остров Капри с 12 громадными виллами, с различными названиями. Имел он также владения в Италии. Баснописец Федр рассказывает, что во время своего путешествия в Неаполь Тиберий заехал в свою виллу, которая была расположена около Миссена. Вилла эта была благоустро-

* Jos. Flav., Antiq. Jud., XIX, 4, 3. В период правления Тиберия стоимость земли возможно была другая, поэтому цифра, установленная нами, тоже могла в ту или другую сторону отклониться, но основная картина от этого не изменится. Кроме того и качество земли, расстояние от Рима и другие факторы могли влиять на стоимость земли.

на, с парками и прочими постройками.³¹ Кроме этих вилл Тиберий, очевидно, имел поместья и в других районах Италии. Частично это предположение может быть подтверждено сообщением Иосифа Флавия, касающимся землевладений Калигулы. Флавий в начале 19-й книги, описывая бесчинства, чинимые Калигулой, говорит: «Он (Калигула.—Э. П.) не оставил ни одного греческого храма без разграбления. Везде, где находились какие-нибудь рисунки или изваяния, или утварь, он приказывал привозить все это к нему, говоря, что красивое обязательно должно находиться в красивейшем месте, а таким является город Рим. Похищенными таким образом вещами он украшал дворец и свои сады, а также свои многочисленные, рассеянные по всей Италии виллы»³². Отсюда явствует, что Калигула владел огромным количеством вилл, рассеянных по всей Италии. Возникает вопрос, каково происхождение этих вилл. Могут ли они считаться личным приобретением Калигулы? Источники на эти вопросы ответа не дают. Однако, нам кажется вполне вероятным, что наряду с его личными владениями, которые ему достались от родителей, большая часть вилл перешла к нему по наследству от императора Тиберия, так как за столь непродолжительный срок его правления много имений он приобрести не мог. Следовательно, Тиберий также имел в Италии много вилл.

Личные владения Клавдия до того, как он стал императором, не отличались обширностью пространства и богатством. Светоний говорит, что когда ему (Клавдию) пришлось заплатить 8.000.000 сестерций за получение вновь утвержденной жреческой должности (богу Калигуле)—это так разорило его, что он не мог уплатить долга казне и на основании закона о долгах его имущество было для проформы назначено эдиктом префектов (edicto praefectorum) в продажу с торгов³³.

Имущественное положение Клавдия улучшилось, когда он стал императором. Светоний рассказывает, как Клавдий наказал одного сенатора, носившего название претора, за то, что тот во время своего эдильства оштрафовал в императорских поместьях людей, которые, несмотря на запрещение, продавали горячую пищу, а явившегося на место происшествия управляющего, велел отодрать плетью.

Это говорит за то, что Клавдий, как император, имел уже много поместий, а не одну загородную виллу в Кампании. А наложенное наказание на сенатора заставляет

обратить внимание на ту активность, которую проявлял Клавдий в управлении своими имениями. Данные у Тацита указывают на огромные богатства, принадлежащие жене Клавдия Агриппине, приобретенные благодаря браку с Клавдием⁸⁴.

В борьбе за влияние над Нероном со своими конкурентами, она отказывается от прежней политики держать сына в строгости, начинает делать ему уступки. Она „предоставляла ему обильные средства из собственного имущества, которое немного уступало императорскому“⁸⁵.

Если даже сообщение Тацита относительно владений Агриппины является преувеличенным, то все же такое заявление, что ее богатство мало чем уступало императорскому, говорит за многое, особенно в связи с рассматриваемым нами вопросом, ибо после смерти Агриппины все ее владения попали в руки Нерона.

Нерон до некоторой степени может быть сравним с Клавдием. Они своим богатством обязаны званию императора. Светоний говорит: „Нерон трех лет потерял отца. Последний назначил его наследником третьей части своего состояния. Но Нерон и ее получил неполностью. Его сонаследник Гай захватил себе всё наследство. Но когда к власти пришел Клавдий, он не только вернул отцовское состояние, а разбогател, получив наследство от своего отца Пассиена Криспа Criski Passieni“⁸⁶.

Недаром, будучи уже императором, Нерон в первое время предоставил своей матери Агриппине „полное управление всеми делами частными и государственными“⁸⁷. Нерон стал обладателем садов в Риме⁸⁸, многочисленными имениями в Италии и провинции⁸⁹.

Кроме крупных частных земельных владений, в провинциях были и императорские поместья, причем такая провинция, как Египет, считалась исключительно владением императора. Было запрещено вмешиваться во внутреннюю и внешнюю жизнь этой провинции кому бы то ни было. Даже такому высокопоставленному лицу, как Германик, Тиберий сделал порицание за самовольное посещение Египта⁹⁰.

Среди императорских владений большое место занимала Африка. „Африканский земельный фонд делился на три больших округа (tractus или diocesis provinciae), примыкавших к трем главным городам Африканской провинции: Карфагену (tractus Carthaginensis), Гадрументу (tractus Hadrumentarius) и Гиппону (tractus Hipponensis). Округа дели-

лись на районы (geriones), в каждом из которых находился один или несколько сальтусов. Сальтус состоял из вилл, вокруг которых располагались поселки (vici), состоявшие из несколько изб (casae)*. Для внутренней организации сальтуса характерен развитый управленческий аппарат.

В Африке, также как и в других провинциях, шел процесс быстрого разложения земельных общин и рост удельного веса крупных землевладельцев как из среды местной знати, так и италийской.

В концентрации земель одно из первых мест занимали императоры, так как они, кроме экономической силы, в широких масштабах пользовались механизмом государственного аппарата. Судебные процессы по обвинению в оскорблении величества являлись одним из тех рычагов, которыми императоры сосредотачивали в своих руках большие состояния. Этот метод наживы и подавления своих возможных и действительно существующих политических противников получил большое распространение, особенно при последних императорах династии Юлиев-Клавдиев. Так, например, Нерон для увеличения своих владений в Африке решил казнить 6 крупных землевладельцев, которым принадлежала Африка, а богатства и земли присоединить к своим владениям⁹¹. Доходной статьей императоров были также завещания. Особенно широко завещания использовал Нерон⁹².

В заключение следует отметить, что мы располагаем далеко незначительным количеством материала для освещения вопроса об императорском землевладении данной эпохи. Однако, и то немногое, что мы имеем, позволяет сделать вывод, что императоры династии Юлиев-Клавдиев имели в своем распоряжении земельные владения, превосходившие владения других крупных римских землевладельцев. Если Тацит говорит о малочисленности полевых угодий у Тиберия, то этого нельзя сказать о его преемниках, особенно о Нероне, пользовавшемся всеми возможными средствами для увеличения своих италийских владений.

Наряду с общим процессом разорения части мелких и средних землевладельцев за счет роста крупного земле-

* Сергеев В. С. „Очерки по истории Древнего Рима“ ч. II, 1938 г., стр. 600. Хотя эти данные, как указывает профессор Сергеев, относятся к правлению династии Флавиев, однако, характер организации императорских владений при Юлиях—Клавдиях, особенно при Клавдии и Нероне, мало отличался от периода Флавиев.

владения шел также процесс изменения состава самых крупных земельных собственников, так как владения последних усилению поглощались императорскими доменами. Конечно, существо вопроса от этого не изменялось, так как крупное землевладение этим не уничтожалось, а лишь менялись его носители: на место частных лиц становились императоры с их приближенными.

Будучи самыми крупными землевладельцами и стремившиеся быть таковыми, императоры своей аграрной политикой не препятствовали дальнейшему росту крупного частного землевладения. Из памятников древности, относящихся к данному периоду, мы не имеем указаний, говорящих за препятствия росту крупных землевладений со стороны императоров.

* * *

В рассмотренных выше разделах этой статьи мы старались выяснить отношение императоров к росту крупного землевладения, для чего были вынуждены прежде всего выяснить фактическое состояние и размеры землевладения как самих императоров, так и римской знати. Анализ перечисленных вопросов нам показал, что в Италии и в провинциях существовало крупное землевладение. Конечно, это не исключает возможности существования в ранней Римской империи среднего и мелкого землевладения. Наоборот, оно неизбежно и всегда существовало наряду с крупным. В самом деле, мы часто говорили о разорении среднего и мелкого землевладения и возникновении за его счет крупного владения. Этот процесс сам собой предполагает большую массу мелких и средних владений, за счет которых в большинстве случаев и растут магнатские владения. Так земли, закупавшиеся римской знатью в Италии по предписанию Тиберия, приблизительно в количестве 177 778 югеров, представляют собой ни что иное, как собственность мелких хозяев, вынужденных продавать свои земли вследствие нужды. Что же касается провинций, где римляне при завоевании вносили мало изменений в ранее существующий там общественный строй, там безусловно во многих местах мелкое землевладение было особенно широко распространено. Недаром Энгельс, говоря о немущем люде, указывал на свободных и рабов, которые были в городах. Вместе с тем он указывает и на крестьянство.

„Наряду с ними в провинциях были еще крестьяне, свободные землевладельцы (местами даже с общинными владениями) или как в Галлии в кабале у крупных землевладельцев“⁴³.

Мелкое землевладение в античности никогда полностью не исчезало. Разумеется, соотношение его с крупным землевладением было различно в разные периоды в разных областях Римского государства. Эта неравномерность в некоторой степени зависела от хода покорения народов и подавления выступлений недовольных Римом. В Италии покорение сопровождалось широкими конфискациями и поглощением общественных земель частными землевладельцами. Так было, например, в Сабинии, Лациуме, Аbruции, Лукании, Апулии, Кампании⁴⁴.

Вывод римских колоний, мало практиковавшийся во времена ранней Римской империи, был широко распространен в республиканское время и являлся солидным источником пополнения мелкого землевладения, так как размеры отводимых участков колебались от 7 до 50 югеров⁴⁵.

Массовое поселение в Италии ветеранов во времена гражданских войн, конечно, расширило ряды мелкого и среднего землевладения, и от него остался след в ранней Римской империи.

Возражая против существующего мнения в исторической литературе, что ветераны побросали данные им земли и что она очутилась в руках крупных землевладельцев, проф. М. А. Машкин говорит: „Абсолютно нет никаких данных, свидетельствующих о том, что все ветераны обязательно стремились продать свою землю и избавиться от того участка, который они старались получить“⁴⁶.

В подтверждение того, что известная часть ветеранов сидела на земле и не собиралась ее покидать, служит следующая надпись: „Гай Кастриций Кальв-сын Тита, военный трибун из Стеллатинской трибы, землевладелец и хороший господин добрых вольноотпущенников, особенно тех, которые хорошо и добросовестно обрабатывают свои поля и которые—это самая важная задача крестьян—самостоятельно держатся и имеют достаточное пропитание и поддерживают свое хозяйство...“⁴⁷

Сатирики Ранней империи в своих произведениях довольно правильно описывают нравы римского общества. Мы уже ссылались на сатиры Ювенала при анализе вопроса о крупных землевладениях. Согласно этим сообщениям, достоинство человека определялось количеством

рабов, имений и предметов роскоши. Сатирики, как Ювенал Марциал, а также Проперций, в своих элегиях отвели место также и мелкому собственнику, самостоятельно обрабатывающему свои поля, причем труд сельского пахаря рисуется тяжелым и мало плодотворным⁴⁸.

Кому же удается этот участок сохранить и передать по наследству своему потомству, тот считается большим счастливецом⁴⁹. А кто бросает свои нивы, впоследствии горько раскаивается, так как всюду его стережет бедность.

Если б довольный пахал волом он наследственным ниву,
И полагал бы, что смысл есть в увещаниях моих,
Перед пенатами век с друзьями отдално бы прожил.
Беден, но все же на земле, плакать не видя причин⁵⁰.

И Марциал говорит о малых нивах на отдаленной земле⁵⁰, о небольших земельных участках и примитивных средствах ее обработки⁵¹. Он же указывает на вновь возникающее мелкое землевладение.

Югеров накупив за могилами скрытой земельки
И плохую избу с крышей подпертой на ней,
Паник от тяжб городских своей вотчины ты убегаешь.
Малых, но верных добыч тоги истертой твоей,
Хлеб, просо, полбу, бобы продавал ты когда-то обычно
Бывши дельцом, а теперь пахарем стал покупать⁵².

Причем, здесь мы отчетливо видим, что земледельцу не хватает урожая на удовлетворение своих нужд и что ему приходится обращаться на рынок.

Дает и Коллумела практические советы мелким пригородным хозяйствам. Точно так же, имеется в виду мелкое крестьянство, когда он рассуждает о рабочей силе для поместья, находящегося на более отдаленном расстоянии от города, местожительства владельца имения⁵³.

Следовательно, говорить о полном исчезновении мелкого землевладения в период Юлиев-Клавдиев будет неверно. Можно с полным основанием утверждать, — говорит проф. Сергеев, — что ни в императорский, ни тем более республиканский период никогда не было такого состояния, чтобы латифундии и сальтусы совершенно поглотили среднее и мелкое крестьянство. Среднее и мелкое хозяйства существовали в течение всей Римской империи то сокращаясь, то снова возрождаясь⁵⁴.

* Propert. III, Eleg. VII, 43—46.

Проблема возрождения мелкого и среднего землевладения всегда стояла очень остро в римском обществе. Во времена республики вокруг этого вопроса велась ожесточенная борьба (Гракхи). В период Римской империи (I и II века) правительством предпринимался ряд мероприятий по обеспечению безземельных крестьян Италии землей, для чего скупалась земля для раздачи, проводилась алиментация и другие мероприятия. Однако одно то, что этой проблемой приходилось бесперерывно заниматься, говорит о ее неразрешимости в классовом обществе, где господствует частная собственность, где политическая власть находится в руках небольшой кучки богатых рабовладельцев, диктующих свою волю всему угнетенному и эксплуатируемому народу.

Абсолютно неправильным является утверждение Гревса, что империя являлась защитницей „прав провинциалов против исключительного преобладания старых коренных граждан“,⁵⁵ что империя являлась „представительницей угнетенных классов“⁵⁶ и защищала „бедного владельца, рабочего, разночинца против богатого собственника, крупного капиталиста, аристократов“⁵⁵. И, наконец, по мнению Гревса „императоры задавались целью возродить крестьянство и поддержать среднее землевладение, поставленное в необходимость бороться с крупным, на котором зиждилась непоколебимость ойкосов“⁵⁶.

Не говоря уже о модернизаторских терминах, как рабочий, капиталист и т.д., вся концепция Гревса не может быть нами принята. Римские „покровители провинций“ подавляли самым зверским, самым кровавым образом восстания провинциалов, возглавляемых угнетенным классом. Ориентация на провинциальную, муниципальную знать и то вынужденная, вследствие затруднений как в Италии, так и в провинциях, вовсе не означает защиту прав угнетенных классов провинции. Империя являлась открытой военной диктатурой рабовладельцев, а не представительницей мелкого крестьянского хозяйства.

Сколько бы ни создавались вновь мелкие крестьянские владения за счет прямой раздачи земли государством, за счет приобретения незначительных участков мелкими чиновниками или же за счет распада крупного землевладения, все же они вновь переходят из рук в руки. Владельцы мелких парцелл всегда обречены на бедность и вымирание. Забота о мелком землевладении не была предметом заботы правительства Римской империи, да и не могла

быть, поскольку мелкие и средние слои рабовладельцев в империи никогда не стояли у власти и, следовательно, не имели возможности пользоваться государственным аппаратом против своих злейших соперников, крупных землевладельцев. Если же правительство иногда и проводило кое-какие мероприятия для сохранения и создания мелкого землевладения, то лишь постольку, поскольку это было выгодно, а порой и необходимо, самому правительству рабовладельческого государства и определенным слоям общества, стоящим у власти, в борьбе со своими противниками как внутренними, так и внешними.

Только при учете всех этих сторон можно правильно понять ту социальную борьбу, которая велась в Римском государстве, и тот фундамент, на который опиралось римское правительство в этой борьбе. Но этот вопрос является предметом специального исследования, и мы на нем останавливаться не будем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс. Капитал. Т. I, Соцэкиз, 1931, стр. 40, Примечание.
2. Маркс и Энгельс. Т. XXII, стр. 89.
3. Juven. Satir. III, 140—144.
4. Там же, стр. 145—155.
5. Tacit. Annales. XIII, 30.
6. Там же, XIV, 53.
7. Seneca. Epist. XII, 1 и далее.
8. Tacit. Annales. XV, 60.
9. Там же, XIV, 55.
10. Petron. Satir. LIII.
11. Tacit XVI, 15.
12. Там же, XIV, 22.
13. Seneca. De vita beata. XVII, 2.
14. Plin. N. H. XVIII, 35.
15. Dessau. Geschichte der Romischen Kaiserzeit B. II, Av. II, 1930, S. 418.
16. Seneca. Epict. LXXXIX, 20.
17. Juven. Sat. XIV, 139—151, 158—160. Об этом же говорится в XIV, 275.
18. Petron. Satir. LIII.
19. Там же, IX, 54—60.
20. Тюменев, А. И. История античных рабовладельческих обществ. ОГИЗ, М. Л., 1935, стр. 227.
21. Tacit. Annales. III, 53.
22. Там же, 52.
23. Там же, 54.
24. Там же, VI, 16.
25. Там же, 17.
26. Suet. Giber. 48.
27. Сергеенко, М. Два типа сельских хозяйств в Италии в I веке н. э. (Известия А. Н. № 6, ИОН, 1935).
28. Tacit. Annales. I, 75.
29. Там же, XII, 52.
30. Там же, IV, 6.
31. Phaedr. II, 5.
32. Jos. Flav., Antign lud. XIX, 1, 7, 8.
33. Suet. Claud, 9, 4, 5.
34. Tacit. Annales. XIV, 3, 4.
35. Там же, XIII, 13.
36. Suet. Nero. 6.
37. Там же, 9.
38. Там же, 21.
39. Там же, XIV, 22.
40. Там же, II, 59.
41. Plin. N. H. XVIII, 35.
42. Tacit. Annales. XIV, 31.
43. Энгельс, Бруно Бауэр и раннее христианство. Партиздат, М. 1933.
44. Сальвиоли. Капитализм в античном мире. Изд. 1923 г. стр. 51.
45. Там же, стр. 69.
46. Машкин, Н. А. Курс лекций по римской истории. Стенограмма, стр. 23.

47. С. У. L. XI, 600.
 48. Juven. Sat, VII, 48—49.
 49. Там же, XIII, 123.
 50. Mart. Epigr. VI, 16.
 51. Там же, VI, 73.
 52. Там же, XII, 72.
 53. Colum. De re rust. I, 7.
 54. Сергеев, В. С. Очерки по истории древнего Рима, ч. 2-я, 1938, стр. 588.
 55. Гревс, И. М. Очерки по истории римского землевладения. Т. I. СПб, 1899, стр. 534.
 56. Там же, стр. 534, 535. Такое же утверждение мы находим у В. С. Сергеева в его „Очерках истории Древнего Рима“. Т. II, стр. 410.

Ю. А. КУЗНЕЦОВА

КОЛЛЕКЦИИ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ, ДРЕВНИХ И РЕДКИХ КНИГ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ СГУ

Возникновение отдела, как кабинета рукописей, относится к 1920 году, когда почти одновременно из разных мест поступили два ценнейших собрания рукописей: одно от петроградского профессора Ильи Александровича Шляпкина, завещавшего молодому Саратовскому университету после смерти свою обширную и хорошо подобранную библиотеку; второе—в 1921 году от вольского купца Паисия Мальцева. Третья составная часть кабинета рукописей, так называемые „Поступления от разных лиц“, включает в себя случайные приобретения рукописей от разных лиц.

Во главе кабинета стал профессор СГУ Александр Александрович Гераклитов—русский историк, знаток в области русской палеографии вообще и филигранографии в частности. В качестве его непосредственного помощника был назначен Самсон Иванович Быстров, в то время студент словесного отделения факультета общественных наук СГУ. Недостаток помещения (кабинет рукописей ютился в очень маленькой комнате правого крыла IV корпуса вместе с кабинетом вспомогательных исторических дисциплин СГУ) не позволял не только по-настоящему развернуть работу над рукописями, но даже принять на учет и выявить состав полученных сокровищ. Небольшое количество рукописей было размещено в маленьком книжном шкафу в кабинете, остальная же часть, во много десятков раз превышающая первую, хранилась в ящиках в фундаментальной библиотеке СГУ в III корпусе на 3-м этаже*.

* В те годы библиотека была размещена в двух этажах: во 2-м — был абонемент, в 3-м—книгохранилища. В 1-м этаже библиотеки не было.

Только с переходом в 1923 году кабинета рукописей в I корпус, когда ему была предоставлена большая комната, удалось собрать в одно место весь рукописный фонд библиотеки. Одновременно в кабинет были переданы славянские старопечатные книги, изданные до 1800 г., а также первые Петровские издания, напечатанные гражданским шрифтом, что совершенно изменило состав кабинета, хотя он и продолжал все еще называться рукописным.

И только с этого момента фактически началась работа над собранными сокровищами. Рукописи были расставлены в систематическом (а внутри отдела и в хронологическом) порядке на полках, и проф. А. А. Герасимович начал научное описание Мальцевского фонда. Работа эта продолжалась недолго. Начавшаяся болезнь заставила его сначала отказаться от заведывания кабинетом, а потом и совсем уйти с работы из университета.

Одновременно такая же работа, т. е. систематическая и хронологическая расстановка, была проделана и с рукописями Шляпкинского фонда С. И. Быстровым. Уход с работы помешал ему провести описание рукописей. Работа эта много лет спустя (в 1933—35 гг.) была проделана акад. Владимиром Николаевичем Перетцом и хранится в виде машинописи в отделе.

Тогда же мною, в то время студенткой исторического отделения и научной сотрудницей при кабинете вспомогательных исторических дисциплин, начата инвентаризация старопечатных книг с параллельным изучением состава этого фонда.

В 1928 году произошла смена заведующих. Вместо ушедшего исключительно на педагогическую и научно-исследовательскую работу проф. А. А. Герасимовича во главе кабинета рукописей стал А. А. Лебедев. При нем была коренным образом изменена структура кабинета: к рукописям и старопечатным книгам церковно-славянской печати были присоединены светские книги XV, XVI и XVII вв. западно-европейской печати, XVIII в. русской печати, а также малотиражные и редкие* издания XIX и XX вв., а сам кабинет был переименован в отдел рукописей, древних и редких книг. Дальнейшая смена заведующих отделом не вносила уже коренной ломки в состав его фондов

* В этот термин вкладывается обычное понимание: кроме малотиражных, уже упомянутых выше,—книги с автографами и пометами известных лиц, ajoutés éditio princeps, запрещенные царской цензурой, факсимильные издания и т. д.

и его физиономия, изменяясь в частности, остается в целом все той же в течение последних восемнадцати лет.

В настоящее время Отдел включает в себе до пятнадцати тысяч отдельных рукописей и книг. Не беря на себя задачи полного и всестороннего освещения довольно разнообразного собрания, я ограничусь описанием некоторых наиболее интересных изданий, а также перечислением и общей характеристикой отдельных, входящих в его состав коллекций.

Наиболее ценная часть рукописного богатства Отдела—это рукописи Шляпкина. Их всего 453. По времени они располагаются следующим образом: к XIV веку относится 1 рукопись, к XV—9, к XVI—21, к XVII—56, к XVIII—180 и к XIX—187 рукописей. Из этого числа более трети (179 рукописей) являются наиболее интересными по содержанию—это сборники разнообразного состава. Датированных рукописей насчитывается 70. Две рукописи: „Псалтырь XIV века“ и „Записи школьного учителя“ Буссе XVI в. написаны на пергамене.

По содержанию рукописи коллекции Шляпкина можно разделить на 8 отделов:

1. Библейские книги и богослужебная литература—28 рукописей.
2. Богословская литература—31 рукопись.
3. Сказания, жития святых и службы им—47 рукописей.
4. Литература светская: повести, романы, стихотворения, песни, драмы—69 рукописей.
5. История и право—65 рукописей.
6. Медицина, естественные науки и техника—9 рукописей.
7. Библиография и ученый архив И. А. Шляпкина—24 рукописи.
8. Сборники—179 рукописей.

Состав коллекции живо характеризует интересы собиравшего. Они лежали, прежде всего, в истории древней литературы, духовной и светской, и сказались в первой—подбором житийной литературы, во второй—подбором сказок (например, о Бове-королевиче в редакции, неизвестной еще в литературе), повестей, песен и т. д.

Интерес к театру нашел отражение в подборе пьес XVIII и XIX вв., среди которых видное место занимает *неизданная* рукопись писателя екатерининской эпохи Н. А. Львова—„Силф или мечта молодой женщины.—Комедия с песнями в двух действиях. Сочинена 1778-го года, февраля

15-го* *. Рукопись писарской руки с собственными правками автора и режиссерскими ремарками, по которым можно судить, что пьеса шла в частном (крепостном или любительском) театре, может быть под руководством самого автора. Сюжет пьесы заимствован из сказки французского писателя XVIII века Ж. Ф. Мармонтеля *Le magi sylphe. Conte moral* **.

Весьма интересным представляется то, что проф. Шляпкиным очевидно одновременно с приобретением рукописи у известного букиниста того времени Ключкова был приобретен и томик Мармонтеля, в котором на форзаце рукою Львова с многочисленными поправками набросаны четыре четверостишия, вошедшие потом в его рукопись „Силф“.

В состав рукописного фонда Шляпкина вошли приобретенные им бумаги проф. Надеждина и Ореста Миллера. В большинстве своем оба фонда состоят из рукописей уже опубликованных работ этих лиц и серьезных разночтений (в той части, которая проверена и сличена) не несут, — а также из студенческих работ и записей поименованных лиц или их учеников. Особого интереса они не представляют. В собрании же Шляпкина сохранился и *черновой карандашный набросок программы руки И. Е. Репина, сделанный им для юбилейной постановки оперы Рубинштейна „Демон“.

На следующем месте после собрания Шляпкина надо поставить архив С. А. Юрьевича, бывшего в течение многих лет одним из воспитателей Александра II. Особенный интерес представляют его дневники, которые он вел много лет изо дня в день, записывая на страницах придворного календаря всё, чему он был свидетелем. Из исторических его записей интересна, например, одна, рисующая полную растерянность Николая I и его двора во время революции 1848 года. Настроение было таково, что ждали с минуты на минуту восстания и в России. Вторая мелкая, но любопытная черта Николая I: он до самой смерти помнил революционное движение 1825 года и ежегодно, из года в год, в день четырнадцатого декабря служил молебен, на котором неизменно присутствовали все те лица, которые окружали его в слишком хорошо запомнившийся ему день.

* Подлинник рукописи в 1941 г. передан в Литерат. архив ЦАУ УНКВД. В Отделе хранится машинописная копия с нее и несколько фотокопий с отдельных страниц.

** Сказка напечатана в сб. „Suite des contes moraux. Par M. Marмонтel. Amsterdam, 1765“.

Сопровождая наследника (будущего Александра II) в его заграничном путешествии, Юрьевич вел путевой журнал, в котором встречается много записей о Василии Андреевиче Жуковском, записи, которые, несомненно, найдут себе отражение в еще ненаписанных „Делах и днях“ одного из величайших русских поэтов первой половины XIX века. Несмотря на сугубо верноподданническое настроение Юрьевича, для которого в его „обожаемом монархе“ заключалась вся жизнь, — на страницах дневника все же промелькнула запись горького недоумения (на недовольство Юрьевич осмелиться, конечно, не мог) относительно запрещения праздновать всенародно и открыто юбилей Жуковского. Запрещение последовало от Николая I на том основании, что из-за болезни жены В. А. Жуковский все последние годы жил за границей и ко двору не появлялся.

Архив известного мистика, философа, писателя и поэта Владимира Сергеевича Соловьева представлен несколькими черновыми рукописями его философских статей, опубликованных в разных журналах, а также перепиской его с рядом лиц и с братьями. Последняя вышла отдельной книгой в 1923 г. в довольно плохом, с научной точки зрения, издании*. По сравнению с подлинными письмами имеются серьезные разночтения.

Своеобразный и также немалый интерес представляет собою собрание рукописей Мальцева, относящееся к XV—XX вв.; среди них ряд прекрасных по внешнему оформлению и сохранности. В воспоминаниях лично знавших его, фигура Паисия Мальцева встает чрезвычайно живо и колоритно. Вольский купец и старообрядец — Мальцев задался целью снабдить старообрядческие церкви богослужебными книгами. С этой целью через своих агентов он начал скупать древние книги, преимущественно до-никоновской и старообрядческой печати, понемногу увлекся и превратился в страстного библиомана, не останавливающегося ни перед чем для приобретения особо полюбившейся ему книжки. Не стесняясь в деньгах, он порой приобретал целую библиотеку, если ему отказывали в продаже отдельной нужной ему книги. Этим объясняется то, что в его библиотеке не редкость встретить несколько экземпляров одного и того же, зачастую не представляю-

* Соловьев, Вл. Письма. Под ред. З. Л. Радлова. СПб. Изд. „Время“. 1923. 243 стр.

щего никакой редкости, издания. Изустное предание рассказывает, что в особых случаях, когда владелец наотрез отказывался продать книгу, Мальцев даже пускался на воровство, что ему при его положении капиталиста и благотворителя, а также весьма солидной комплекции, сходило благополучно с рук.

На этом собрании рукописей наиболее ярко сказалась любовь Мальцева к старой книге. Приобретая порой рукопись неважной сохранности, в разбитом переплете, Мальцев отправлял ее на реставрацию в Уральск, в мастерскую старообрядца Федора Першина, большого любителя и знатока своего дела, который и переплетал ее заново в доски и кожу, давая прекрасную имитацию старинного переплета.

По содержанию в основном это — клерикальная литература, представленная многими образцами одного и того же сочинения разных веков и местностей. Сборников в нем мало, да и имеющиеся носят все тот же религиозно-богослужебный характер. Из светской литературы имеется несколько исторических книг: летописцы, хронографы, История о Казанском царстве, житие Петра Великого, и т. п., Максим Грек, Козьма Индикоплов и некоторые другие.

Тем не менее, собрание представляет огромную ценность как в научном, так и в культурно-историческом отношении.

Следующим крупным фондом, хранящимся в Отделе, являются *старопечатные книги*, преимущественно клерикального содержания, с начала книгопечатания на Руси по XIX век включительно. Всего в этом фонде насчитывается свыше 2000 томов. По векам книги располагаются следующим образом: XV в.—3 книги, XVI—55, XVII—800, остальные—XVIII и XIX веков.

Славянские инкунабулы представлены Часословцем Швайпольта Феоля, изданном в Кракове в 1491 году (2 экземпляра, оба дефектные), и Триодью Постною, его же.

Из изданий первой половины XVI века назову в первую очередь библию д-ра Франциска Скорины (Прага 1517—19, экземпляр плохой сохранности), представителей Венецианской типографии Божидара и Вицентия Вуковичей (Октоих—1536—37, Соборник—1536—38, Молитвослов—1547, Служебник—1554) и образцы типографии Камиллы Занети (Венеция) и Скадаровской типографии.

Московская печать представлена в первую очередь до-Федоровскими изданиями: Псалтырю — Москва 1551—53,

Четвероевангелием—М. 1554—55 и Триодью Постною—М. 1556. Все три книги были известны нашим книговедам уже давно, но впервые изучены и датированы были только в 1926 году профессором Гераклитовым*. Они очень редки и не всякая библиотека может похвалиться наличием их в своем составе. Особенно редка Псалтырь. И. Каратаев, напечатанный в 1883 г. „Описание Славяно-русских книг“**, дал описание ее по воспоминаниям, имеющим 25-летнюю давность, и не мог указать ни одного хранилища, в котором она находится.

Федоровских изданий, напечатанных в Москве, в библиотеке не сохранилось***. Но зато его Заблудовские, Львовские и Острожские издания представлены полностью и зачастую не одним экземпляром. Так Львовский Апостол 1573—4 гг. имеется в трех экземплярах, Псалтырь и Новый Завет (Острог—1580)—в трех экземплярах, Библия Острожская в четырех экземплярах и т. д.

Развитие типографского искусства в Москве можно последовательно проследить по изданиям Петра Тимофеевича Мстиславцева и других вплоть до Онисима Радышевского, создавшего прекрасный шрифт и отдельные издания клерикальной печати, замечательные по изяществу и элегантности выполнения.

Особенно полно представлены издания московских, украинских и белорусских**** типографий за время с начала XVII века и по 50 годы его, т. е. до-никоновский период, очень ценящийся старообрядцами. Вторая половина XVII века, XVIII и XIX века представлены значительно слабее и преимущественно изданиями старообрядческих типографий. Православные книги за это время встречаются в случайных экземплярах.

По содержанию старопечатный фонд состоит в основном из книг, могущих служить орудием для защиты старообрядчества или необходимых при богослужении по старому обряду. Но наряду с ними мы имеем хороший подбор литературы вроде „Огородка Марии Богородицы“

* Проф. Гераклитов. Три издания XVI в. без выходных листов из библиотеки Сар. Университета. „Уч. зап. СГУ“. Педфак. Т. V, в. 2 1926.

** Сборник ОРЯС, Ак. Наук Т. XXXIV, № 2.

*** В библиотеке Мальцева они были и в очень хорошей сохранности, но в 1932 г. были переданы в Центр.

**** Список украинских и белорусских изданий см. в моей заметке: „Українські та белоруські видання XVI—XVII в. в Бібліотеці Саратовського Університету“. — Бібліологічні Вісти, 1928, № 3.

Антон Радивиловского, „Перла Многоценного“ Кирилла Транквилиона, Диоптра альбо зеркало, сочинения Лазаря Барановича и Гаятовского и др., являющихся первоисточником для создания украинской литературы XVII века.

Из светской литературы того времени можно назвать Шестоднев, Историю о Варлааме и Иоасафе, Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, Уложение царя Алексея Михайловича, Лексикон славено-русский Памвы Беринды, многочисленные издания Синописа, Азбуку Вас. Бурцева, Грамматику Мелетия Смотрицкого, Считание удобное, и ряд других книг, на которых воспитывались и обучались многие поколения людей.

Западно-европейская печать того же периода представлена двумя инкунабулами:

1. Ludovicus Pontanus. Aurea lectura suprae secundum partem codices, Mediolani, 1480.

2. Mirandulus. Opera. Voponiae, 1496 и коллекцией книг XVI века.

Коллекция эта невелика по объему (в ней немногим больше 100 книг), но своим разнохарактерным содержанием она дает прекрасное понятие о том, чем был XVI век в научном отношении.

В ней есть представители многих итальянских выдающихся писателей XIV—XV вв., как Боккачио, Ариосто, Аретино, Франческо, Гварини, Саннацаро и др; писателей античности—как Гораций, Вергилий, Гомер, философов—Платон, Диоген и средневековья (Сенека).

Из книг по истории стоит назвать Odebornio—Ioannis Basilidis magni Moscoviae ducis vita. Witenbergae 1585 с портретом Грозного Possevi n. Moscoviae et alia opera. Coloniae Agrippinae 1595; Martini Bronlovit—Tartariae descriptio. Coloniae Agrippinae 1595.

Все они касаются истории России и являются современными свидетельствами иностранцев о нашей стране. Материалы же по России содержит и географический атлас Rosasco „Il Theatro del Mondo“ 1598. Сведения, которые дает этот атлас, зачастую фантастичны и являются прекрасным показателем того, насколько осведомлены были иностранцы о нашей стране. Книги этой нет ни в одной из крупных библиотек Союза, по крайней мере предпринятые нашей библиотекой розыски дублета ее не увенчались успехом.

XVII век представлен еще шире, чем XVI (в Отделе хранится несколько сотен книг XVII века); здесь ряд прекрасно,

сохранившихся изданий голландского типографского дома Эльзевиров. Являясь своеобразными последователями в деле типографского искусства Альдов, Эльзевиры достигли еще более высокой степени в этом искусстве, сочетая изящный шрифт с малым форматом и давая одновременно интересный по содержанию материал.

Из книг XVIII века, вышедших в России, на первое место, несомненно, надо поставить Петровские издания, напечатанные как гражданским шрифтом, так и кириллицей, и внесшие совершенно иное направление в русскую мысль. „Арифметика“ Магницкого и „Таблица логарифмов“ после „Прологов“ и „Миней“ предыдущего века ясно свидетельствуют об этом переломе. Коллекция Петровских изданий включает в себе свыше 50 книг самого разнообразного содержания.

Значительно больше по объему коллекция Новиковских изданий. По неполному подсчету она содержит в себе до 150 книг, не считая журналов: „Трутенъ“, „Живописец“, „Кошелек“, „Полезное с приятным“, „Утренний свет“.

Из прочих изданий XVIII века, довольно широко представленных в Отделе, остановилось только на светской литературе: повести и романе.

Коллекция эта содержит (по неполным данным) 150 книг. Работа по выявлению их далеко еще не закончена и можно предполагать, что эта цифра по крайней мере удвоится. Самая ранняя из имеющихся книг этой коллекции относится к 1751 г.—„Аргеніда“, повесть героическая, сочиненная Иоанном Барклацем, а с латинского на словено-росс. переведенная и с митолог. изъяснениями умнож. от Василья Тредіаковского, 2 т., в. 5 к. СПб. 1751.

Составлена коллекция из книг проф. И. А. Шляпкина и П. Мальцева.

Из книг XIX века, хранящихся в Отделе, прежде всего назову коллекцию альманахов. Русские альманахи, как известно, появившиеся в подражание альманахам западным, своим происхождением обязаны Н. М. Карамзину. Первый альманах появился в 1794 году,—это „Аглая“; она есть в нашем Отделе. Вообще наша коллекция альманахов невелика и страдает довольно существенными пробелами. Тем не менее, из имеющихся у нас можно назвать „Полярную звезду“ на 1823 г., 1824, 1825, издававшуюся Бестужевым и Рылеевым, „Северные цветы“ барона Дельвига 1825—30 гг., в которых сотрудничал Пушкин, „Северная лира“

Райча и Ознобишина за ряд лет, „Альциона“, „Цевница“ „Карманная библиотека Аонид“ и много других.

Из собрания И. А. Шляпкина поступила лубочная литература и издания для народа. Несмотря на дешевизну этих книг, изданных очень плохо и на плохой бумаге, массовость тиража,—редкая библиотека может похвалиться образцами подобной литературы в виду всеобщего пренебрежения к ней со стороны буржуазного общества. Обычно эта литература зачитывалась до дыр (вспомним, например, серию книжек вроде „Ната Пинкертона“, „Ника Картера“ и т. п. литературы) или шла на раскурку. По содержанию эти книги или религиозного направления (жития святых, описание чудес, описание монастырей) или морально-дидактического, или, наконец, сказки и невероятные приключения, вроде только что названного Пинкертона. Не представляя никакой ценности по своему содержанию, колллекция этих книг ценна как образец одного из многочисленных способов, при помощи которых царское самодержавие держало в подчинении и угнетении народные массы.

В противовес этим народным изданиям необходимо поставить так называемую „запрещенную литературу“, немалое количество которой также хранится в Отделе. Здесь по количеству изданий на первом месте надо поставить „Вольную русскую печать“, издававшуюся за границей. За границей печаталось все то, что по цензурным условиям не могло выйти в России и, зачастую, предназначалось для чтения избранных либерально-настроенных умов. И далеко не всегда авторы этих произведений подвергались преследованиям и гонениям за опубликованные ими работы. Так, например, известный деятель „Крестьянской реформы“ 1861 г. А. И. Кошелев почти все написанное им издавал у Бера в Лейпциге и собственноручно преподносил Александру II, получая „всемилодивейшую“ благодарность. И, тем не менее, массовый ввоз его произведений в Россию был воспрещен. Иное отношение было к изданиям А. И. Герцена. Его издания вроде „Колокола“ (несколько номеров его у нас имеется) энергично преследовались и уничтожались полицией.

Марксистско-ленинская коллекция представлена прижизненными изданиями „Капитала“ К. Маркса 1872 г.: французским, немецким (2-ое издание) и русским (Полякова). Помимо того, имеется ряд дореволюционных изданий Маркса и Энгельса.

Произведения В. И. Ленина представлены Штутгартским изданием „Что делать“, первым изданием „Развитие капитализма в России“ и рядом дореволюционных и первых изданий отдельных статей и речей В. И., изданных как в России, так и за границей.

Сочинения И. В. Сталина подбираются в Отделе в первых изданиях.

Особый фонд составляет политическая литература 1905, 1906 и 1907 гг., состоящая из произведений эсеров, эсдеков, кадетов и других партий, а также издания 1917 года.

В заключение остановлюсь еще на двух фондах, стоящих несколько особняком в этом Отделе,—это периодические издания и шляпкинские брошюры.

Периодические издания XVIII в. и начала XIX в., кроме названных выше Новиковских изданий, включают в себя следующие журналы и газеты: „СПБ Ведомости“ (за ряд лет), „Московские ведомости“ (за ряд лет), „Ежемесячные сочинения“, „Сочинения и переводы“, „Трудолюбивая пчела“, „Невинные упражнения“, „Свободные часы“, „Труды Вольного Экономического Общества“, „Адская почта“, „Почта духов“, „СПБ Меркурий“, „Зритель“, „Вестник Европы“, „Московский Телеграф“, „Б-ка для чтения“, „Трудолюбивый муравей“ и много других. Не всегда составляя полный комплект, они, тем не менее, дают ясное понятие о русской журналистике в первые годы ее существования, а также и о русской литературной жизни XVIII века.

Шляпкинские брошюры—их несколько тысяч—состоят из вырезок и отдельных изданий по истории русской и западно-европейской литературы (personalia), фольклору, истории театра, искусству и т. д. Не представляя особой ценности каждой единицей отдельно, собрание их является незаменимым для специалиста, работающего по отдельному мелкому вопросу, так как подбор вырезок почти исчерпывающ в пределах конца XIX и начала XX веков. Много в этом собрании и газетных вырезок со статьями, иногда крупных специалистов, отыскание которых весьма затруднительно в условиях провинциальной работы.

СОДЕРЖАНИЕ

1. <i>Синицын И. В.</i> Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья	3
2. <i>Синицын И. В.</i> Древние памятники в бассейне Иргиза по раскопкам 1938—1939 гг.	135
3. <i>Дербов Л. А.</i> К истории падения ливонского ордена	157
4. <i>Морозова Т. Л.</i> Эпизод из истории русско-иранского сближения в конце 70-х гг. XIX столетия	175
5. <i>Гендель Г. М.</i> Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг.	187
6. <i>Шапиро А. М.</i> Борьба английских рабочих за прогрессивную внешнюю политику в 60-х гг. XIX в.	221
7. <i>Пумпянский С. М.</i> Восстание Этьена Марселя по данным Нормандской хроники XIV в.	233
8. <i>Путнынь Э. К.</i> Политика императоров династии Юлиев-Клавдиев в области землевладения	247
9. <i>Кузнецова Ю. А.</i> Коллекция отдела рукописей, древних и редких книг научной библиотеки СГУ	271

Ответ. редактор—проректор по научной работе СГУ
 проф. *В. С. Елпатьевский*

НГ16563 Подписано к печати 17/IV 1947 года Объем 17⁵/₈ п. л.
 Тираж 2000 экз. Бесплатно

Саратов. Типография № 1 Полиграфиздата